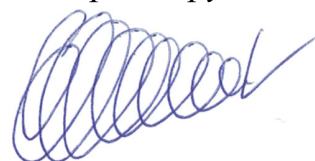

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

На правах рукописи

Матвеев Евгений Вячеславович

**ВСЕСОЮЗНОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ
КНИГИ (1974-1992): «ОРГАНИЗОВАННОЕ ЧТЕНИЕ»
В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕГО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Специальность 5.6.1 (07.00.02) – Отечественная история

Диссертация
на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Янковская Галина Александровна

Пермь – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Читательская культура и государственная политика в сфере печати в 1960-е – первой половине 1980-х гг. ...	39
1.1. Факторы складывания позднесоветской читательской культуры	39
1.2. Система издания и распространения печати в 1960–1980-е гг.	49
1.3. Позднесоветские читатели в зеркале социологии	69
Глава 2. От инициативы до третьего съезда (1973–1984 гг.): Всесоюзное общество книголюбов как массовая советская организация периода «длинных семидесятых».....	90
2.1. Институциональное становление организации книголюбов	90
2.2. Развитие ВОК: экономическая модель, форматы деятельности и практики	120
2.3. Домашняя библиотека в дискурсе ВОК как способ изменить читательскую культуру	152
Глава 3 Общество любителей книги перед лицом альтернатив и перемен	174
3.1. Организация советских книголюбов в пространстве Восточного блока	174
3.2. Кризис и распад Всесоюзного общества книголюбов в контексте перестройки и краха советской системы (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.)	192
Заключение	212
Список источников и литературы	221
Приложения	253

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Интерес к позднему советскому периоду растет с разных сторон: в научной среде, в обществе, у государства. Так, сегодня создаются профильные группы ученых, реализуются исследовательские проекты, выходят научные монографии и статьи, проводятся специализированные конференции, посвященные социальным, экономическим и политическим институтам и практикам времен завершения социалистического проекта, и т.д. Одновременно феномены позднего советского периода находятся в фокусе внимания авторов научно-популярных проектов, представителей массовых медиа, а также простых пользователи сети Интернет, которые активно используют всемирную сеть как пространство коммуникации, связанной с прошлым. Кроме того, всё большую заинтересованность в прошлом проявляет государство, которое чаще и чаще прибегает к ревитализации форматов взаимодействия с обществом, к примеру, поддержке масштабных массовых инициатив.

Возрастающее внимание исследователей, обывателей и представителей власти объясняется несколькими факторами.

Во-первых, прошло достаточно лет, чтобы начавшиеся в поздний советский период процессы завершились, сформировалась временная дистанция, которая позволяет проводить полноценный ретроспективный анализ.

Во-вторых, методологические повороты, изменившие историческую науку, существенно расширили инструментарий и проблемное поле исследований прошлого, отразились на характере работ о периоде между оттепелью и перестройкой, помогли переключить внимание с больших сюжетов на более мелкие. Дополнительным катализатором для изучения позднего советского периода стала отмена сдерживающих ограничений, вроде цензуры, приоритета идеологических установок, и, конечно, закрытых архивов и библиотек.

В-третьих, в оборот вводятся до этого неопубликованные документальные источники. К ним добавляются новые типы, к примеру, устные интервью, цифровые воспоминания участников событий и т.д. К тому же генерации информации о закате социализма содействует то, что часть общества остается носителем позднесоветского опыта, а другая его не имеет. Это способствует развитию как научной, так и повседневной коммуникации по поводу 1960–1980-х гг. между разными поколениями.

Стоит отметить, что внимание к позднему советскому периоду распределено неравномерно. Вне фокуса остается множество сюжетов. К таковым относится деятельность добровольных массовых организаций. Остаются неясными механизмы работы данных структур, мотивация участников. В этом контексте особого внимания заслуживают общества, сформированные именно на этапе позднего социализма. Одним из них являлось Всесоюзное общество любителей книги (1974–1992), успевшее стать самой массовой социокультурной добровольной организацией в СССР.

Сфера чтения также претерпела значительные изменения за последние несколько десятков лет. Диджитализация текстов, перераспределение свободного времени на чтение, расширение ассортимента, снижение печатных тиражей – это отличительные характеристики современной читательской культуры. Вместе с новым технологическим рывком всё дальше уходит в прошлое модель чтения, которая действовала в 1970–80-х гг. Ее отличала не только аналоговая основа, но и принципиально иной характер читательской коммуникации, в рамках которой важную роль играло государство как организатор чтения советских людей.

Формат, масштабность, ориентиры деятельности организации книголюбов позволяют сформулировать проблемные вопросы для данного исследования: Какие социальные контексты, экономические и политические факторы повлияли на создание массовой организации в сфере чтения в поздний советский период? Какое положение заняла структура книголюбов в позднесоветской читательской культуре? Каким образом деятельность

структуры книголюбов изменила читательские практики 1970–1980-х гг.? Обращение к истории таких общественных организаций, как Общество книголюбов, представлявших собой, с одной стороны, механизм мобилизации и контроля населения государством и партией, а с другой – пространство низовой активности, позволяет глубже проанализировать переплетение интересов власти и общества в поздний советский период.

Объектом исследования является институт массовых добровольных обществ в 1970–1980-х гг., **предметом** – институциональная история Всесоюзного общества любителей книги в контексте читательской культуры позднего советского периода.

Читательская культура в данном исследовании понимается как комплексное явление. Ядром в нем выступает феномен культуры чтения как составная часть общей культуры, комплекс навыков обращения с книгой, периодикой и другими предметами чтения, который включает выбор, восприятие, анализ и оценку прочитанного, способность применять на практике полученную информацию¹. Читательская культура, по прямой аналогии с литературной культурой² в интерпретации социолога Б.В. Дубина, включает помимо культуры чтения также совокупность коммуникаций, способов организации, инфраструктуры и институтов, связанных с чтением.

Хронологические рамки данной работы охватывают 18-летний период функционирования ВОК: с момента его создания в 1974 г. до упразднения организации в самом начале 1992 г. Особое внимание уделено существованию Общества в период так называемых «длинных» семидесятых, как правило, определяемых в границах середины 1960-х – середины 1980-х

¹ Составлено автором по: Збаровская Н.В. Формирование культуры чтения в общедоступных библиотеках: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03. – СПб., 1998; Чушкина С.Е. О подходах к определению понятия «Читательская культура» // Вестник Башкирск. ун-та. – 2015. – № 2. – С. 605.

² Дубин Б.В. Литературная культура сегодня // URL: https://bookscafe.net/read/dubin_boris-literaturnaya_kultura_segodnya-23681.html#p1 (дата обращения: 11.09.2021).

гг.¹ Пристальное внимание к этому времени объясняется тем, что сегодня оно остается якорным для определения характеристик «поздней советскости»². В свою очередь, вторая половина 1980-х – начало 1990-х явились «тестом на выживание» для институтов, характерных для брежневизма. В том числе это был период трансформации ВОК в условиях нарастающего кризиса режима.

Территориальные рамки исследования включают четыре уровня: во-первых, всесоюзный; во-вторых, масштаб РСФСР; в-третьих, региональное измерение – Пермскую область (в некоторых случаях также привлекаются для сравнительного анализа факты из других регионов РСФСР); в-четвертых, пространство стран социалистического блока, поскольку Общество книголюбов выстраивало отношения с зарубежными общественными организациями в сфере чтения.

Различные аспекты деятельности Всесоюзного общества книголюбов будут рассматриваться в соответствии со структурой организации:

Низовой уровень – ячейки общества, клубы кружки и объединения, а также районные и городские организации Общества. На этом этапе разворачивалась повседневная рутинная работа: сбор взносов, ведение документации и т.д. Кроме того, именно здесь любители книги имели возможность реализовать себя, свои собственные творческие, материальные замыслы.

Областной, республиканский и всесоюзный уровни – здесь происходила основная организационная работа, принимались общие для рядовых членов правила и предписания, велся финансовый контроль и бухгалтерский учёт,

¹ Существуют разные мнения по поводу рубежных точек данной эпохи. Одни авторы полагают, что начало «длинных» семидесятых находится в середине 1960-х, а окончание – в середине 1980-х гг. Другие считают, что у этого периода есть точная дата начала – 1968 год и события в Праге, и конца – 1982 г. Подход Н. Чернышевой, которая не придерживается жестких границ в отношении анализа потребительской культуры данной эпохи, для данного исследования является более предпочтительным, так как невозможно точно атрибутировать временные рамки практик, присущих периоду «длинных» семидесятых / Chernyshova N. Soviet consumer culture in the Brezhnev era. – London, 2013. – P. 15.

² Кустарёв А. Золотые 1970-е — ностальгия и реабилитация // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2007. – № 2. – С. 6–12.

осуществлялась проверка действий книголюбов на соответствие идеологии. Основными акторами выступали штатные бюрократы, активисты, делегаты от низовых организаций, которые участвовали в работе съездов ВОК. Они принимали решения, связанные с проведением идеологической повестки, и, как следствие, тесно сотрудничали с прочими властными институтами, которые непосредственно влияли на работу Общества книголюбов: комитетами партии, государственными органами, другими общественными организациями, в том числе из других стран.

Степень изученности проблемы. Работа массовых общественных организаций в 1960-1980-е годы, опыт участия в них советских людей, являются актуальными научными проблемами, еще недостаточно изученными в историографии. Данный спектр проблем находится на пересечении социальной истории, институциональной истории, истории потребления, истории чтения, антропологически-ориентированной истории и других междисциплинарных исторических направлений. Специфика проблематики задаёт комплексный характер историографии.

Во-первых, в историографию включены издания, связанные с анализом позднесоветского социального опыта. Важными характеристиками работ в данном разделе являются комплексность источниковой базы, внимание к нелинейности и многофакторности социальных процессов в 1960–1980-е гг.

Для указанной проблематики 1990-е гг. были временем формирования интереса со стороны исследователей. Этот процесс происходил на фоне деидеологизации знания, а также под влиянием методологических поворотов, которые изменяли историческую науку на рубеже веков. Расширялась база источников: в один ряд с традиционными, статистикой, к примеру, становились дневники, письма, устные интервью¹, вводились в оборот новые

¹ На основе устных интервью, к примеру, полностью построена работа Raleigh D.J. *Soviet baby boomers: an oral history of Russia's cold war Generation.* – Oxford, 2012.

архивные данные^{1,2}. Симптоматичными чертами исследований стали междисциплинарный характер, внимательное отношение к повседневности как к предмету исследования, активное использование личных источников.

Одной из первых работ в этом направлении была книга филолога из России, американского слависта С. Бойм «Общие места. Мифология повседневной жизни»³. Труд посвящен критическому анализу «...мифических представлений, которыми скреплялся повседневный быт России XX столетия». В книге на базе анализа текстового и визуального дискурсов, интервью, собственных воспоминаний и бытовых деталей анализируется спектр явлений и феноменов, характерных для советской повседневности: коммуналки, мещанство, графоманство и т.д. Тем самым уже в первой половине 1990-х гг. был обозначен важный методологический поворот в исследованиях позднесоветских социальных феноменов через призму культурной истории и антропологии.

Начало 2000-х стало отправной точкой для возрастания интереса со стороны академического сообщества в России и за рубежом к позднесоветскому социальному опыту. Настроение исследователей, как кажется, выразил британский историк Э. Бэкон, призвавший к «переоценке Брежнева», а также к отказу от использования клише «застой». Он писал: «Где же великие труды, посвященные этому человеку и его времени? <...> 20

¹. К настоящему времени сохранились и некоторые ограничения, связанные с источниками. По замечанию историков В. Дённингхауса, Т.В. Савиной, А.И. Савина, эпоха Брежнева выступает сегодня «в роли «самого секретного» периода, менее всего обеспеченного архивными документами высших органов власти, доступными профессиональным историкам» / Дённингхаус В., Савин А.И., Савина Т.В. Генеральный политрук: языковые особенности рабочих дневников Л. И. Брежнева // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2 (32). – С. 93.

² На этой почве создавались специальные институции. Так, на основе материалов личной переписки, семейных архивов, массовых источников, таких как письма трудящихся в разные инстанции, в конце 1980-х гг. был создан Центр документации «Народный архив». Он подобрал среди прочего богатый материал по позднему советскому периоду. На анализе его материалов, в частности, построила свою работу в 1990-х гг. социолог и философ Н.Н. Козлова.

³ Книга впервые была выпущена в США в 1994 г., позже переведена на русский язык и издана в 2002: Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. – М., 2002.

лет – достаточная временная дистанция, чтобы начать переоценку этого периода»¹.

Темами для анализа позднего советского социального опыта в дальнейшем становились такие разные социальные явления, как очереди², вещи³, кино⁴, юмор⁵, рок-н-ролл⁶, городские легенды⁷, автобиографии⁸, праздники⁹, участие людей в больших государственных проектах¹⁰ и т.д. Помимо спектра исследований свидетельства интереса к социальному опыту позднего социализма также служат резонансные тематические конференции¹¹, сборники, коллективные монографии, специальные номера журналов¹².

¹ Brezhnev Reconsidered / Ed. E. Bacon, M. Sandle. – London, 2002. – P. 1.

² Николаев В.Г. Советская очередь: прошлое как настоящее // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 5 (43). – С. 55–61.

³ Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. – М., 2006.

⁴ Rojavin M., Harte T. Soviet Films of the 1970s and Early 1980s Conformity and Non-Conformity Amidst Stagnation Decay. – London, 2021.

⁵ Klumbite N. Soviet Ethical Citizenship: Morality, the State, and Laughter in Late Soviet Lithuania / Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964-1985 / Ed. N. Klumbyte, G. Sharafutdinova. – Lanham, 2013.

⁶ Zhuk S.I. Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dnepropetrovsk, 1960-1985. – Baltimore, 2010.

⁷ Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. – М., 2020.

⁸ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М., 2005.

⁹ Келли К., Сиротина С.С. «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 258–299.

¹⁰ Ward S. Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism. – Pittsburgh, 2009.

¹¹ Которые собираются как по локальному (к примеру, Всероссийская конференция «Урал в преддверии перестройки» (2008)), так и по проблемному принципу: «После Сталина: Позднесоветская личность», проведенная в Европейском университете в 2013 г., «40 лет Конституции 1977 года: что мы знаем о "развитом социализме"», состоявшаяся в 2017 г., «Позднесоветская деревня. Люди, структуры и объекты между «сельским» и «городским» образом жизни», которая прошла в мае 2018 г. на базе Германского исторического института в Москве.

¹² См.: Brezhnev Reconsidered / Ed. E. Bacon, M. Sandle. – London, 2002; Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. Длинные 70-е: советское общество в 1968–1982 годы. – 2007. – № 2 (52) // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2> (дата обращения: 11.09.2021); Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964-1985 / Ed. N. Klumbyte, G. Sharafutdinova. – Lanham, 2013; Раздел «Семидесятые в закрытом обществе: в контексте советского дискурса» в журнале Новое литературное обозрение № 123 за 2013 год // URL:

Особое положение в череде работ занимают исследования повседневности. К числу актуальных работ в этом направлении относятся книги Н.Б. Лебиной, в частности издание «Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917–1991»¹. Центральный вопрос исследования касается советского общества: «Было ли оно современным или традиционным»². В контексте данного диссертационного исследования особого внимания заслуживает очерк, который автор посвятила макулатуре и практикам чтения. В завершении книги исследовательница делает вывод: «Приём бытовизации / антропологизации российской исторической действительности 1917 – 1991 гг. позволяет с определенной долей уверенности утверждать, что в советской действительности, несомненно, шел процесс превращения «традиционного» общества в «современное»³.

Волна интереса к позднему советскому социальному опыту часто носит характер переоткрытия, пересмотра прежних мнений. Выражением такой позиции является реплика американского исследователя Д. Рейли: «Западное представление о том, что всех советских людей можно разделить на твердокаменных (или лицемерных) коммунистов и диссидентов, на самом деле не соответствует куда более сложной и более разумной реальности...»⁴. Книга Д. Рейли в этом плане показательна: она посвящена советским бэйби-бумерам – первому послевоенному поколению, которое знало на деле, по мнению исследователя, что такое «жить по-советски».

Для Д. Рейли и некоторых других зарубежных авторов было характерно особое внимание к советскому социальному опыту через призму опыта возрастной группы, названной экономистом Д.Я. Травиным

<http://magazines.russ.ru/nlo/2013/123> (дата обращения: 11.09.2021); *Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era Ideology and Exchange* / Ed. D. Fainberg, A.M. Kalinovskiy. – Lanham, 2016.

¹ Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917-1991. – М., 2019.

² Лебина Н.Б. Указ. соч. – С. 14.

³ Там же. – С. 506.

⁴ Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. – М., 2015. – С. 339.

«семидесятниками» – теми, кто жил и сформировался в период от оттепели до перестройки¹. В этом контексте важной для данной работы является книга российско-американского исследователя А.В. Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение»². Выход издания катализировал дискуссию о позднем советском социальном опыте. Центральный вопрос для автора заключался в разрешении парадокса эпохи: «...несмотря на то, что большинство людей воспринимало советскую систему как вечную и неизменную, они в принципе были всегда готовы к ее распаду»³.

Исследователь отказывается от клишированных бинарных оппозиций в объяснении советских феноменов, к примеру, сопротивление / лояльность и пр. Свои рассуждения автор строит на основе анализа позднего советского авторитетного дискурса и его отражения в повседневной жизни 90 млн молодых людей, обозначенных через категорию «последнего советского поколения». Исследование А.В. Юрчака включает анализ нескольких кейсов из жизни разных молодежных и субкультурных групп: комсомольцев, некрореалистов, митьков и т.д. На этой основе исследователь делает несколько концептуальных предположений: о перформативном сдвиге, «сообществах своих», вненаходимости.

Смысл существования позднего советского дискурса, согласно исследователю, заключался в копировании и воспроизведении формы. А.В. Юрчак обращает внимание на амбивалентную природу любого высказывания, включающую констатирующий и перформативный смыслы, которые были неотделимы друг от друга. В условиях постоянного воспроизведения формы – перформативной составляющей, она «застывала»: интертекстуализировалась и гипернормализировалась, а пространство

¹ Травин Д.Я. Семидесятнугые – анализ поколения. – СПб., 2011.

² Опубликовано в 2006 г. на английском языке, переиздана в русском переводе в 2014 г.

³ Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М., 2014. – С. 34.

констатирующего смысла оставалось свободным для наполнения¹. Воспроизведение формы являлось залогом стабильности режима и свободы интерпретаций со стороны советского человека.

Носителями дискурса являлись «нормальные» советские люди, которые, согласно А.В. Юрчаку, сочетали в своей жизни формальное подчинение официальному дискурсу с реализацией собственных устремлений и планов. Они изымали себя из-под прямого влияния идеологии, но не вставали в ряды сопротивления ей, продолжали жить по предложенным правилам. Такие поля представляли собой пространства вненаходимости – позиции, когда человек был одновременно не за власть и не против нее. Здесь люди воспроизводили схожие практики – повторяли форму, наполняя ее ситуативным, непредсказуемым смыслом. Эти действия объединяли людей: «участие большинства молодёжи в воспроизводстве авторитетного дискурса на уровне формы способствовало повсеместному созданию обществ своих»².

Работа А.В. Юрчака «легла в русло» пересмотра роли 1970–1980-х гг. в советской истории. Главный концептуальный вопрос о генезисе и предпосылках распада СССР под давлением мнений историков распадался на

¹ Исследователи П. Вайль и А. Генис в труде, посвященном миру советского человека, подчеркивали диалогичность и важное значение слова в советской культуре периода 1960-х, которые укладывались, по их мнению, во временные границы 1961–1968 гг. Дальнейший период, 1970-е, согласно им, являлись временем молчания, предваряющим многоголосие перестроечного этапа. В этом отношении с А. Юрчаком их роднит не только внимание к продуктам дискурса, природе позднего советского общества и субъекта, но и определение пост-оттепели как периода, в котором потеря смысла высказываний «под бесконечными языковыми наслоениями» получила наибольшее развитие / Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – М., 1998. – С. 328.

² Юрчак А.В. Идеология наизнанку. Этика и поэтика. Поздний СССР: воспроизводство идеологии и публики своих // URL: <http://gefter.ru/archive/14639> (дата обращения: 11.09.2021); В этом аспекте следует согласиться с американским советологом Дж. Хоскинггом, который обратил внимание на возрастание роли коллектива в период правления Н.С. Хрущева, а также указывавшим на то, что советский человек не мог обходиться без коллектива. «Обеспечивая выживание коллектива, его члены практиковали сплоченность, позволявшую изгонять индивидов, которые были способны своим нонконформизмом подрывать коллективное бытие» / Хоскинг Дж. Структуры доверия в последние десятилетия Советского Союза // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/ho5-pr.html> (дата обращения: 11.09.2021).

множество более конкретных. В контексте антропологического поворота в гуманитаристике в сторону изучения человека одной из самых интенсивных дискуссий в историографии являлась полемика о конструировании советской субъективности.

Важной для диссертационного исследования в этом отношении является работа О.В. Хархордина «Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности»¹. Она стала одной из первых попыток анализа не только раннего советского или сталинистского субъекта, но и поздней советской индивидуальности. Автор находит матрицу взращивания советской субъективности в педагогике А. Макаренко. В этом тезисе исследователь обращает внимание читателя на момент концептуальной преемственности принципов православия для воспитания «нового» человека путем триединства таких практик, как «обличение грехов, товарищеское увещание и отлучение»². По мнению автора, в годы сталинизма на первом месте были практики, характерные для «убийственного слияния обличения и отлучения». В постсталинский период получило распространение увещание через насаждение горизонтального коллективного надзора.

О.В. Хархордин утверждал, что, во-первых, советская индивидуальность уже в 1960-е стала настолько зрелой, что техники обличения пронизывали не только формальные практики, но и стали обычным повседневным элементом³; во-вторых, официальные практики обличения рутинизировались и ритуализировались, что приводило к отношению к официальному «Я» – результату долгой работы в период сталинизма – как к данности; в-третьих, обличение в этих условиях уходило на второй план, уступая место другому процессу индивидуализации – отличию. Последнее способствовало появлению множества неформальных

¹ Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. – СПб., 2002.

² Хархордин О.В. Указ. соч. С. 472-473.

³ Автор приводит практику с поздравлениями на день рождения как пример обличения.

сообществ¹, с помощью принадлежности к которым либо в рамках которых можно было отличаться. Исследователь определяет два вида отличия, характерных для позднего советского времени: через творчество – к примеру, в рамках своих профессиональных обязанностей, а также через потребление. Последний вид, согласно автору, преобладал: «...использование потребительских товаров в качестве средства самовыражения было новинкой, и то, что к этой стратегии самовыражения теперь прибегали миллионы советских людей, свидетельствовало об эпохальных сдвигах в культуре. [...] редкие потребительские товары подрывали монотонную униформность советской публики, открывая в то же время тем, кто понимал язык стильных вещей, особое и уникальное "я"»².

Потребление как форма самовыражения советского человека, механизм социального регулирования, способ коадаптации власти и общества в период позднего социализма привлекает внимание исследователей, является важной частью историографии о позднесоветском социальном опыте в рамках данной работы. Так, согласно российско-американской исследовательнице Н. Чернышовой, потребление – «это лакмусовая бумажка, которая раскрывает стратегии, позволяющие сосуществовать человеку и государству»³ в период позднего социализма. Автор обосновывает главное отличие советского типа потребления от западного: если за границей потребители руководствовались, прежде всего, экономическими мотивами, то в процессе потребления в СССР на первый план вышла социальная идентификационная составляющая. Потребление, таким образом, становилось «инструментом для выражения и «чтения» идентичности»⁴. В свою очередь А. Парецкая на основе анализа советской прессы и официальных документов выдвигает оригинальный тезис о том, что функционеры коммунистической партии

¹ Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. – СПб., 2002. – С. 448.

² Хархордин О.В. Указ. соч. – С. 453-454.

³ Chernyshova N. Soviet consumer culture in the Brezhnev era. – London, 2013. – P. 10.

⁴ Chernyshova N. Ibid. – P. 13.

формировали в 1970–1980-е гг. постколлективистский дискурс, который содержал в себе идеи и ценности индивидуальности, самовыражения и поиска удовольствий в сферах труда и потребления, что неизбежно вело к индивидуализации¹.

В свою очередь, российский историк А.С. Иванова в ходе анализа функционирования государственной системы валютной торговли на примере сети магазинов «Березка»² делает вывод о существовании в СССР четырех иерархий потребления: во-первых, официальной публичной системы распределения, возводившей на вершину иерархии многочисленные льготные категории граждан; во-вторых, негласной, но регулируемой властью системы доступа, к которой имели допуск чиновники и бюрократы; в-третьих, негласной «стихийной» иерархии, базирующейся на системе социальных возможностей и связей человека; в-четвертых, теневой экономики.

Исследователи находят пространства автономии и в других сферах. Авторы коллективной монографии «Острова утопии» (2015) анализировали судьбы педагогических проектов послевоенной школы, отношение советских педагогов к девиациям, творчество В. Сухомлинского, коммунаское движение. Исследователи приходят к выводу, что система образования выполняла функцию сближения масс с режимом. Одновременно в ее границах существовали «серые зоны» – пространства «формирования мобилизационного сознания»³, где допускаются «отклонения от "генеральной линии" или сама эта линия перетолковывается»⁴. Данные серые зоны становились сферой для воплощения задумок советских педагогов-новаторов. В качестве причин возникновения таких пространств авторы

¹ Paretskaya A. The Soviet Communist Party and the Other Spirit of Capitalism // Sociological Theory. – 2010. – Vol. 28, № 4. – P. 390.

² Иванова А.С. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. – М., 2017.

³ Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / под ред. И.В. Кукулина, М.Л. Майофис, П.А. Сафронова. – М., 2015. – С. 611.

⁴ Указ. соч. – С. 611.

среди прочего выделяют «необходимость "чудесного решения" задач, невыполнимых в рамках жесткой системы без её коренного преобразования...», а также «потребность периодически приоткрывать клапан, снижая избыточное общественное напряжение»¹.

Диверсификация подходов к анализу позднего советского прошлого, междисциплинарность, использование новых источников привели вместе не только к умножению сюжетов, но и к существенному усложнению картины прошлого. Внимание к позднесоветскому человеку, его повседневности обнаруживает комплексную природу отношений власти и общества, подтверждает существование буферных пространств, дозволенных автономий, в границах которых при выполнении определенных условий люди могли действовать самостоятельно, проявлять свою индивидуальность. В этом контексте следует отметить, что некоторые авторы склонны реанимировать концепцию договорных отношений власти и общества².

Несмотря на многообразие сюжетов и рамок современных исследований, многие стороны позднесоветского социального опыта остаются без внимания исследователей. Так, недостаточно проанализированы аспекты потребления культуры, мотивы и модели участия граждан в больших позднесоветских проектах, формальных и неформальных сетевых структурах, инициированных властью, культурной, народной дипломатии, система социальных лифтов, способы накопления социального и культурного капитала и т.д.

Во-вторых, к историографии относятся исследования по истории чтения и книги, эволюции читательской культуры в СССР в 1960–1980-е гг. Во

¹ Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / под ред. И.В. Кукулина, М.Л. Майофис, П.А. Сафронова. – М., 2015. – С. 613.

² Гурова О.А. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 117–131; Утехин И.В. Особенности неуклонного роста в условиях зрелости // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/ut7.html> (дата обращения: 11.09.2021); Деннингхаус В., Савин А. На встречах курсах: политическая коадаптация власти и общества в брежневскую эру / Диалог со временем. – 2015. – № 53. – С. 279–293.

многим ситуация в современной историографии в данном разделе связана с развитием исследований на советском этапе. Именно тогда сложились основные аналитические центры и исследовательские направления. Наиболее развитым из них к концу 1980-х являлась социология чтения и литературы, которая сформировалась на базе сектора социологии чтения Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Специалистам – В.Д. Стельмах, А.И. Рейтблату, Б.В. Дубину, Л.В. Гудкову, Н.Е. Добрыниной, М.Д. Смородинской, М.Д. Афанасьеву и др. удалось в течение 1960–1980-х собрать богатый материал, позволивший на закате социализма провести глубокий анализ читательской культуры¹. В своих работах социологи обращались к ключевым моментам позднесоветского чтения: книжному буму, книжному дефициту, чёрному рынку, месту чтения в бюджете свободного времени, иррациональному потреблению книги, взаимодействию книги и малых печатных форм – газет, журналов, а также печатного слова с радио, кино и телевидением и т.д. Особого внимания заслуживают как наработки В.Д. Стельмах, специально изучающей изменяющуюся роль библиотек в 1970–1980-х гг.², а также особенности циркулирования литературы разных жанров в читательской среде; как и размышления Б.В. Дубина о роли и функциональном значении классики в книжной сфере³, литературе как социальном институте⁴.

Работы социологов чтения, изданные в 1990–2000-е гг., маркировали новое состояние изучения чтения в целом. Если прежде исследователи были вынуждены прибегать, к примеру, к анализу библиотечной статистики, которая была наиболее доступна, то «архивная» революция вместе с

¹ В.Д. Стельмах отмечала, что социология чтения была вынуждена быть закольцована и замкнута, поскольку исследователи не могли опубликовать выводы в условиях косной системы издания и распространения книги / Книга и чтение в зеркале социологии / под ред. В.Д. Стельмах, Н.К. Лобачева. – М., 1990. – С. 110-118.

² Стельмах В.Д. Библиотека: образы и представления / Книга и чтение в зеркале социологии / под ред. В.Д. Стельмах, Н.К. Лобачева. – М., 1990. – С. 110-118.

³ Дубин Б.В. Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре. – М., 2013.

⁴ Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. – М., 1994.

упразднением цензуры существенно расширили спектр источников и тем, позволили открыто сравнивать большие объёмы информации по разным историческим периодам.

Важной для понимания эволюции позднесоветской читательской культуры в этом отношении является работа российско-американского исследователя Е.А. Добренко¹, раскрывающая аспекты и истоки формовки советского читателя в 1920–1930-е гг. На основе огромного массива архивных материалов, социологических данных автор сделал вывод о том, что формовка советского читателя являлась важным компонентом более глобального процесса – создания советского человека.

В свою очередь, в центре исследования британского историка С. Ловелла² оказалась эволюция советского читательского проекта и его дореволюционные предпосылки. Используя антропологическую призму, а также теорию социальных полей и капиталов П. Бурдьё, автор делает вывод о высоком значении чтения в СССР, поскольку в условиях отсутствия свободного экономического рынка культурный капитал был наиболее котируемым. Высокий статус позволил стать чтению элементом социальной стратификации.

С. Ловелл делит историю советского чтения на несколько периодов, особо выделяя послесталинский этап. В фокусе автора находится логический конфликт позднего советского периода в сфере чтения. Автор пишет о несоответствии косной индустрии и подхода к читателю со стороны власти. Государство с 1930-х гг. взяло курс на гомогенизацию населения с помощью чтения. Это не сходилось с желаниями читателей, а также активными процессами дифференциации внутри общества в послесталинский период на фоне «переоткрытия приватности».

¹ Добренко Е.А. Формовка советского читателя. – СПб., 1997.

² Lovell S. The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras. – London, 2000.

Спектр тем современных авторов разнообразен: они анализируют читательские предпочтения в 1960–1980-е гг.¹, особенности функционирования книжной индустрии во второй половине 1980-х², региональные аспекты реформы системы издательств во второй половине 1960-х³, дизайн советских книг⁴ и т.д. Также выпускаются общие работы по истории книги, включающие среди прочих раздел о советском книгоиздании и чтении⁵.

Одной из точек притяжения внимания современных авторов к позднесоветскому чтению, важной в контексте данного исследования, является т.н. «макулатурный» эксперимент – инициатива-ровесница ВОК (1974–1992). Одной из самых ярких реплик в этом направлении является статья датской исследовательницы Б.Б. Пристед⁶, которая рассмотрела данный проект с точки зрения всех вовлеченных сторон: Госснаба, Госкомиздата, писателей и журналистов, простых читателей. Автор рассматривает, как споры об экологии и экономии ресурсов на страницах официальной печати привели к организации эксперимента, как практики сдачи макулатуры во вторичную переработку становились элементами диалога между властью и читателями, а также превращали читателей в собирателей и сдатчиков бумаги, потребителей книги. Так, пункт сбора вторсырья становился ещё одним пространством чтения⁷.

¹ Сидорова Г.П. Советская массовая литература 1960-1980-х гг.: читательские предпочтения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2010. – № 3. – С. 65–69.

² Горшков Ю.А. Анализ развития малого предпринимательства в советском книгоиздании // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2005. – № 1. – С. 204–213.

³ Штолер А.В. Развитие издательского дела на Урале в 60-80-е гг. XX в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 3. – С. 99–107.

⁴ Pristed B.B. The New Russian Book: A Graphic Cultural History. – Cham, 2017.

⁵ Андреева О.В., Волкова Л.Л., Говоров А.А. и др. История книги. – М., 2001.

⁶ Pristed B.B. Reading and Recycling: The Soviet Paper Debate and Makulatura Books, 1974–91 // The Russian Review. – 2019. – Vol. 78, Iss. 1. – P. 120–140.

⁷ Pristed B.B. Ibid. – P. 126.

Немецкая исследовательница Б. Менцель уделяет внимание эволюции читательской культуры в СССР со второй половины 1980-х до современной российской. Период перестройки, с точки зрения автора, является пиком развития советской культуры чтения¹. В этот момент происходили автономизация литературы через разгосударствление сферы книгоиздания, ослабление и окончательный крах системы цензуры и т.д. Литературная критика, по мнению автора, занимала в этом отношении ключевое положение, поскольку находилась одновременно, во-первых, между разными элементами и жанрами литературы, во-вторых, между автором и реципиентами текстов². В период с 1986 по 1990 г. многие критические издания, прежде всего представители журнальной культуры, активно дрейфовали в сторону от контроля государства и превращались в свободный публичный форум, становились катализатором перестроечных преобразований. Приобщение к литературе давало гражданам особый интеллектуальный статус, помогало подкрепить символический духовный капитал нации. Перестроечные метаморфозы привели к потере критиками прежних рычагов влияния на читающую публику, что стало одним из факторов изменения привилегированного положения литературы.

В спектре указанных исследований и проектов отражены основные тенденции в сфере чтения в позднесоветское время и на начальном этапе перехода к рынку: обозначены главенствующая роль государства в планировании и выпуске литературы, структура и порядок распределения печатной продукции, уделено внимание генезису позднесоветской читательской культуры. В то же время в исследовательской литературе отсутствует внимание к читательским объединениям и коллективным читательским практикам «маленького» человека, несмотря на ориентир на изучение массового чтения.

¹ Menzel B. From print to pixel: reading in the Perestroika, post-soviet, and present eras, 1986-2017 // Reading Russia. A history of reading in modern Russia. – 2020. – Vol. 3. – P. 323.

² Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. – СПб., 2006. – С. 257.

В-третьих, историография включает литературу, характеризующую советскую культурную политику.

Пионерами современной историографии о политике в области культуры в позднем СССР следует назвать коллектив исследователей, который концентрировался вокруг Института русской и советской литературы имени Ю.М. Лотмана на базе Рурского университета в Бохуме. Основателем данной группы ученых, а затем одним из активных инициаторов исследовательских проектов в России являлся славист, исследователь культуры России в XIX–XX вв. К. Аймермахер. К его последователям необходимо отнести В. Эггелинга и Д. Кречмара, которые в 1990-е гг. выпустили монографии, посвященные культурной политике в СССР с 1953 по 1985 г.¹ Исследователи подробно с опорой на материалы публицистики, периодики, архивные данные реконструировали отношения литературной и художественной интеллигенции и власти, проанализировали причины ярких событий, к примеру, «Бульдозерной выставки», выявляли тенденции культурного развития в СССР.

Важным для данного исследования является тезис Д. Кречмара, согласно которому на позднесоветском этапе степень культурно-политического администрирования снижалась, что приводило к переходу от управляемой культуры к культуре «диалогической, самоуправляемой»². Внешне монолитная, культурная политика была забюрократизированной, что приводило к непреодолимому разрыву между официальными нормами и культурной практикой. В этом пространстве советские интеллектуалы, если они соблюдали «неписанные законы», к примеру, не имели дел с самиздатом и тамиздатом, получали «эффективное свободное пространство»³.

¹ Эггелинг В. Политика и культура при Хрущёве и Брежнев. 1953–1970 гг. – М., 1999; Кречмар Д. Политика и культура при Брежнев, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. – М., 1997.

² Кречмар Д. Указ. соч. – С. 212.

³ Там же. – С. 213.

Д. Кречмар обратил внимание на противоречия культурной политики, определив соблюдение правил со стороны участников залогом стабильности системы и способом получения свободы в ее границах. Поиск оснований устойчивости позднесоветской культуры приводил коллег исследователя к разным ответам.

Так, российский исследователь Н.В. Белошапка выделяет в качестве основной тенденции культурной политики в поздний советский период усиление контроля со стороны государства и партийных органов, стремление к культурному консерватизму, «при котором основная функция культуры сводилась к осуществлению политико-идеологического воспитания»¹. Система, по мнению автора, работала за счет лояльной критики и монопольного государственного заказа.

По мнению С.И. Никоновой, в условиях деструкции и кризиса идеологии главной целью режима в указанный период являлось не столько развитие, сколько самосохранение. Главным инструментом на этом пути стала консервация устоев. Развитие культуры, в свою очередь, шло «вопреки идеологическим установкам»².

Редакторы сборника «Время, вперед! Культурная политика в СССР»³ (2013) В.А. Куренной и И.В. Глущенко полагают, что советская культурная политика с самого начала строилась на принципах «крайней централизации, мобилизации ресурсов в сочетании с жесткими административно-репрессивными мерами»⁴. Сферу культуры окутывала система бюрократических и идеологических организаций, которые тем не менее оставляли место для «существования и расширения обширной полутеневой

¹ Белошапка Н.В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева. – Ижевск, 2012. – С. 305.

² Никонова С.И. Государственная политика в области идеологии и культуры в контексте советской действительности: середина 60-х - середина 80-х годов XX века : автореферат дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02. – Казань, 2009. – С. 41.

³ Время, вперед! Культурная политика в СССР / под. ред. И.В. Глущенко, В.А. Куренного – М., 2013.

⁴ Указ. соч. – С. 261.

зоны, в которой постепенно разворачивалась собственная содержательная культурная жизнь, не поддающаяся функционально-определенному контролю со стороны партийно-идеологических органов»¹. Обретшая основные очертания в 1920–1930-х гг., нацеленная на создание «нового человека» советская культура добилась результата к 1960-м гг., однако, по мнению авторов, «он оказался не совсем таким, каким его задумывали»². Это в свою очередь привело к нарастанию противоречий: «По инерции система продолжала воспроизводиться еще несколько десятилетий, прокручивая старые формы, почти не считаясь с тем, что и общество, и люди стали уже другими»³.

На ослабление контроля со стороны государства в сфере художественной самодеятельности обратил внимание историк И.В. Нарский. В своей работе «Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло» он анализирует программу коммунистической партии 1961 г. и документы последующих съездов, которые касались художественной самодеятельности. Автор делает вывод, что со временем их наполнили одинаковые формулировки⁴. Ритуализация текста – один из тезисов в пользу того, что попытка продвинуть проект массового художественного творчества и тем самым приблизиться к огосударствлению досуга граждан провалилась.

На настоящий момент историография о советской культурной политике позднего социализма и разных ее проявлениях подробно реконструирует институциональную структуру органов управления и контроля, формальные и неформальные принципы и их эволюцию. Однако немногие из них рассматривают культуру как пространство, где наряду с государством,

¹ Время, вперед! Культурная политика в СССР / под. ред. И.В. Глущенко, В.А. Куренного – М., 2013. – С. 30.

² Указ. соч. – С. 264.

³ Время, вперед! Культурная политика в СССР / под. ред. И.В. Глущенко, В.А. Куренного. – М., 2013. – С. 264.

⁴ Нарский И.В. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло. – М., 2018. – С. 116.

партией, а также творческой элитой, присутствуют простые советские люди, притом не как обезличенные реципиенты идеологии и указаний сверху, а как полноправные участники, потребители и творцы советской культуры.

Выделяя факторы жизнеспособности позднесоветской культурной политики, данные исследователи устанавливают следующую зависимость: усиление государства, ужесточение порядков приводило к повышению уровня косности режима и, как итог, требовало предоставления свободы для участников. В этом отношении исследования политики в сфере культуры являются смежными с историографией о советском социальном опыте в 1960–1980-е гг. Позднесоветские масштабные культурные инициативы, такие как Всесоюзное общество книголюбов, в этом контексте требуют дополнительного внимания.

Последними по списку, но не по значимости в историографии являются публикации по истории массовых советских добровольных обществ и ВОК в частности. Исследования истории КПСС, ВЛКСМ, профсоюзного движения и т.д. не рассматривались, поскольку эти организации являлись главными политическими общественными институтами, их функционал был более объёмным, чем у прочих объединений.

К важным для данного исследования выводам работ еще советского периода следует отнести тезис о тесной и иерархичной связи властных органов и добровольных обществ. Так, правовед Ц.А. Ямпольская обращала внимание на прямую зависимость общественных организаций от партийно-государственных структур на основе делегирования последним «государственно-правовых» полномочий, без которых работа могла стать «пустым звуком»¹; в том же ключе рассуждал А.И. Щиглик².

В тот же период на формальные стороны деятельности советских массовых добровольных обществ еще в советский период обратил внимание

¹ Ямпольская Ц.А. Общественные организации и развитие советской социалистической государственности. – М., 1965. – С. 12.

² Щиглик А.И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. Политико-правовое исследование. – М., 1977.

американский исследователь В.Е. Одом. Он анализировал деятельность Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (далее – ОСОАВИАХИМ) и его преемника – Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (далее – ДОСААФ)¹. По мнению автора, ключевыми характеристиками советских массовых организаций были весомая роль бюрократии и курс на мобилизацию населения.

В дальнейшем историки отдавали предпочтение изучению начального этапа эволюции института советских общественных организаций, который пришелся на 1920–1930-е годы. Важным для данного исследования являлось то, что в истории конкретных организаций исследователи вычленяли универсальные принципы, характерные для функционирования добровольных обществ в границах социалистического режима. К примеру, Т.П. Коржихина в серии исследований² прослеживает процесс установления контроля над обществами и союзами в 1920–1930-е гг. на фоне политизации культуры и науки. Подчинение общественных организаций через установление ограничений и бюрократизацию процедур привело к унификации сферы, возникновению формата массового советского общества, который тиражировался властью в дальнейшем. Схожие черты эволюции формата общественных организаций в довоенное время выделяли В.В. Фортунатов³, И.Н. Ильина⁴, О.Ю. Никонова⁵. Последняя определила

¹ Odom W.E. *The Soviet Volunteers: Modernization and Bureaucracy in Public Mass Organization*. – Princeton, 1973.

² Коржихина Т.П. История добровольных обществ и союзов СССР в советской историографии // *Вопросы истории*. – 1981. – № 3. – С. 114–123; Она же. Из истории борьбы советских государственных и общественных организаций за новый быт в 20-е гг. // *Из истории партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР*. – М., 1983. – С. 126–147; Она же. *Извольте быть благонадежны! Об отношении власти к обществу*. – М., 1997.

³ Фортунатов В.В. Как произошло огосударствление общественных организаций в СССР / В поисках исторической истины. Л., 1990. – С. 28–47.

⁴ Ильина И.Н. *Общественные организации в России в 1920-е годы*. – М., 2000.

⁵ Никонова О.Ю. *Воспитание патриотов: Осовиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.)*. – М., 2010.

советские добровольные общества как форму «институционализации желательных режиму массовых социальных практик»¹.

В целом стоит отметить острую нехватку современных работ, обобщающих опыт деятельности советских массовых обществ в поздний советский период, особенно на фоне внимания исследователей к периоду 1920–1930-х гг. Нет понимания, каким образом эволюционировал формат добровольной общественной организации в 1960–1980-е гг.

Что касается истории конкретно Всесоюзного общества книголюбов, то в советский период его деятельность стала базой для написания нескольких диссертаций. Так, историк Э.Н. Новосельцев на основании материалов, накопленных в течение десяти лет работы общества (1974–1984)², охарактеризовал место ВОК в структуре советской пропаганды книги, а исследовательница С.В. Перминова проанализировала роль клубов книголюбов в работе организации³.

Необходимо отметить нехватку историографической информации по деятельности ВОК. Сегодня существует лишь одна генерализующая работа 1989 г., подготовленная советским автором Г.Ф. Гариным⁴ в канун IV съезда ВОК. Данная книга содержит анализ истории возникновения Общества в русле эволюции библиографической традиции и рассмотрение основных этапов его развития. Минус работы в том, что исследователь ограничивается чаще всего всесоюзным уровнем и не обращается к местной, региональной специфике. Еще одним слабым местом той публикации стало отсутствие критического разбора недостатков работы ВОК.

Современное положение можно охарактеризовать как почти полное отсутствие интереса к истории ВОК в среде профессиональных историков.

¹ Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осовиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). – М., 2010. – С. 20.

² Новосельцев Э.Н. Всесоюзное добровольное общество любителей книги и его роль в пропаганде и использовании советской книги: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986.

³ Перминова С.В. Формирование и воспитательная деятельность клубов любителей книги: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986.

⁴ Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989.

Исключением на этом фоне является ряд статей историка С.Ф. Бородуллиной¹, в которых подробно рассмотрен период становления и деятельности региональной Удмуртской организации ВОК РСФСР. Результаты данного исследования отчасти возможно экстраполировать на деятельность общества книголюбов Пермской области.

Таким образом, в историографии пока остаются неразработанными многие аспекты, связанные с позднесоветскими культурной политикой и читательской культурой, советским социальным опытом, участие граждан в массовых добровольных обществах в 1960–1980-е гг. и т.д. Институциональная история Общества любителей книги, реконструкция функционирования самого крупного объединения читателей, влияние этой структуры на читательскую культуру в период позднего социализма становится предметом научного изучения впервые.

Цель работы – выявление институциональной специфики функционирования массовой организации в сфере чтения в контексте читательской культуры общества 1970–1980-х гг.

В соответствии с поставленной целью требуется решение ряда **задач**:

- определить факторы, повлиявшие на динамику читательской культуры 1960–1980-х гг.;
- выявить основные параметры системы издания и распространения книжной продукции в поздний советский период;
- проанализировать ключевые характеристики позднесоветской читательской культуры, восприятие книги в обществе;

¹ Бородулина С.Ф. Организационный период становления Удмуртского республиканского отделения добровольного общества любителей книги РСФСР // URL: <http://www.science-education.ru/118-14304> (дата обращения: 11.09.2021); Она же. Формы общественного книгораспространения как способ продвижения и пропаганды книжной продукции в Удмуртской АССР в 1974–1984 гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2015. – № 4 – С. 132–140; Она же. Деятельность общества любителей книги в условиях перестройки (на материалах Удмуртии) // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 17–24; Она же. Особенности издательской деятельности общества любителей книги в советский период (на примере Удмуртии) // Вестник ВятГГУ. – 2016. – № 1. – С. 53–57.

– установить обстоятельства создания и становления ВОК, реконструировать структуру книголюбской сети, основные принципы работы Общества как массовой организации позднего советского периода, в т.ч. режим контроля и влияния со стороны государства;

– проанализировать социальный состав членов ВОК, мотивы участия в делах Общества, форматы деятельности любителей книги, обусловленные формальными требованиями, а также инициативой простых книголюбов;

– рассмотреть взаимодействие Общества любителей книги с подобными организациями из социалистических стран;

– выяснить особенности функционирования Общества книголюбов в контексте перестройки и на постсоветском этапе.

Теоретико-методологической основой исследования является синтез подходов и концепций.

Во-первых, в работе используется институциональный подход, а именно теоретическое направление исторического институционализма (Д. Норт¹), который позволяет адекватно рассмотреть позднесоветскую читательскую культуру, организационные структуры ВОК, Общество как совокупность императивов, норм, ритуалов, пространство участия государства и простых людей. Этот подход направлен на выявление разницы между декларациями и практикой, учитывает неравенство участников процессов прошлого, контекст, поведение акторов, а также установленные правила². Кроме того, опорой для исследования выступают концепции перформативного сдвига, «сообществ своих», вненаходимости А.В. Юрчака.

При работе с источниками применялись **методы**, характерные для исторического исследования.

Использование историко-сравнительного метода позволяет добавить в исследование компаративистский компонент: благодаря ему в работу

¹ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность. – М., 1997.

² Белькова А.А. Исторический институционализм - новое направление в исторических исследованиях // Вестник БГУ. – 2014. – № 7–1. – С. 118.

включаются более широкие пласты контекстуального поля, с которыми можно сопоставить предмет изучения. Данный метод позволяет изучить общие закономерности, повторяемости в деятельности массовых обществ в позднесоветское время, а также сравнить деятельность читательских организаций и сообществ, которые функционировали в странах социалистического блока в этот период.

Также в работе использован типологический метод, который помогает классифицировать многообразие практик, выделять критерии, позволяющие сортировать элементы деятельности книголюбов в особые группы. Частным случаем типологического метода является метод периодизации. Он предоставляет возможность выделить отличительные особенности исторических этапов, уточнить принятые ранее историческим сообществом датировки.

Системный и структурный методы позволяют увидеть место ВОК в бюрократической сети через анализ статусов членов Общества за его пределами, так как чтение и участие в деятельности в ВОК являлось дополнением к другому списку занятий советских граждан. Кроме того, эти методы помогают рассмотреть ВОК как совокупность элементов, восстановить формальное строение большой организации, а также сеть неформальных связей.

В исследовании были использованы проблемно-хронологический подход к анализу исторических реалий, который помогает рассматривать проблемы прошлого в их логическом развитии, а также неформализованный качественный анализ, направленный на глубокое понимание источников и обеспечивающий особое внимание к историческому контексту.

Кроме того, в исследовании были использованы специфические подходы в работе с источниками и их созданием, характерные для устной истории. Основным здесь является метод исследовательского интервью, которое представляет собой «смоделированную исследователем целенаправленную беседу о жизненном мире человека в контексте

исторических событий, процессов, явлений или как целенаправленный опрос носителя информации о его эмпирическом опыте в контексте исторического прошлого с последующей трансформацией устного рассказа в письменный текст для последующей интерпретации»¹.

Основой для анализа дискурсов ВОК послужила дискурсивная постструктуралистская теория политологов и философов Э. Лакло и Ш. Муфф. Они сформулировали свой подход к анализу дискурса в 1980-х гг. на основе сочетания и переработки идей деконструкции французского философа Ж. Дерриды, семиологии Р. Барта, психоанализа и отношения к субъекту Ж. Лакана, работ М. Фуко и т.д. Кроме того, исследователи опирались на концепцию культурной гегемонии А. Грамши. Главным трудом ученых в этом отношении выступает книга «Гегемония и социалистическая стратегия. К Радикальной Демократической Политике».

Для Э. Лакло и Ш. Муфф дискурсом является «смысловое поле, как нечто такое, что предвосхищает любую действительную непосредственность, как область, где образуются смыслы и значения»². Также авторы дают дискурсу дополнительно следующее определение: «Дискурс – это структурированная посредством артикуляции тотальность»³. Тотальность подразумевает, что все практики⁴ дискурсивны. Артикуляция в свою очередь является одной из центральных категорий анализа для данных исследователей. Они понимают её как процесс присвоения, установления и структурирования значения для знаков – внутри дискурса они являются «моментами»⁵. Позиции моментов обосновываются за счёт отличий друг от

¹ Щеглова Т.К. Устная история. – Барнаул, 2011. – С. 43.

² Рагозина С.А. Дискурс политического ислама. На примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа. – М., 2012. – С. 30.

³ Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics. – London, 2001. – P. 105.

⁴ Точно также самостоятельными, в рамках данной теории, не являются субъекты. Они детерминированы дискурсами, получают «свою идентичность посредством репрезентации в дискурсе» / Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2008. – С. 84.

⁵ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Указ. соч. – С. 56.

друга. Границы дискурса не замкнуты. Он остается динамичным, не завершенным, хотя и постоянно стремится к стабильности в процессе артикуляции.

Примыкающее к дискурсу пространство Э. Лакло и Ш. Муфф называют «полем дискурсивности». В нем находятся «элементы» – значения, которыми обладали или могут обладать знаки внутри дискурса. Элементы исключены из дискурса ради его единства¹. Тем не менее, будучи вне дискурса², они в любое время способны конвертироваться в моменты в процессе артикуляции.

Источниковая база исследования включает несколько групп источников.

Во-первых, в основу исследования легли письменные документальные источники. Основную часть данной группы источников составляет делопроизводственная документация, которая хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации (Ф. Р-9650. Всесоюзное добровольное общество любителей книги, Ф. Р-5446. Совет министров СССР, Ф. Р-9604. Государственный комитет СССР по печати. Министерство информации и печати СССР и т.д.), Российского государственного архива новейшей истории (Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС, Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС), Пермского государственного архива социально-политической истории (Ф. 1. Пермский горком КПСС, Ф. 105. Пермский обком КПСС), Государственного архива Пермского края. Всего было исследовано более сотни дел, больше половины из них впервые вводятся в научный оборот.

Делопроизводственные документы позволяют реконструировать институциональный аспект истории ВОК, выявить характерные для его деятельности формальные и неформальные практики. К таким свидетельствам относятся: постановления и резолюции государственных и

¹ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2008. – С. 57.

² Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Указ. соч. – С. 56.

партийных органов, материалы канцелярии Центрального правления Общества и руководящих органов на местах, планы, отчеты и т.д.

Особую группу письменных источников составляют эго-документы – письма книголюбов с предложениями по работе Общества в вышестоящие инстанции. Эти источники позволяют охарактеризовать порядки, по которым жила организация книголюбов, процесс апроприации «правил игры» и дальнейшего освоения рядовыми членами пространства внутри формальных границ массовой организации.

Во-вторых, к источникам исследования относятся законодательные и другие нормативные акты. Их использование позволяет восстановить контекст, в котором существовала читательская культура, функционировала книжная индустрия, обозначить правовые рамки деятельности Всесоюзного общества любителей книги в 1970–1980-е гг.

В-третьих, источниками для исследования стали устноисторические свидетельства, раскрывающие особенности позднесоветской читательской культуры, образ Общества в повседневной жизни, восприятие его деятельности как активными участниками движения, так и людьми, не вовлеченными в его работу, обстоятельства функционирования базовых организаций и т.д. Ценность «устной истории» для исторического исследования заключается в том, что в ее фокусе находятся «не столько реальные события рассматриваемой эпохи, сколько отражения данных событий в сознании современников и их потомков»¹. Необходимо согласиться с известным представителем данного направления П. Томсоном, утверждающим, что «...устная история позволяет... открыть новые важные направления для исследования»². Данные, собранные при помощи методов устной истории, приносят в исследование важный персональный

¹ Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / под ред. М.В. Лоскутовой. – СПб., 2005. – С. 6.

² Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. – М., 2003. – С. 18.

компонент, позволяющий взглянуть на книголюбскую тематику под новым углом.

На данный момент автором исследования собрано 22 глубинных интервью (2014–2021 гг.). В качестве респондентов выступили бывшие члены ВОК из Перми, Москвы, Самары, Иваново и других городов. Более половины информантов являются работниками библиотек, двое – представителями творческих профессий, трое занимали штатные должности в Обществе. Все интервью были построены на основе списка вопросов (прил. 1).

В-четвертых, в качестве источников были привлечены материалы статистики, а также справочные, энциклопедические издания, которые позволяют дополнительно охарактеризовать позднесоветскую читательскую культуру, книжную индустрию и деятельность ВОК.

Так, основные статистические данные по выпуску и распространению книг за 1970–1990-е гг. содержатся в ежегодном сборнике «Печать СССР», который издавался под эгидой Всесоюзной книжной палаты, а также «Народное хозяйство СССР», выпускавшимся Центральным статистическим управлением СССР. Эти издания предоставляют наиболее полный и комплексный материал, на его основе можно проследить динамику книжной индустрии, читательской инфраструктуры, на фоне деятельности которой разворачивалась работа ВОК.

Статистика деятельности Общества книголюбов распределена по разным источникам. Отдельного внимания заслуживают опубликованные материалы съездов Общества (1974, 1979, 1984), так как они явились поводом для подведения итогов, оценки работы ВОК, а также определения развития организации. Анализ материалов позволяет увидеть официальные образы организации, получить дополнительные статистические данные.

К этой же группе источников относятся опубликованные издания, отражающие и регулирующие повседневную деятельность членов ВОК: методические пособия, инструкции и сборники положений. К примеру,

«Краткий справочник книголюбца»¹ (в двух изданиях), посвященный в основном аспектам деятельности Всесоюзного общества книголюбцев, благодаря статистическим данным и пунктуации основных направлений деятельности советской книжной индустрии (сумма книгоиздательской и книготорговых сетей) и пр., интегрирует любителей книги в более широкий контекст.

В-пятых, в качестве источника используется периодическая печать. В первую очередь это еженедельная газета «Книжное обозрение». Созданная в 1966 г. как орган Госкомиздата, с 1974 г. она стала также официальным изданием ВОК. Тираж периодического издания составлял 100 тыс. экземпляров. В «Книжном обозрении» публиковалась информация: официальные решения партийно-государственных структур и Общества книголюбцев, изменения нормативной базы, публикации писателей, отзывы и мнения читателей и издателей и т.д. В предсъездовой период «Книжное обозрение» становилось площадкой для обсуждения проектов, предлагаемых для рассмотрения съезду.

«Альманах библиофила» считался вторым официальным печатным органом Общества. ВОК являлось единственным его издателем. Он выходил с периодичностью одна-две книги в год. Бессменным редактором в советский период был известный советский писатель и библиофил, председатель клуба любителей книги при Центральном доме литераторов Е.И. Осетров. Альманах включал в себя разные компоненты: заметки о самых знаменательных событиях в жизни организации книголюбцев, анализ и разбор произведений, литературную критику, художественные произведения. «Альманах» с тиражом, не превышающим 50 тыс. экземпляров, был не самым массовым изданием и оставался узконаправленной, библиофильской периодикой. Тем не менее ценность альманаха заключается в том, что он оставался форумом активного библиофильского меньшинства.

¹ Краткий справочник книголюбца. – М., 1976.

Значимый материал содержат также другие союзные и местные периодические издания: информация о книголюбях регулярно появлялась на страницах всесоюзных изданий, к примеру, в газете «Советская культура», а также в местных, к примеру, пермских областных («Звезда»), районных и городских («Вечерняя Пермь» и др.) газетах, прочих периодических материалах («Блокнот агитатора» и др.).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что институциональная история Общества книголюбов впервые проанализирована комплексно, от основания до завершения проекта. Кроме того, также впервые деятельность ВОК рассмотрена в контексте читательской культуры, социально-экономической и социально-культурной истории 1970–1980-х гг. На основе документальных архивных свидетельств дана интерпретация многообразию позднесоветских читательских практик в контексте деятельности Общества книголюбов. Реконструированы механизмы адаптации позднесоветской массовой организации к трансформации социально-экономических отношений в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на примере Общества книголюбов. Проанализирована деятельность Общества любителей книги в сравнении с читательскими организациями стран Восточной Европы.

Научная значимость работы заключается в том, что исследование выявляет институциональный дизайн деятельности массовой добровольной советской организации в 1970–1980-е гг. Выявлены черты социальной динамики в сфере чтения в поздний советский период в контексте деятельности Общества любителей книги. Диссертационная работа позволяет по-новому посмотреть на проблемы, обозначенные в историографии позднесоветской читательской культуры, деятельности массовых добровольных обществ в 1970–1980-е гг., позднесоветского социального опыта. Введен в научный оборот большой массив документальных свидетельств из архивов, связанных с политикой государства в сфере чтения, деятельностью массовых организаций, с практиками контроля и управления

обществом в контексте идеологической и экономической монополии в поздний советский период. Кроме того, в диссертации применительно к задачам исследования использована методика устной истории, взяты, расшифрованы, проанализированы и введены в оборот 22 интервью. Соотнесена деятельность центральных, региональных и местных структур Всесоюзного общества книголюбов в привязке к специфике читательской культуры позднесоветского общества. Выявлены факторы трансформации Общества в годы перестройки, а также его распада в 1990-е гг.

Практическая значимость исследования. Выводы и положения диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения позднего советского общества, социально-экономических и социально-культурных срезов истории, а также для преподавания новейшей истории России, подготовки и создания учебных курсов и программ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Повышение благосостояния, улучшение бытовых условий, развитие образования и рост числа грамотных вместе с увеличением доли свободного времени в 1960–1970-е гг. выступили катализаторами эволюции читательской публики и способствовали появлению новой читательской культуры в поздний советский период.

2. Чтение, будучи массовой практикой, присваивалось советскими людьми, и всё меньше контролировалось со стороны властных институтов. Одним из последствий этого стало снижение востребованности публичных библиотек, массовый рост домашних книжных коллекций. Прочитанное являлось предметом социального отличия, накопления и спекуляции, социальным капиталом, книга – символом знания и моды.

3. Представители власти знали об изменениях предпочтений читателей, но не готовы были кардинально менять принципы функционирования сферы чтения. Главной проблемой являлся книжный дефицит. Несколько инициатив в середине 1970-х годов должны были изменить положение и повысить степень управляемости процессов: это более активное изучение

читательского спроса, налаживание системы предварительных заказов, макулатурный эксперимент. К ним относится и создание ВОК.

4. Структура общества любителей книги была создана сверху, при непосредственном участии государственных и партийных органов. ВОК интегрировала и масштабировала прежние легальные низовые инициативы в сфере чтения: клубы читателей, народные книжные магазины и т.д.

5. Новое добровольное общество должно было стать еще одним организатором чтения, сократить дистанцию между режимом и читателями: повысить роль массовых библиотек, смоделировать читательский вкус советских людей с помощью мероприятий, связанных с идеологией.

6. Организация любителей книги пропагандировала модель чтения, которая подразумевала вовлечение в общественный оборот книг из домашних библиотек, но мотивы обобществления не нашли широкой поддержки у участников Общества в условиях середины 1970-х – начала 1980-х гг.

7. Общество книголюбов за короткое время стало одной из самых массовых организаций. Мотивы вовлечения советских читателей в ее деятельность были различными: от бюрократической мобилизации до творческой самореализации, от доступа к дефицитной литературе до культурного активизма и т.д.

8. Опыт обществ читателей, а также организаций, связанных с книгами, характерный для стран социализма, отличался от ситуации в СССР. Зачастую их работа была направлена на стимулирование сбыта книг, в то время как Всесоюзное общество книголюбов официально не было связано с книготорговлей.

9. Организация, подобная обществу книголюбов, могла существовать только в условиях позднего социализма. Слом института надзора и цензуры в книгоиздании, изменение принципов экономики, исчезновение привилегированного положения в системе распределения, падение советского режима привели к ликвидации ВОК.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были представлены на пяти научных конференциях и форумах: международных (научная конференция «Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков», 2018; научная конференция «1990-е. Социальная история России», 2019) и всероссийских (научно-исследовательская конференция «Актуальные девяностые: региональная культура и социум в эпоху перемен», 2018; научный форум «Человек, общество, культура: современное и историческое измерения», 2019; научно-практическая конференция «Благотворительность и меценатство в России: исторический опыт и современные тенденции», 2019). Результаты работы отражены в 14 публикациях, в том числе в трех изданиях, рекомендованных ВАК, два из которых входят в международные реферативные базы данных (Web of Science и Scopus).

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1. ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПЕЧАТИ В 1960-Е – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.

1.1. Факторы складывания позднесоветской читательской культуры

В 1960-1980-х гг. чтение играло важную роль в жизни общества, государства и человека. Рост валовых показателей издательской индустрии позволял с высоких трибун заявлять о преимуществах советского населения как «самого читающего народа в мире»¹. Аргументация советского руководства соотносилась с высоким статусом чтения среди граждан: к этому времени чтение стало частью повседневности и жизненного мира людей. В то же время официальные восхваления в адрес советской книжной культуры оставляли в тени существование книжного и информационного дефицита, черного рынка печатной продукции и другие черты советской читательской культуры.

Читательская аудитория менялась на протяжении всего позднего советского периода. Она увеличивалась количественно и обретала новое качественное состояние благодаря тому, что повышался уровень образования, прибавлялось свободное время, изменялись подходы к формированию репертуара и т.д. Темп изменений в системе создания, выпуска и распределения печатной продукции, тем временем, заметно отставал от читательской активности. Этому способствовали закоренелость, занормированность и забюрократизированность государственных и зависимых от государства структур, которые управляли литературной отраслью и системой издания.

Изучение обстоятельств функционирования ВОК требует дополнительного анализа характеристик читательской культуры, всей

¹ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, 30 марта – 9 апр. 1971 г.: стенографический отчет. – Т. I. – М., 1971. – С. 115.

системы официальной печати. Создание, распространение и потребление неподцензурной литературы требует отдельного рассмотрения и не является задачей настоящего исследования.

На основании проведенного исследования в рамках данной главы на рассмотрение выносится следующая гипотеза. Всё более самостоятельное поведение позднесоветского читателя вместе с процессами дифференциации интересов внутри читательской публики приводили к падению значения прежних институтов руководства чтением, прежде всего, публичных массовых библиотек. Курс массового читательского поведения всё большего количества граждан отклонялся от официальных установок. Государство предпринимало ответные шаги: увеличивало тиражи книг, журналов и газет, расширяло ассортимент издаваемой продукции, книготорговую сеть, стимулировало общественное книгораспространение, организовало макулатурный эксперимент и т.д. Создание Всесоюзного общества любителей книги встаёт в один ряд с другими мерами государства в сфере чтения, предпринятые в 1960–1980-е. Далее я проанализирую, каким образом это происходило.

В рамках главы идёт речь о читателях и, более широко, потребителях книжной продукции. Двум другим формам печатного слова – журналам и газетам уделено меньше внимания. Это сделано по причине того, что они обладают разными функциями в рамках культуры чтения: газета обеспечивает оперативную массовую коммуникацию, журнал «консолидирует институты и группы», книга – удел индивида¹. Журнальная культура, проявлявшаяся сквозь феномен советских «толстых» журналов сыграла роль форума, способа «первого» чтения литературы, внутренней идентификации и коммуникации для верхнего слоя читающей публики.

¹ Дубин Б.В. Границы и проблемы социологии культуры в современной России // URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/5024-boris-dubin-granicy-i-problemy-sociologii-kultury-v-sovremennoj-rossii-k-vozmozhnostyam-opisaniya.html (дата обращения: 11.09.2021).

Тогда как политика советского государства в сфере чтения была направлена, в первую очередь, на массового «среднего» читателя.

Цель данной главы – проанализировать связь между властными инициативами в сфере чтения, выявить черты реакции государства на метаморфозы читательской аудитории в 1960-е – первой половине 1980-х гг. Для этого будут рассмотрены предпосылки к формированию позднесоветской читательской культуры, контуры и принципы функционирования инфраструктуры, которая окружала читателя, практики, ему присущие, структуру и основные характеристики читательских аудиторий. Соответственно указанным направлениям глава разделена на три параграфа. Особое внимание уделено ситуации в сфере чтения и печатной отрасли Пермской области, что позволяет проанализировать региональный контекст. Внимание к ситуации на уровне страны и ее отдельного региона является особенностью данного исследования и позволяет объяснить мотивы государства к оформлению массовой добровольной организации в сфере чтения в середине 1970-х гг.

Источниковой базой для главы выступили статистические и архивные материалы, данные из неопубликованных ранее работ. Также в исследовании были использованы результаты трудов историков, социологов чтения, опубликованные с 1960-х гг. по настоящее время. Особый упор при анализе читательских практик делается на результаты исследований, которые проходили в 1960-е – начале 1970-х гг. Они позволяют охарактеризовать ситуацию в сфере чтения накануне основания Всесоюзного общества любителей книги.

Ситуация в сфере чтения в 1960-х – середине 1980-х гг. была следствием «формовки» читателя на заре советской истории. Дидактические усилия государства по созданию советского человека подразумевали обязательное наличие у него читательских навыков. В этом отношении государству и партии предстояло значительно ускорить процессы, которые были связаны с

формированием массовой читательской аудитории и начались за несколько десятилетий до революции.

В дореволюционный период успели сложиться зачатки массовой читательской культуры¹. Утверждение у власти большевиков привело к ревизии прежних принципов сферы чтения. Е. Добренко обращает внимание на «обвальный интерес»² со стороны государства к массовому читателю в ранний советский период. Большевики видели в чтении актуальный инструмент по воспитанию, переделке масс. В это время был намечен вектор на широкое распространение читательских навыков: началась кампания по ликвидации безграмотности, развивалась сеть публичных библиотек в городах, изб-читален в деревнях, стали проводиться социологические исследования развития читательских навыков. Кроме того, в это время формировались институты цензуры³, государственного издания.

По мнению С. Ловелла «борьба с безграмотностью позволила в первые двадцать лет вырасти поколению, для которого способность читать, в частности, читать «хорошо» стала важным атрибутом для социального различения»⁴. В официальном дискурсе чтение позиционировалось как способ «поработать над собой»⁵. Тем самым подчеркивалась индивидуальная природа чтения. Одновременно существовали коллективные читательские практики. К примеру, в среде начинающих читателей и тех, кто только осваивал грамоту, было распространено чтение вслух.

В 1920–1930-е гг. социальный идеал советской власти был выражен в концепте «культурности» — наборе элементов внешнего стиля и поведенческих тактик, который должен быть свойственен советскому

¹ См. подробнее: Brooks J. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. – Princeton, 1985; Рейтблат А.И. *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*. – М., 2009.

² Добренко Е.А. *Формовка советского читателя*. – СПб., 1997. – С. 29.

³ См. подробнее: Блюм А.В. *За кулисами министерства правды. Тайная история советской цензуры. 1917–1929*. – СПб., 1994.

⁴ Lovell S. *The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras*. – London, 2000. – P. 21.

⁵ Хархордин О.В. *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. – СПб., 2002.

человеку¹. По мнению Н.Н. Козловой, данная «программа правильного поведения» «подразумевала не только социально одобряемые речевые практики, но и культурный, то есть нормативный литературный язык»². Это укладывалось в схему воспроизводства советского человека: для того, чтобы «говорить по-большевистски»³, он должен был по-большевистски читать.

Установление контроля над литературными кругами, индустрией печати и разными группами читателей завершились к середине 1930-х гг. Литература становилась предметом планового производства, а основным стилем – социалистический реализм⁴. Запланированное на годы вперёд монопольное предложение со стороны государства, по логике его руководителей, должно было формировать, а затем удовлетворять заранее спланированный читательский спрос.

Политика государства в сфере чтения в конце 1930-х – первой половине 1950-х гг. была связана с закреплением социалистического реализма в качестве литературного канона, монополией в сфере печати, стремлением к полному контролю над читательскими аудиториями. Приоритет получали издания общественно-политической литературы, которые в конце 1930-х гг. составляли до 41% от всего совокупного тиража опубликованной литературы⁵. Ситуация стала меняться в эпоху оттепели.

С середины 1950-х гг., по мнению исследователей, произошло «переоткрытие» советского читателя. На этом этапе происходило несколько параллельных процессов, которые определили основные характеристики читательской культуры, аудиторий читателей, стали факторами книжного бума в позднесоветское время. Они делятся на две группы. Так масштабные

¹ Волков В.В. Концепция культурности, 1935–1938. Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2. – С. 200.

² Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены истории. – М., 2005. – С. 212.

³ См. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. – Berkeley and Los Angeles, 1995.

⁴ Добренко Е.А. Политэкономия соцреализма. – М., 2007. – С. 26.

⁵ Аверина Н.Ф. История пермской книги. – Пермь, 1989. – С. 129.

социальные процессы, связанные с новым витком модернизации и, как следствие, взрывом урбанизации, ростом благосостояния и уровня образования населения, приводили к появлению новых черт у советских читателей. Вторая группа факторов связана с функционированием системы печати и торговли.

Количество населения росло, его структура менялась. В 1960 г. количество горожан впервые превысило количество сельских жителей. Происходило массовое переселение из сёл и деревень в города. Представление о динамике урбанизации можно составить по таблице 1. В контексте чтения новые горожане маркировались исследователями как «культурные мигранты, приобщившиеся к книжной, и, шире, городской культуре»¹.

Таблица 1. Динамика численности городского и сельского населения в СССР и в Пермской области в 1959-1991 гг.²

Год	Все население, млн чел.	Городское население, млн чел.	Из них в Пермской обл., млн чел.	% от общего по СССР (по Пермской обл.)	Сельское население, млн чел.	Из них в Пермской обл., млн чел.	% от общего по СССР (по Пермской обл.)
1959	208,8	100	1,8	47,8 (59)	108,8	1,2	52,2 (41)
1970	241,7	136,0	2,0	56,3 (67,2)	105,7	1	43,7 (32,8)
1979	262,4	163,6	2,2	62,3 (74)	98,8	0,8	37,7 (26)
1989	286,7	188,8	2,4	65,9 (77,4)	97,9	0,7	34,1 (22,6)
1991	290,1	191,7	н/д	66,1(н/д)	98,4	н/д	33,9 (н/д)

Благодаря всеобщей системе начального образования, большинство населения стало грамотным. Согласно данным переписей населения с 1959 г.

¹ Васюнькин Ю.Н. Спешу, пока горит свеча. – М., 1989. – С.106.

² Сост. автором на основе стат. данных по: Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1959 года // URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 11.09.2021); Народное хозяйство Пермской области в девятой пятилетке. – Пермь, 1974; Народное хозяйство Пермской области в XI пятилетке. – Пермь, 1986.

грамотность обоих полов фиксировалась на уровне не ниже 98,5% за вычетом старших возрастных когорт¹.

Параллельно развивалась сеть средних и высших учебных заведений, как следствие, уровень образования становился выше. В 1960-е гг. имел место взрывной рост численности студентов вузов и ссузов, что можно увидеть по данным, приведенным в таблице 2.

Таблица 2. Численность студентов высших учебных заведений и учащихся средних специальных учебных заведений на 10000 человек в 1940-1990-е гг.²

Год	1940	1950	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Ссузы	50	71	111	158	180	177	176	162	141
Вузы	41	69	95	166	188	190	196	185	178

Несмотря на количественное преобладание студентов вузов над учащимися ссузов, с середины 1960-х гг. в структуре выпуска специалистов и среди населения всегда преобладали граждане со средним образованием (табл. 3 и 4).

Таблица 3. Количество лиц с высшим и средним образованием в СССР, из расчета на 1000 населения в 1959-1989 гг.³

Год	Все население в возрасте 10 лет и старше (высшее и среднее вместе)	Высшее	Среднее
1959	361	23	338
1970	483	42	441
1979	638	68	570
1989	812	108	704

¹ Миронов Б.Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет. X–XX вв. // URL: <http://Annales.info/rus/small/gramotnost.htm> (дата обращения: 11.09.2021).

² Сост. автором на основе стат. данных по: Народное хозяйство СССР в 1960 году. – М., 1961; Народное хозяйство СССР в 1965 году. – М., 1966; Народное хозяйство СССР в 1970 году. – М., 1971; Народное хозяйство СССР в 1975 году. – М., 1976; Народное хозяйство СССР в 1980 году. – М., 1981; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991.

³ Сост. автором на основе стат. данных по: Народное хозяйство СССР в 1980 году. – М., 1981; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991.

Таблица 4. Выпуск специалистов средними специальными и высшими учебными заведениями в СССР и Пермской области в 1950-1990-е гг., тыс.¹

Год	Выпускников ссузов, тыс.	Из них в Пермской обл.	Выпускников вузов, тыс.	Из них в Пермской обл.
1950	313,3	3,5	176,9	1,7
1955	387,8	н/д	245,8	н/д
1960	483,5	5,6	343,3	2,9
1965	621,5	7,8	403,9	3,9
1970	1033,3	12,3	630,8	5,8
1975	1157	13,7	713,4	6,8
1980	1274,7	14,6	817,3	7,6
1985	1246,6	12,3	858,9	8,2
1990	1211,9	н/д	756	н/д

Рост населения городов и повышение уровня образования были вызваны изменением структуры народного хозяйства, внедрением научной организации труда, опережающим развитием промышленного производства в сравнении с сельским хозяйством. Эти же процессы приводили к изменениям социальной структуры. Наиболее быстрыми темпами росла группа служащих (табл. 5).

Таблица 5. Социальный состав населения СССР в 1955-1989 гг., в %²

Год	1955	1959	1970	1976	1981	1986	1989
Рабочие и служащие	58,3	68,3	79,5	83,6	86,2	87,9	88,1
Из них рабочих	-	50,2	57,4	61,2	60,5	61,7	58,8
Из них служащих (расчет)	-	18,1	22,1	22,4	25,5	26,2	29,3
Крестьяне	41,7	31,7	20	16,4	13,8	12,1	11,7
Лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, а также не указавшие, служители культа	-	-	-	-	-	-	0,2

¹ Сост. автором на основе стат. данных по: Народное хозяйство СССР в 1960 году. – М., 1961; Народное хозяйство СССР в 1965 году. – М., 1966; Народное хозяйство СССР в 1970 году. – М., 1971; Народное хозяйство СССР в 1975 году. – М., 1976; Народное хозяйство СССР в 1980 году. – М., 1981; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991; Народное хозяйство Пермской области в девятой пятилетке. – Пермь, 1974; Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти. – Пермь, 1977; Народное хозяйство Пермской области в XI пятилетке. – Пермь, 1986.

² Сост. автором на основе стат. данных по: Народное хозяйство СССР в 1956 г. – М., 1957; Народное хозяйство СССР в 1980 году. – М., 1981; Народное хозяйство СССР в 1989 году. – М., 1990.

Дополнительным фактором к изменениям внутри читательской публики стало возрастание жизненного комфорта. Ситуация с жильём к середине 1950-х была чрезвычайно напряженной. Если в 1940 г. на одного жителя страны приходилось 6,5 м² ¹, то к середине 1950-х этот параметр во многих областях, особенно там, где проходили боевые действия Великой отечественной войны, снизился ниже 5 м², а в Москве составлял 5,1 м² ² на человека.

В 1955 г. стартовала кампания по массовому возведению типового пятиэтажного жилья. Она позволила в течение десятилетия улучшить жилищные условия 15 млн граждан, что было «для огромной части населения <...> равносильно глотку кислорода»³. В дальнейшем объёмы вводимого жилья постоянно росли и стабилизировались в 1970–1980-е гг. (табл. 6).

Таблица 6. Число построенных квартир в СССР и их общая площадь в V–XI пятилетках⁴

Пятилетка	Квартир, тыс.	Площадь, млн м ²	Площадь, млн м ² в Пермской области	Ср. площадь квартиры (расчёт), м ²
V (1951-1955)	1073	40,4	2,8	37,6
VI (1956-1960)	6052	474,1	3,9	39,7
VII (1961-1965)	11292	490,6	4,4	42,0
VIII (1966-1970)	11551	518,5	4,0	42,4
IX (1971-1975)	11350	544,8	5,9	45,7
X (1976-1980)	10241	527,3	5,9	51,5
XI (1980-1985)	10028	552,2	6,2	55,0

¹ Горлов В.Н. Жилищное строительство в СССР // URL: <https://prometej.info/zhilishnoe-stroitelstvo-v-sssr/> (дата обращения: 11.09.2021).

² Горлов В.Н. Н.С. Хрущев и переход к массовому жилищному строительству в Советском Союзе // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 1. – С. 72.

³ Урбан Ф. Башня и коробка. Краткая история массового жилья. – М., 2019. – С. 205.

⁴ Сост. автором на основе стат. данных по: Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. – М., 1988. – С. 510; Народное хозяйство Пермской области в XI пятилетке. – Пермь, 1986. – С. 121.

Первоначально планировалось, что микрорайоны будут «создавать особую жилую среду, которой, по мнению советских специалистов, внутренне присущ коллективизм»¹. Однако реализованный принцип поквартирного заселения семей привёл к революции в приватности. По словам отечественного историка А. Казанкова, идея того, что половину жизни человек проводит «у себя дома», «обрела полную легитимность в общественном сознании»². По мнению Н.Б. Лебиной, несмотря на вал критики в адрес хрущёвок (за тесноту, неудобство планировочных решений, низкое качество строительства и т.д.), проект привёл к индивидуализации жилого пространства, «формированию менее контролируемого со стороны государства стиля жизни», устранению водораздела «между элитным меньшинством, проживавшим в отдельных квартирах, и демократическим большинством из коммуналок»³.

Одновременно увеличивалось свободное время. В 1967 г. с целью «облегчения условий труда рабочих и служащих, расширения возможностей для дальнейшего повышения их квалификации и культурного уровня, а также в целях более рациональной организации производства, дальнейшего роста производительности труда и эффективности общественного производства»⁴ была введена пятидневная рабочая неделя. Пятидневка подразумевала два непрерывных выходных. Количество свободного времени граждан увеличилось. К середине 1980-х гг. оно достигло 1823 часов в год⁵.

Кроме того, во вторую половину 1950-х – первую половину 1970-х гг. росли номинальные доходы населения. Средний темп прироста составлял

¹ Урбан Ф. Башня и коробка. Краткая история массового жилья. – М., 2019. – С. 202.

² 1956: незамеченный термидор: очерки провинциального быта. / О.Л. Лейбович, А.В. Чашухин, В.В. Шабалин, [и др.]. – Пермь, 2012. – С. 207.

³ Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города 1917–1991. – М., 2019. – С. 399–400.

⁴ Постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС от 07.03.1967 г. № 199 «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями» // URL: <https://base.garant.ru/70262914/#friends> (дата обращения: 11.09.2021).

⁵ Баранова Л.Я., Левин А.И. Потребности, доходы, потребление: Экономический словарь-справочник. – М., 1988. – С. 68.

3–5 % в год. Реальные доходы населения так же росли, но более медленными темпами: в структуре доходов среднестатистической семьи уменьшался объём средств, расходуемых на питание с 52,3 % в 1960 г. до 32,3 % в 1986 г. у колхозников и с 36,9 % до 28,3 % у рабочих и служащих¹.

Возрастала обеспеченность населения радиоприемниками и телевизорами: с 1960 по 1971 г. количество телевизоров в СССР увеличилось с 4,8 млн, до 39,3 млн, телевизионных станций с 32 до 131, радиоприемников с 27,8 до 50,8 млн².

Массовое жилищное строительство, увеличение объёма свободного времени, курс на возрастание благосостояния граждан были свидетельством более глобального сдвига: «власть отказалась от проекта создания однородного социального пространства, в каждой точке которого она могла бы без помех и ограничений выполнять свою публичную репрезентацию»³. Всеобщая грамотность, доступ к благам городской культуры, рост доли свободного времени, развитие сети телекоммуникаций становились предпосылками к развитию и активизации читательской культуры.

1.2. Система издания и распространения печати в 1960-1980-е гг.

В сфере печати государство занимало монопольное положение, осуществляя роль контролера читательской культуры. Прежде чем дойти до читателя, любая книга, газета и журнал проходили ряд процедур согласования и утверждения через сеть учреждений и ведомств. Система надзора над созданием, изданием и распространением печатной индустрии в позднее советское время состояла из нескольких связанных институтов, как

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. – М., 1988. – С. 443–445.

² Народное хозяйство СССР 1922–1972. Юбилейный статистический ежегодник. – М., 1972. – С. 314.

³ 1956: незамеченный термидор: очерки провинциального быта. / О.Л. Лейбович, А.В. Чашухин, В.В. Шабалин, [и др.]. – Пермь, 2012. – С. 207.

минимум, четырёх: органов управления и планирования, цензуры, издательств, торговой сети.

Главным официальным органом сферы печати в 1963 г. стал Государственный комитет Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли¹ (далее в тексте – Госкомиздат). Целью создания новой структуры была реорганизация сети «...центральных и местных издательств и создания вместо них крупных специализированных издательств». В союзных республиках в это же время появлялись свои, подчиненные центральному органу Госкомитеты; в границах республиканских субъектов (в автономных республиках, в краях, в областях, в Москве и Ленинграде) работали собственные управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли².

Госкомиздат составлял планы печати, осуществлял функции контроля выпуска и реализации, а также пропаганды печатных изданий. Данный орган являлся идеологическим институтом, но также руководствовался и объективными экономическими обстоятельствами. Балансирование между идеологией и экономикой составляло проблему для Госкомиздата и подчиняющихся ему издательств. По замечанию С. Ловелла, «сила мотива прибыли в советском издательстве – это сложный вопрос. С одной стороны, советские издательства, как правило, должны были быть рентабельными, чтобы сбалансировать свои затраты на производство книг; с другой стороны, редакторы часто больше заботились о том, чтобы соответствовать идеологическим требованиям, выполнять воспитательную функцию и защищать свои собственные интересы, чем о максимизации прибыли»³.

¹ С 1975 г.– Государственный Комитет СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, с 1989 – Государственный Комитет СССР по печати.

² Данный орган был упразднен в декабре 1991 года, а государственная система печати и торговли прекратила своё существование.

³ Lovell S. The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras. – London, 2000. – P. 57.

Сразу после создания Госкомиздата дополнительная централизация и укрупнение стали ответом на низкие показатели по рентабельности ряда издательств. Этот шаг укладывался в логику второго этапа экономической реформы правительства Н.С. Хрущева, который пришёлся на 1962–1964 гг. Оформлению новой структуры в августе 1963 г. предшествовало постановление июньского пленума ЦК КПСС «Об очередных задачах идеологической работы партии», где была сформулирована цель «реорганизовать сеть центральных и местных издательств, имея ввиду ликвидацию ведомственности и местничества в издании книг, создание крупных специализированных издательств»¹.

В середине–второй половине 1960-х гг. Госкомиздатом была проведена реорганизация системы издательств. На базе прежних предприятий, а также ряда редакционных отделов были созданы специализированные издательские комплексы, которые подчинялись непосредственно Госкомиздату: «Книга», «Мысль», «Связь», «Прогресс» и т.д. Некоторые издательства теперь находились в ведении одновременно двух и более организаций: «Наука» (совместно с Президиумом Академии наук СССР), «Музыка» (совместно с Союзом композиторов) и т.д. Восемь издательств находились в подчинении общественных организаций, учреждений и ведомств, к примеру, «Знание» принадлежало одноимённому обществу, Профиздат – Всесоюзному центральному совету профессиональных союзов и т.д.².

Кроме того, были организованы объединенные издательства, каждое из которых отвечало за выпуск печатной продукции в границах экономических районов, включающих несколько регионов. Так были созданы Приокское, Южно-Уральское, Дальневосточное и другие издательства. Всего вместо 233 издательств было создано 164 укрупненных: 62 центральных заменили на

¹ Справочник партийного работника. Вып. 5. – М., 1964. – С. 17.

² Говоров А.А. История книжной торговли. – М., 1966. – С. 255.

44 укрупнённых, а 26 печатных комплексов в РСФСР заменили собой 55 прежних¹.

Пермское книжное издательство, которое было организовано в 1939 г., также пережило укрупнение: в 1963 г. к нему присоединили Коми-Пермяцкое окружное издательство в качестве отделения. Процессы централизации и унификации не устраняли региональных особенностей новых структур. По свидетельству А. В. Штолера, среди трёх уральских издательств (Пермского, Средне-Уральского (Свердловск) и Южно-Уральского (Челябинск)) первое отличалось тем, что там издавалось больше сельскохозяйственной литературы, чем в двух остальных, поскольку Пермская область была менее урбанизированной местностью^{2,3}.

Социально-экономический профиль региона влиял на тематику выпускаемых издательствами произведений. Однако это не мешало становиться им катализаторами культурной жизни, местом рождения книжных феноменов, определяющих восприятие территории в глазах читателей по всей стране. Так, Пермское издательство с самого начала стало центром объединения местных авторов. Наиболее ярко этот синтез проявлялся с середины 1950-х гг.: с издательством помимо литераторов активно работали учёные, работники музеев, которые публиковали на его базе труды на историческую, историко-революционную и краеведческую тематику⁴.

¹ Штолер А.В. Развитие издательского дела на Урале в 60-80-е гг. XX в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 3 (92). – С. 100.

² Штолер А.В. Развитие издательского дела на Урале в 60-80-е гг. XX в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 3 (92). – С. 103.

³ В 1965 г. в Пермской области было 68 % городского населения, а в 1975 г. его соотношение в структуре возросло до 74 %, тем временем как в Свердловской области горожан было 81 % и 85 %, в Челябинской 79 % и 82 % соответственно / Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. – М., 1966; Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. – М., 1976.

⁴ Аверина Н.Ф. История пермской книги. – Пермь, 1989. – С. 129.

К популярным сериям Пермского книжного издательства относилась «Библиотека путешествий и приключений», которая выходила с 1959 по 1977 гг. В её составе выходили романы, повести пермских авторов и писателей из других регионов, которые были посвящены истории, природе Пермской области и Урала. К примеру, в 1965 г. вышла книга «Немые свидетели» за авторством историка Пермского государственного университета, начальника Камской археологической экспедиции В. А. Оборина. По словам составителей, издание являлось первой попыткой автора «рассказать об археологической работе в художественно-научном жанре»¹. Серия была адресована «среднему школьному возрасту». Всего вышло 45 выпусков тиражом от 25 до 50 тыс. экземпляров.

Другой знаменитой книжной серией от Пермского книжного издательства на рубеже 1970–1980-х гг. стали издания Жюль Верна. С 1978 по 1984 г. было выпущено восемь книг тиражом в 50 тыс. экземпляров каждая: «Дети капитана Гранта» (1978), «Двадцать тысяч лье под водой» (1979), «Таинственный остров» (1980) и т.д. По свидетельству современников, пермские покупатели ценили серию, запасались книгами впрок: «Если поступала партия Жюль Верна, очередь выстраивалась до ЦУМа. Очередь шла быстро, и можно было простоять ее три–четыре раза. Часа через три можно было стать обладателем трех одинаковых "Жюль Вернов". Это было нужно для обмена на другие книги»².

Отдельным феноменом являлась пермская детская книга. В череде изданий, адресованных юным читателям, в позднее советское время выделялась серия сборников «Оляпка». Первые девять выпусков выходили с разной периодичностью с 1961 по 1990 г. В редколлегию входили пермские детские литераторы всесоюзной известности: Л. Давыдычев, В. Воробьев,

¹ Оборин В.А. Немые свидетели. – Пермь, 1965. – С. 4.

² О том, как работали книжные магазины Перми // URL: https://vk.com/ugbook?w=wall-142943544_164%2Fall (дата обращения: 11.09.2021).

Л. Кузьмин. Издания не отличались определенной тематикой и включали разные жанровые произведения.

На страницах соседствовали публикации местных поэтов и писателей, рассказы и стихи классиков XIX столетия, деятелей серебряного века, тексты песен, ребусы, кроссворды и т.д. Особенностью сборников являлась их структура – они были построены по принципу разговора с юными читателями. Заглавная героиня – птичка Оляпка – отвечала на письма, а её реплики подкреплялись рассказами и стихотворениями профессиональных писателей¹. «Оляпка» расходилась за пределами Перми. Тираж издания со временем вырос с 30 тыс. экземпляров до 150 тыс.

Востребованными у населения становились пермские справочные издания. Одним из самых знаменитых оказалась книга рецептов «Пермская кухня», которая увидела свет в начале 1980-х гг. Автором сборника стал местный кулинар С.С. Субботин. «Пермская кухня» переиздавалась несколько раз, её общий тираж достиг миллиона экземпляров. Она стала началом серии кулинарных энциклопедий в одинаковом оформлении, которые вышли под эгидой Пермского книжного издательства в 1980-е – начале 1990-х гг.: «Все из картофеля» (1984), «Ягоды на любой вкус» (1987) и т.д.

С начала 1970-х гг. Пермское издательство выпускало книги, которые стали символами печатной продукции региона – миниатюрные издания, чьи размеры не превышали 100×100 мм. Особо среди них выделялись книги Пермской Ленинианы – серии миниатюрных сборников документов (издавалась с 1976 г.²).

Пермское книжное издательство не имело собственной типографии и работало в связке с крупным пермским областным полиграфическим

¹ Бочкарева Н.С., Табункина И.А. Диалог с читателями на страницах пермской детской книги «Оляпка» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 5. – С. 197.

² Пермская Лениниана // URL: <http://www.archive.perm.ru/projects/weeklyphoto/perm-leniniana/> (дата обращения: 11.09.2021).

комплексом «Звезда», который принадлежал областному комитету КПСС. Он был построен в начале 1960-х гг. и обладал новейшим оборудованием, которое долгое время позволяло ему выпускать качественную печатную продукцию. Также Пермское книжное издательство размещало заказы на типографиях Челябинска, Москвы и даже ГДР, где печатались художественные альбомы¹.

Госкомиздат контролировал книготорговую сеть с помощью входящего в его состав Всесоюзного объединения книжной торговли (Союзкнига). Данный орган ведал оптовой и розничной торговлей, книжными базами, отвечал за пропаганду и рекламу печатной продукции. На уровне республик и регионов руководство торговлей осуществляли книготорги, в состав которых входили книжные магазины и киоски. Через эту систему реализовывалось до 60% книжной продукции², они же были ответственны за сбор информации о читательском спросе, формирование заказов для издательств.

В 1960–1980-е гг. показатели системы торговой сети росли, о чем свидетельствуют данные статистики (табл. 7).

Таблица 7. Динамика продаж книг и развития книготорговой сети в СССР³

Год	1960	1979
Объём розничной продажи книг, млн руб.	381	1366
Продажа книг из расчёта на душу населения, руб.	1,76	5,2
Число книжных магазинов	9351	17075
Число книжных киосков	25322	>42000

В Пермской области количество книжных магазинов также росло в 1950–1960-е гг. и стабилизировалось в 1970-е гг. (табл. 8).

¹ Аверина Н.Ф. История пермской книги. – Пермь, 1989. – С. 129.

² Книговедение. Энциклопедический словарь. – М., 1981. – С. 270.

³ Указ. соч. – С. 270.

Таблица 8. Книжные магазины в Пермской области в 1950-1975 гг.¹

Год	1950	1960	1965	1970	1975
Количество	34	53	70	76	78

Более трети книжных магазинов середине 1960-х гг. находилось в областной столице. Их было 25 – универсальных и специализированных: «Подписные издания», «Техническая книга», «Ноты и нотная литература». Также к специализированным относился магазин букинистической и антикварной книги². Кроме торговли для местного населения книготорги регионов продавали книги через магазин «Книга-почтой». Таким образом они могли реализовывать только книги местных издательств. Как правило, они не принимали заказы на подписные издания, художественную и детскую литературу центральных издательств. Для получения книги потенциальные покупатели должны были направить открытку с заказом. В случае наличия запрашиваемой книги в фонде магазина, он получал книгу наложенным платежом. В Перми был свой магазин «Книга-почтой», который реализовывал книги Пермского книжного издательства.

Помимо государственных магазинов, региональные книготорги опекали также систему общественного книгораспространения. К ним относились народные книжные магазины и киоски – форма продажи книги и другой печатной продукции силами инициативных групп на предприятиях и в организациях. Стимулом к участию в общественном распространении, помимо альтруизма, являлся бонус в 5 % от объема выручки от проданных изданий³. В начале 1965 г. по всей стране функционировало 4,5 тыс. таких магазинов и киосков.⁴

¹ Сост. автором на основе стат. данных по: Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти. – Пермь, 1977.

² Гайсин О.Д. Магазин «Букинист» на Шоссе Космонавтов, 112 / Пермский дом в истории и культуре края : материалы седьмой научно-практической конференции. – Пермь, 2014. – С. 123.

³ Плаунов В. Сбывшаяся мечта. – М., 2019. – С. 35.

⁴ Говоров А.А. История книжной торговли. – М., 1966. – С. 255.

Параллельно существовали другие официальные распространители книги. Эксклюзивными дистрибьютерами специальной литературы являлись магазины «Академкнига», «Военная книга», «Транспортная книга», магазины Литфонда СССР и т.д. Часть книг и журналов доставалась системам массовых и специализированных библиотек через библиотечные коллекторы.

Центральный союз кооперации отвечал за торговлю печатной продукцией на селе. При распределении книжной продукции учитывалось, что книга необходима не только горожанину, но и жителю деревни. Поэтому часть тиража популярных изданий центральных и местных издательств обязательно отправлялась в сельскую местность. Отсутствие учета интересов конечных покупателей приводила к тому, что в магазинах Центральной кооперации залеживались книги, особо востребованные в городах. Поэтому в воспоминаниях современников о позднесоветской читательской культуре существует характерный сюжет, связанный с «открытием» книжных богатств при посещении магазина в далеком от цивилизации углу СССР¹.

Также доступ к книге обеспечивала сеть библиотек, которая состояла из школьных, специализированных и, главным образом, публичных массовых библиотек. Большая их часть подчинялась Министерству культуры. Репертуар собраний пополнялся централизованно, проходил тщательный цензурный отбор. Их количество почти не росло, а в результате укрупнения, даже уменьшилось в поздний советский период, в отличие от объема фондов книг и журналов, а также числа постоянных читателей. Однако рост читательской активности применительно к библиотеке замер в начале 1980-х и стал впоследствии снижаться (табл. 9).

¹ Приведу здесь одну из таких зарисовок, описывающих эпизод рубежа 1970–1980-х гг.: «После третьего курса с моими замечательными однокурсниками не летних каникулах отправляемся в ССО (Студенческий Строительный отряд). Едем в Коми АССР <...> После получения первых заработанных денег идём в магазинчик в ближайшем посёлке и... обнаруживаем там залежи дефицитных изданий! <...> значительная часть заработанных в ССО денег была потрачена на книги» / Калинин С.И. Чтение как образ жизни // URL: https://ridero.ru/books/chtenie_kak_obraz_zhizni/freeText (дата обращения: 11.09.2021).

*Таблица 9. Массовые библиотеки в СССР и в Пермской области
в 1955-1990 гг.¹*

Год	Массовые библиотеки (учреждения)	Массовые библиотеки в Пермской области	Всего книг и журналов (тыс. экземпляров)	Всего читателей, (млн)
1955	147412	-	590823	39,7
1960	135721	1306	845183	53
1965	127300	1158	1052300	63,2
1970	128034	1265	1307359	78,1
1975	131400	1245	1541200	95,0
1980	132000	1262	1823800	112 (144 ²)
1985	134100	1280	2101300	150
1990	133100	н/д	2143900	144

Никакое произведение не могло быть напечатано без визы цензурного органа – Главного управления по делам литературы и издательств. Ряд административных решений в течение 1950–1960-х гг. привёл к тому, что Главлит передали под управление разным структурам: Министерству внутренних дел, Госкомиздату. В итоге он перешёл в ведение Совета Министров. Однако, по замечанию А.В. Блюма, фактически данное цензурное подразделение попало под контроль партийных органов³. Пермский обллит напрямую подчинялся сектору печати обкома КПСС. Данный орган обладал разветвленной структурой: своё управление существовало в каждом регионе и крупных городах. Так, в Пермской области во второй половине 1950-х гг. работали 8 цензоров в Перми и 11 работников

¹ Сост. автором на основе стат. данных по: Народное хозяйство СССР в 1960 году. – М., 1961; Народное хозяйство СССР в 1965 году. – М., 1966; Народное хозяйство СССР в 1970 году. – М., 1971; Народное хозяйство СССР в 1975 году. – М., 1976; Народное хозяйство СССР в 1980 году. – М., 1981; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991; Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти. – Пермь, 1977; Народное хозяйство Пермской области в XI пятилетке. – Пермь, 1986.

² Начиная со сборника «Народное хозяйство в СССР в 1982 году» число читателей массовых библиотек резко возрастает до показателей, указанных в скобках. Соотношение с более ранними периодами отсутствует. Комментария от авторов так же нет.

³ Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953-1991. – СПб., 2005. – С. 17.

в цензорных пунктах в городах Прикамья, позже штатная численность сократилась до 15 человек к началу 1980-х гг.¹.

Цензоры охраняли государственные тайны: экономические, производственные, сверяли произведения творческой интеллигенции, материалы газет, научные статьи и т.д. с идеологией. Также на работников Главлита возлагалась ответственность за контроль репертуара библиотек и выбраковку неугодных изданий, а также надзор за ежегодными тематическими планами издательств². Проверка содержания, «литование» было обязательной процедурой для любого автора. На этом фоне развивалась самоцензура, а также жесткая политика редакций. Партийные органы в этом отношении выполняли параллельные функции контроля, но могли быть инстанцией, допускающей к печати не допущенные Главлитом произведения. Российская историк-архивист Т.М. Горяева отмечала, что деятельность цензоров претерпевала незначительные изменения, несмотря на «текущий и даже капитальный ремонт»³ политической системы. Главлит перестал существовать после принятия закона «О печати и других средствах массовой информации» летом 1990 г.

Учет всей издаваемой продукции вела Всесоюзная книжная палата. Она была создана в 1936 г. и являлась главным справочно-библиографическим и научно-методологическим органом, ведала вопросами каталогизации, классификации и описания книжной продукции. Кроме того, Палата выпускала ежегодный статистический сборник «Печать СССР в [...] году», а также серию аналитических сборников «Книга: исследования и материалы». Впоследствии научно-исследовательские отделы Палаты были преобразованы в 1987 г. в НИИ книги.

¹ История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: материалы III междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма, 27–28 мая 2014 г. / науч. ред. М.В. Зеленев. – СПб., 2015. – С. 298.

² Васильева Т. Проверено цензурой: что такое Главлит. // URL: <http://newsland.com/news/detail/id/972469/> (дата обращения: 11.09.2021).

³ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР 1917–1991 гг. – М., 2009. – С. 35.

Данные, собранные Книжной палатой, а также Центральным статистическим управлением демонстрируют, что номинальные показатели издания печатной продукции росли весь позднесоветский период (табл. 10 и 11). Увеличивалось количество наименований книг и брошюр, газет и журналов.

Таблица 10. Показатели книгоиздания в СССР в 1950-1980-е гг.¹

Год	Наименований книг и брошюр (вместе)	Тираж книг и брошюр (вместе) тыс.экз.	Средний тираж книг и брошюр, тыс. (расчет)
1950	43100	821000	19,0
1955	54700	1015000	18,6
1960	76064	1239647	16,3
1965	76101	1279868	16,8
1970	78875	1309648	16,6
1975	78700	1671782	21,2
1980	80676	1760468,6	21,8
1985	83976	2150734,3	25,6
1990	65494	1989778,9	30,4

Общий годовой тираж книг стремительно вырос в период оттепели, в дальнейшем этот показатель прибавлял в меньшей степени, в отличие от среднего тиража, который во вторую половину 1950-х – начале 1960-х изначально снизился, но затем стал стремительно увеличиваться уже в 1970-е – первую половину 1980-х гг.

В то же время читатели в своих читательских практиках не ограничивались книгами. Согласно выводам А.И. Рейтблата и Н.Е. Добрыниной, «к чтению газет приобщено почти всё взрослое население, к чтению журналов и книг – 75–80 % жителей страны»². Журналов и газет также становилось больше: увеличивалось количество наименований, росли тиражи.

¹ Сост. автором на основе стат. данных по: Народное хозяйство СССР в 1960 году. – М., 1961; Народное хозяйство СССР в 1965 году. – М., 1966; Народное хозяйство СССР в 1970 году. – М., 1971; Народное хозяйство СССР в 1975 году. – М., 1976; Народное хозяйство СССР в 1980 году. – М., 1981; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991.

² Книга и чтение в зеркале социологии / под ред. В.Д. Стельмах, Н.К. Лобачева. – М., 1990. – С. 17.

Таблица 11. Издание журналов и газет в СССР в 1950-1980-е гг.¹

Год	Журналов число названий	Годовой тираж всех номеров журналов, млн.	Разовый тираж тыс. экз. журналов	Газет число названий	Годовой тираж всех номеров газет, млн.	Разовый тираж тыс. экз. газет
1950	1408	181	н/д	7831	н/д	36000
1955	2026	361	н/д	7246	10300	49000
1960	3761	779	н/д	9544	15009	69000
1965	3846	1548	85969	7472	23073	103000
1970	5968	2622	154717	8694	31176	140716
1975	4725	3043	185213	7985	37976	168000
1980	5236	3225,8	201542	8088	40012	176225
1985	5180	3447	226248	8427	43500	190000
1990	4775	5694	305208	8434	49200	225000

В рамках журнальной периодики продолжали выпускаться издания для официально-атрибутированных групп советского общества: пионеров, комсомольцев и др., журналы для профессиональных сообществ и т.д. Образованные читатели традиционно тяготели к литературным «толстым» журналам. Приток новых специалистов, который начался со второй половины 1950-х гг. вследствие демократизации системы образования, существенно расширил слой образованной читающей публики. В первую очередь увеличивались ряды научно-технических работников. В этих условиях были востребованы не только художественно-литературные журналы, но и научно-популярные периодические издания. По мнению И.В. Кукулина, они содержали в себе идеи новой «послесталинской модернизации», были направлены в будущее².

Тезис о «самом читающем народе в мире» официально подкреплялся следующим аргументом, прозвучавшем с трибуны партийного съезда в

¹ Сост. автором на основе стат. данных по: Народное хозяйство СССР в 1960 году. – М., 1961; Народное хозяйство СССР в 1965 году. – М., 1966; Народное хозяйство СССР в 1970 году. – М., 1971; Народное хозяйство СССР в 1975 году. – М., 1976; Народное хозяйство СССР в 1980 году. – М., 1981; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991.

² Кукулин И.В. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Вестник культурологии. – 2018. – № 2 (85). – С. 175.

1971 г.: «Достаточно сказать, что только после XXIII съезда КПСС у нас издано книг и брошюр общим тиражом более 6,5 миллиарда экземпляров, в том числе свыше 1 миллиарда книг на общественно-политические темы»¹. Однако рекордные тиражи сами по себе не могут дать адекватного представления о сфере чтения. Не всегда количественные параметры отражали качественные изменения ситуации.

Увеличение тиражей не являлось прямым следствием роста спроса на чтение. Предписания сверху, долгий цикл планирования и согласований не позволял издательствам оперативно реагировать на читательские предпочтения, самостоятельно увеличивать количество выпускаемых книг и журналов. По-прежнему в приоритете находились общественно-политическая литература, дореволюционная и иностранная, а также советская классика, особенно та, что входила в школьную программу. Не хватало тиражей и наименований профессиональной и научной литературы, детских изданий.

На книжном рынке доминировали предписанные жанры и набор авторов, чему есть подтверждения в социологических исследованиях. Так, в конце 1960-х гг. осуществлялся масштабный проект «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов», который проводил коллектив Института конкретных социальных исследований АН СССР в Таганроге. Одним из его сюжетов являлось изучение потребления гражданами СССР средств массовой информации и пропаганды. В опросе приняли участие 150 рабочих, 100 представителей интеллигенции, 65 государственных чиновников, 60 студентов². Среди прочего им был предложен список имен деятелей политики, культуры, науки, спорта и т.д. Им необходимо было идентифицировать их согласно роду занятий как ученого, спортсмена,

¹ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, 30 марта – 9 апр. 1971 г.: стенографический отчет. – Т. I. – М., 1971. – С. 115.

² Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). – М., 2006. – С. 536.

писателя и т.д. Среди категории «писатели», наиболее «определяемым» оказался А.М. Горький – про него было известно 100 % опрошиваемых, а наименее узнаваемым стал А. Платонов – про него знали что-либо только 1 % горожан¹.

По мнению Б.Н. Дубина, государство руководило литературой по принципу «комплексного обеда» – предоставления всем «единого и всеобщего набора благ»². Статистика подтверждает данное утверждение: распределение издаваемых книг и брошюр разных тематических разделов по количеству наименований и тиражам в 1960–1980-е гг. отличалось стабильностью. Колебания по категориям, тиражи которых составляли меньше 5 % от всего выпущенного количества книг и брошюр, как правило, не превышали двукратных значений. За исключением профессиональной литературы, наибольшую долю в спектре издаваемой продукции занимали общественно-политическая, художественная и детская литература (табл. 26 и 27 в прил. 2).

Общественно-политическая литература (далее – ОПЛ) как совокупность нескольких видов изданий, оказалась в 1970–1980-е гг. на перекрестке ряда тенденций. С одной стороны, существовали востребованные издания по дореволюционному периоду истории, семейному воспитанию и педагогике, философские труды, справочная литература широкого профиля – энциклопедии, словари, справочники и т.д.³ К примеру, ажиотаж среди читателей в середине 1970-х гг. вызвала публикация третьего многотомного издания Большой Советской Энциклопедии.

С другой стороны, к ОПЛ относились многочисленные партийные издания, брошюры, стенограммы съездов и методические издания. Эта продукция часто не была востребована читателем. Так к первой половине

¹ Взято из: Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). – М., 2006. – С. 563.

² Дубин Б.Н., Гудков Л.Д. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. – СПб., 2009. – С. 50.

³ Васюнькин Ю.Н. Спешите, пока горит свеча. – М., 1989. – С. 110.

1980-х гг. «...по данным ежегодного учета нераспроданной литературы [а это около 10%¹], ее ассортимент на 52% по количеству экземпляров состоит из книг ОПЛ»². Наши современники вспоминают: «Пустых полок не наблюдалось только в отделах ПЛ. Отдельные издания речей и отчетов о зарубежных визитах руководителей партии и правительства, как и сборники произведений продолжателей Ленина, естественно, не входили в число остропопулярных изданий»³.

Остатки официальной литературы не были единственной проблемой индустрии издания и распространения печатной продукции. Родовой чертой отрасли являлась постоянная нехватка бумаги. По данным международной статистики, на одного советского гражданина в начале 1970-х гг. приходилось в среднем 9,2 кг бумаги для книг, газет, журналов, в то время как на одного жителя Великобритании – 51 кг печатной продукции, США – 92,2 кг⁴.

В условиях ограничений, связанных с сырьем, изменений читательского спроса, государственное предложение также претерпевало метаморфозы. Как видно из таблиц 26 и 27 (прил. 2), это приводило к перераспределению пропорций издаваемой литературы по тематическим разделам. Доля общественно-политических изданий не столько снижалась, сколько «размывалась» за счет увеличения наименований и тиражей прочих видов книг. В первую очередь, это касалось художественной и детской литературы. Сравнительный анализ статистики по внутренней структуре выпуска данных двух категорий (табл. 28–30 в прил. 3) демонстрирует, что, самые высокие темпы по росту наименований и тиражей показывали представители русской литературы – дореволюционные писатели и поэты – почти в три раза. Во вторую очередь это касалось зарубежных литераторов. В то же время доля

¹ Говорова А.А. Книга в СССР в послевоенный период и в 1960–1980-е годы // URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/22-3.htm> (дата обращения: 11.09.2021).

² Васюнькин Ю.Н. Спешите, пока горит свеча. – М., 1989. – С. 110.

³ Жирнов Е. Записки из-под полы // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/540986> (дата обращения: 11.09.2021).

⁴ Pristed B.B. Reading and Recycling: The Soviet Paper Debate and Makulatura Books, 1974–91 // *The Russian Review*. – 2019. – Vol. 78, Iss. 1. – P. 128.

советских писателей и литераторов–представителей народов СССР в общем тираже снижалась.

Более явным подтверждением того, что государство ориентировалось на интересы читателей и могло под них адаптироваться, являлся макулатурный эксперимент – совместная программа Государственного комитета СССР по материально-техническому снабжению (Госснаб СССР) и Госкомиздата по обмену бумажного вторичного сырья на книги повышенного спроса из расчета 20 килограммов макулатуры за одну книгу. Проект стартовал в 1974 г. Он позиционировался как большая экологическая инициатива – его официальной целью объявлялось «сохранение лесных богатств страны»¹.

На начальном этапе эксперимент распространился на 10 крупных городов страны, а к началу 1980-х гг. макулатуру сдавали жители 60 городов с общим населением более 48 млн человек². Экономика проекта подразумевала, что 50 книг выдавались за одну тонну бумаги, за счет которой можно было напечатать тысячу новых изданий³. По подсчётам исследователей, эксперимент приносил до четверти всей макулатуры в стране, однако участвовать в нём могла только седьмая часть населения⁴. На деле количество человек, участвующих в эксперименте можно расширить за счёт людей, которые ездили сдавать бумажное вторсырье из местностей, прилегающих к городам, где был устроен сбор макулатуры. Так, житель Черкасс (УССР) предлагал руководству ВОК способствовать включению его

¹ Книги «макулатурной» серии содержали несколько вариантов обращений к читателям. Одно из них было таким: «Чтобы сохранить лесные богатства нашей страны, с 1974 года организован сбор макулатуры в обмен на художественную литературу, для чего расширен выпуск популярных книг отечественных и зарубежных авторов. Сбор и сдача вторичного бумажного сырья – важное государственное дело. Ведь 60 кг макулатуры сохраняют от вырубки одно дерево, которое вырастает в течение 50-80 лет. Призываем вас активно содействовать заготовительным организациям в сборе макулатуры – это даст возможность увеличить производство бумаги для дополнительного выпуска нужной населению литературы». Дюма А. Граф Монте-Кристо. Т. 1. – М., 1976. – С. 3.

² Заготовка вторичного сырья предприятиями системы Госснаба СССР / сост. Л.С. Залкинд, И.В. Царев, В.Г. Щербаков. – М., 1985. – С. 30.

³ Заготовка вторичного сырья предприятиями системы Госснаба СССР / сост. Л.С. Залкинд, И.В. Царев, В.Г. Щербаков. – М., 1985. – С. 29.

⁴ Левинсон А.Г. Опыт социологии. Сборник статей. – М., 2004. – С. 260.

города в список участвующих в эксперименте: «В нашем городе, как и в Москве, в Киеве и др. можно было бы организовать сдачу макулатуры в обмен на приобретение права покупки дефицитных изданий. Как это ни парадоксально, но многие жители нашего города возят старые газеты и журналы в г. Киев и Кишинев»¹.

По мнению социолога А. Г. Левинсона, макулатурный эксперимент вывел на поверхность несколько особенностей потребления книги в поздний советский период. Государство «зондировало» почву, ведя поиск наиболее востребованных у читателей авторов. Первым в этом списке стал А. Дюма, который издавался каждый год с 1974 по 1982 г., затем его место занял М. Дрюон с серией «Проклятые короли»².

Проект зафиксировал вещное отношение к книге у граждан, расширение её функций не столько как объекта чтения, а как предмета потребления. В группу «макулатурных доноров» вошли горожане, которые исторически собрали в себе несколько черт: «а) деревенско-антибарское аскриптивное отношение к книге как роскоши; б) мещански-достижительное отношение к роскоши как к предмету необходимости; в) упоминавшееся инструменталистское отношение к книге как вещи-средству при г) общеинтеллигентской ориентации на книгу как ценность»³.

Участники и организаторы эксперимента столкнулись с рядом трудностей. Возросла нагрузка на систему сбора вторсырья. Другой проблемой стало то, что на пункты приёма макулатуры приносили не только газеты и журналы, но и книги. Так, по результатам рейда, который провели представители Киевского книготорга и корреспондент газеты «Друг читача» в Киеве в начале 1975 г. во вторсырье были обнаружены издания М. Горького, А. Чехова, К. Симонова, библиотечные книги, «целые собрания

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 142. Л. 2.

² Левинсон А.Г. Опыт социологии. Сборник статей. – М., 2004. – С. 284.

³ Левинсон А.Г. Указ. соч. – С. 285–286.

сочинений писателей, полные комплекты энциклопедий»¹. По свидетельству Н. Б. Лебиной, «в макулатуру понесли литературу политического жанра, например, собрания сочинений Ленина»². Попадание важных, с точки зрения государства и партии, текстов в утиль не являлось протестом против режима, но было подтверждением низкой ценности данных изданий в условиях перенасыщения идеологией.

Пункты сбора макулатуры работали по тому же графику, что и предприятия, организации и ведомства, что ограничивало возможности сдачи вторсырья тем, кто был в этот момент на работе. Такая ситуация приводила к возникновению неформальных практик распределения, становилась фактором складывания черного рынка. Один из сдатчиков макулатуры в начале 1980-х гг. писал в газету «Правда» «[Практически нет] возможности большинству рабочих и служащих, работающих на предприятиях и учреждениях, сдать макулатуру и тем самым получить абонемент. Дело в том, что выдача абонементов производится в рабочее время /кроме субботы/ в утренние часы и в ограниченном количестве. Это приводит к тому, что в дни выдачи абонементов около пунктов приема создаются огромные очереди, где ведется предварительная запись и очень часто в ночное время. Многим приходится отпрашиваться с работы, чтобы не пропустить свою очередь, и на это тратится огромное количество рабочего времени. А что делать тем, кто не может отпроситься с работы?

В результате, не имея возможности сдать макулатуру за абонемент, они обращаются к «жучкам», а точнее к спекулянтам, Вот это и есть второй негативный фактор. <- жучки продают абонементы по 5 рублей>»³.

Исследовательница Б. Б. Пристед отмечает, что со временем эксперимент вызвал разочарование как у инициаторов, организаторов, так и у его участников. Экологический пафос затеи быстро ушёл на второй план, а

¹ Книжное обозрение. – 1975. – № 9. – С. 14.

² Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917-1991. – М., 2019. – С. 242.

³ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 431. Л. 30–31.

абонементы и книги из макулатурной серии стали предметами теневого рынка. Тем не менее, проект по сбору макулатуры стал примером «общественного диалога и материального обмена между властями и читателями – поставщиками макулатуры»¹.

Таким образом, государство являлось одним из творцов изменений в читательской сфере. Оно было вынуждено реагировать на трансформации читателя, читательских аудиторий в течение позднего советского периода. Во второй половине 1960-х–1980-х гг. государственная книготорговая сеть активно расширялась, библиотечная система – в меньшей степени. Издательства, несмотря на высокую нагрузку на оборудование и нехватку бумаги, издавали всё больше и больше наименований книг, совокупный тираж также постоянно рос. Структура выпуска литературы изменялась: на фоне постепенно снижающихся показателей общественно-политических изданий художественная литература, в особенности за авторством дореволюционных русских писателей и поэтов, выбивалась в лидеры по темпам прироста наименований и тиражей. На этом фоне местные издательства выпускали популярные книжные серии, отдельные востребованные населением издания, связанные с бытом, локальной культурой и т.д.

Однако действия государства были недостаточными, фрагментарными, меры принимались с просчетами и запозданием, продолжал действовать аппарат цензуры. Кроме того, новые начинания, направленные на рационализацию выпуска литературы, не всегда работали. Так, перспективная практика сбора предварительных заказов разбивалась о плановые показатели, и специальные карточки заказов часто возвращались обратно читателям².

¹ Pristed B.B. Reading and Recycling: The Soviet Paper Debate and Makulatura Books, 1974–91 // The Russian Review. – 2019. – Vol. 78, Iss. 1. – P 124.

² Говорова А.А. Книга в СССР в послевоенный период и в 1960–1980-е годы // URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/22-3.htm> (дата обращения: 11.09.2021).

Популярность макулатурного эксперимента в середине 1970-х гг. объясняется отложенным спросом населения на издание ряда жанров: теперь действительно популярные книги выпускались многомиллионными тиражами. Однако большая часть читателей страны была исключена из аудитории проекта. Стимулирование с помощью востребованных книг к сбору макулатуры являлось примером использования рыночных инструментов в плановой экономике, маркером кризиса в сфере печати, а также подтверждением самостоятельности читательской аудитории. Однако и эти меры были реализованы лишь частично. Поэтому символами чтения в 1960–1980-е гг. стали не книжное изобилие, а дефицит, «нагрузка», черный рынок и т.д.

1.3. Позднесоветские читатели в зеркале социологии

Социология чтения – область исследований, становление которой пришлось на 1960–1970-е гг. Благодаря усилиям представителей данного направления сегодня возможно восстановить основные характеристики читательской культуры в позднее советское время. Исследования в этом ключе вели коллективы Ленинградского государственного института культуры имени Н.К. Крупской, Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина и других учреждений. Центром изучения читателей стал сектор социологии книги и чтения Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Его сотрудники реализовывали масштабный проект «Книга и чтение в жизни советского общества»¹. Ряд комплексных исследований в городах, сельской местности, в разных профессиональных средах в 1960–1970-е гг. позволил коллективу сектора выработать актуальную и адекватную для позднего советского периода картину чтения – набор количественных и содержательных характеристик,

¹ Книга и чтение в зеркале социологии / под ред. В. Д. Стельмах, Н. К. Лобачева. – М., 1990. – С. 8.

отражающих поведение читательской аудитории. Картину чтения характеризовали следующие переменные: «<...> активность чтения разных групп (регулярность обращения к печатным источникам, объём чтения), активность использования различных каналов получения литературы (библиотека, книжный магазин, подписка), место чтения в структуре досуга и бюджете свободного времени, читательские предпочтения, мотивы выбора книги и оценки прочитанного»¹.

Социологи чтения и их коллеги по другим научным институциям стремились рассмотреть все срезы советского общества. Однако масштабные изыскания сектора, по мнению его главы В. Д. Стельмах, были несопоставимы по программам и выборкам и в итоге представляли «весьма далёкую от полноты картину чтения»². К тому же масштаб исследований сузился ко второй половине 1970-х гг. до «одной профессиональной сферы – библиотечной»³. В этом отношении необходимо отметить, что большинство подробных характеристик относится к читательской культуре 1960-х и первой половины 1970-х гг.

Одним из первых исследований сектора стал проект «Читательские интересы рабочей молодежи», который осуществлялся с 1963 по 1965 г. Следующим масштабным изысканием стало исследование «Советский читатель» (1965–1967). В фокусе социологов находились читательские интересы нескольких аудиторий: рабочих и инженерно-технических работников, учителей, студентов и учащихся училищ⁴.

Ещё одним крупным проектом стало комплексное исследование «Книга в жизни небольших городов», которое пришлось на 1969–1971 гг. Исследователи проанализировали широкий круг вопросов – от приобщения

¹ Книга и чтение в зеркале социологии / под ред. В. Д. Стельмах, Н. К. Лобачева. – М., 1990. – С. 9.

² Там же. – С. 9.

³ Там же. – С. 9.

⁴ Советский читатель: опыт конкретно-социологического исследования / Отв. ред. О.С. Чубарьян. – М., 1968. – С. 10.

населения к книге и библиотеке до соответствия количественного и качественного состава книжного фонда небольших городов интересам и запросам разных социальных и профессиональных групп. Целевыми группами исследования стали все возрастные группы, начиная с 7 лет. Ученые опирались на эмпирическую базу исследования – 47 895 документов о чтении. По их мнению, небольшой город представлял интерес, поскольку занимал промежуточное положение между большим городом и деревней¹. Базовым городом для анализа стал Острогожск Воронежской области РСФСР.

В 1972–1974 гг. специалистами Государственной библиотеки им. В.И. Ленина также было осуществлено исследование «Книга и чтение советского села». В фокусе учёных оказались читательские интересы и привычки 16 708 человек из 268 сел и деревень разных частей СССР. Результаты этих и других исследований позволяют охарактеризовать сферу чтения в 1960-х – начале 1970-х гг.: читательские интересы, модель чтения, а также параметры инфраструктуры, связанной с чтением, в первую очередь, библиотечной сети и системы книготорговли.

Согласно выводам социологов, на новом этапе чтение продолжало активно присваиваться советскими людьми. Читатели становились более автономными. Граждане самостоятельно формировали свой книжный репертуар, читательские привычки, определяли частоту обращения к книге. По мнению исследователей, в это время они руководствовались несколькими мотивами, связанными с духовным обогащением, самообразованием, овладением профессией, общественной работой, увлечениями. По замечанию Ю. Н. Васюнькина, если ранее «читатель с готовностью брал на себя роль ведомого, то в ситуации 60–70-х годов (он) <...> отказал всем... инстанциям в праве руководить им»².

¹ Книга и чтение в жизни небольших городов / отв. ред. О.С. Чубарьян. – М., 1973. – С. 264.

² Васюнькин Ю.Н. Спешите, пока горит свеча. – М., 1989. – С. 106.

Аудитория чтения не была однородной: в деревне и в городской среде читательские практики были разными. Сельская местность по отношению к городской почти во всём рассматривалась как догоняющая. К примеру, 87 % сельского населения читало регулярно, тем временем, уже в небольших городах регулярных читателей было 95%¹, в крупных городах этот показатель приближался к 100%.

Первым институтом, на котором стали отображаться новые веяния в поведении читателей, стала массовая библиотека. Это происходило по нескольким причинам. По мнению Б.В. Дубина, «именно с конца 1960-х—начала 1970-х гг. массовая общедоступная библиотека стала переживать серьезные организационные трудности: дефицит книг, все увеличивающееся разнообразие читательских интересов, повышенные требования образованного контингента и его неудовлетворенность обслуживанием»². Многие запросы читателей не выполнялись. К примеру, исследователи в 1960-е гг. фиксировали нехватку литературы по отдельным периодам истории и философии³. Несовместимость массовой библиотеки и «нового» читателя обострялась с течением времени, поскольку «модель массовой библиотеки закладывалась в условиях, при которых большинство населения было деревенским, не имело письменно-печатного, школьного образования»⁴.

К середине 1980-х ситуация не улучшилась. Проверка наличия литературы в фондах массовых библиотек, которую провела Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина в 1985 г., показала, что они по-прежнему снабжались недостаточно. Попадавшие в публичные собрания книги не отличались разнообразием. Средняя массовая библиотека,

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д. 164. Л. 19.

² Дубин Б.В. Читатель в обществе зрителей // URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=2338> (дата обращения: 11.09.2021).

³ Советский читатель: опыт конкретно-социологического исследования / отв. ред. О.С. Чубарьян. – М., 1968. – С. 279.

⁴ Дубин. Б.В. Указ. соч.

согласно номенклатуре, должна была включать 51,5 % художественной литературы (вместе с детской и филологической), 22 % – ОПЛ и 26,5 % книг по другим отраслям знания¹. Книги советских классиков – «Поднятая целина» М.А. Шолохова, «Чапаев» Д.А. Фурманова, «Мать» А.М. Горького – были представлены в библиотеках в количестве более 10 экземпляров на произведение, в то время как получившие популярность книги М.А. Булгакова – 0,6 экземпляров, Ш.Б. Окуджавы – 0,2 экземпляра на библиотеку, Гарсиа Маркеса – 0,07 экземпляра на библиотеку². Кроме того, не удовлетворялось 45 % запросов по исторической литературе, по педагогике – 52 %, 55 % – по фантастике, по психологии – 78 %³.

На фоне изменения читательских аудиторий подходы к формированию фонда массовых собраний почти не менялись в течение 1970–1980-х гг. Причиной проблем на уровне ведомств и министерств объявлялось поведение читателей, несоответствие их поведения предписанной номенклатуре изданий. Так, в 1986 г. на одном из пленумов ВОК представитель главного управления по делам библиотек союзного министерства культуры В.С. Лисохина сетовала, что «значительная часть населения, в том числе рабочие промышленности и сельского хозяйства, молодежь еще читают мало и бессистемно. <...> Не может не волновать, что только 80 % молодых читателей обращается к общественно-политической литературе, а в круге чтения учащихся ПТУ 60 % составляет приключенческая и детективная литература»⁴.

Читатели на этом фоне теряли интерес к системе государственных и ведомственных библиотек, у части из них, по мнению В. Д. Стельмах, сложился стереотип: «В библиотеке все равно хороших книг не достать»⁵. На

¹ Книга и чтение в зеркале социологии / под ред. В. Д. Стельмах, Н. К. Лобачева. – М., 1990. – С. 41.

² Там же. – С. 41.

³ Там же. – С. 43.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп.1. Д.734. Л. 101.

⁵ Книга и чтение в зеркале социологии / под ред. В.Д. Стельмах, Н.К. Лобачева. – М., 1990. – С. 110.

фоне падения авторитета массовых библиотек читатели концентрировались на сборе книг в своих домашних книжных шкафах. В этом отношении в 1960–1980-е гг. фонд домашних библиотек активно возрастал, по данным социологов, на 700–800 млн книг в год¹. Домашние книжные собрания превзошли фонд общественных библиотек по количеству книг, по разным оценкам, от 3² до 10 раз: 5 миллиардов против 50³.

Домашняя библиотека была ключом к пониманию ситуации с чтением и неоднородностью читательской аудитории. Большинство семей к середине 1970-х гг. имели библиотеки в несколько сотен изданий (табл. 12).

Таблица 12. Количество книг в домашних библиотеках советских семей в первой половине 1970-гг.⁴

Кол-во книг	<10	11-50	51-100	101-200	201-500	501-1000	>1000
Число семей, имеющих личные библиотеки, % от числа опрошенных	2,8	10,6	18,1	20,6	21,5	15,1	13,3

Исследователи отмечали зависимость числа книг в домашней библиотеке от уровня образования, а также возраста. Если в первом случае прослеживалась тенденция, согласно которой чем выше был уровень образования, тем большее количество книг находилось в домашней библиотеке специалиста, то во втором среднее число книг было тем больше, чем был больше возраст читателя (табл. 13-14).

¹ Чернышева А. Газета, книга, телевидение / В мире книг. – 1976. – № 11. – С. 29.

² Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. – М., 1994. – С. 265.

³ Андреева О.В., Волкова Л.Л., Говоров А.А. и др. История книги. – М., 2001.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д. 164. Л. 63.

Таблица 13. Наличие книг дома в зависимости от возраста собирателей библиотек, в %¹

Возраст, лет	Количество книг						
	<10	11–50	51–100	101–200	201–500	501–1000	>1000
19-25	3,4	17,5	21,2	25,6	18,3	7,3	6,8
26-35	2,4	9,7	16,5	21,8	25,1	15,0	9,6
36-50	2,2	6,5	12,5	17,0	24,1	19,5	8,1
Свыше 50	2,7	8,2	11,4	16,2	18,6	19,5	23,4

Таблица 14. Влияние образования на величину домашней библиотеки, в %²

Образование	Количество книг						
	<10	11–50	51–100	101–200	201–500	501–1000	>1000
Начальное	8,7	25,3	25,0	20,7	11,4	6,0	2,7
Неполное среднее	6,7	19,9	24,2	22,1	15,4	7,3	4,5
Среднее	3,8	15,9	21,4	23,1	19,4	10,5	5,7
Среднее специальное	1,8	11,6	19,6	24,1	22,1	12,3	8,6
Незаконченное высшее	1,8	10,4	16,6	21,2	23,8	15,2	11,1
Высшее	1,0	4,3	9,2	16,2	24,7	21,7	23,0

Согласно исследованию «Советский читатель», существовала зависимость жанрового состава домашних библиотек от рода занятий (табл. 15).

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д. 164. Л. 65.

² Там же. Л. 65.

Таблица 15. Дифференциация состава личных библиотек
в зависимости от рода занятий, в %¹

Жанр литературы	Рабочие	ИТР	Учителя-словесники	Учителя-естественники	Студенты
Специальная	36	61	98	86	53
Общественно-политическая	23	35	15	46	33
Научно-популярная по естествознанию и технике	22	27	13	65	27
Художественная	62	69	98	73	66
По искусству	13	26	18	36	40
Справочники, учебники	46	66	31	54	57

Как видно, читатели разных профессий отдавали предпочтение не только изданиям, связанным с профессиональной деятельностью, обучением, но и художественной литературе. Согласно исследователям, особым спросом пользовались исторические романы и фантастика. По замечанию В. Д. Стельмах, аудитории всегда необходим «ряд классических и вечно любимых жанров массовой литературы (evergreen) – детективы, женский любовный роман, приключения, триллеры, фантастика...»². По мнению Б. В. Дубина, некоторые жанры были популярны у всех слоев читательской аудитории: «у нас в 1970-е гг. детективы <...> тоже запоем читали, если удавалось достать, и работяги, и интеллигенты»³

Популярность художественной литературы раскрывала изменение отношения к чтению у советских читателей в период позднего социализма. Исследователи выделяли на рубеже 1960–1970-х гг. три тенденции, которыми руководствовались граждане при выборе художественной литературы. Во-первых, высокий интерес во всех читательских группах к творчеству ведущих мастеров. Во-вторых, временный, часто быстро

¹ Сост. автором на основе стат. данных по: Советский читатель: опыт конкретно-социологического исследования / отв. ред. О.С. Чубарьян. – М., 1968.

² Дубин А. Валерия Стельмах: «Отношение к книге сильно изменилось» // URL: <http://www.urokiistorii.ru/memory/arc/51818> (дата обращения: 11.09.2021).

³ Дубин Б.В. Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре. – М., 2013. – С. 129.

исчезающий интерес к литературным новинкам. Наконец, «резкое возрастание интереса к тем авторам или отдельным произведениям, которые широко пропагандируются в стране средствами массовой информации»¹. К третьему случаю относились юбилеи писателей и произведений, экранизации книг. Риторика, характерная для конца рубежа десятилетий, не учитывала внутренних коммуникаций читательских аудиторий, низводила субъектность советского читателя до минимума.

Доминирование художественной литературы было, с точки зрения социологов 1960–1970-х гг., слабым местом сферы массового чтения. По их мнению, при выборе изданий из данной категории читатели часто проявляли «случайность в выборе книг, неразвитость художественного вкуса». Согласно выводам исследователей, существовала диспропорция в пользу «посредственных» книг в сравнении с высокохудожественной литературой: «малохудожественные произведения имеют активный и довольно постоянный спрос. <...> это относится к книгам детективного жанра и к слабо-мещанским семейно-бытовым романам. Широкий интерес к ним объясняется тем, что они при всей своей художественной слабости все же «задевают за живое»: первые развлекают, дают разрядку умственному напряжению, вторые заставляют «переживать»².

Причину такого положения исследователи видели в низком уровне навыков чтения, а также осознанности выбора книги. «Неправильному» подбору репертуара способствовали прорехи в читательской культуре: «Человек, не научившийся глубоко и осмысленно читать, не застрахован от того, чтобы принимать ремесленную поделку за шедевр искусства или открытие в науке»³. Так, социологи в рамках проекта «Книга и чтение в

¹ Советский читатель: опыт конкретно-социологического исследования / отв. ред. О.С. Чубарьян. – М., 1968. – С. 283.

² Советский читатель: опыт конкретно-социологического исследования / Отв. ред. О.С. Чубарьян. – М., 1968. – С. 284.

³ Книга и чтение в жизни советского села. Проблемы и тенденции / редколлегия: Н. Н. Соловьева [и др.]. – М., 1978. – С. 30.

жизни советского села» отмечали: «Судя по материалам исследования, чтение значительной части сельских читателей отличается поверхностностью. Об этом говорит, например, тот факт, что треть читающих советскую литературу не смогла назвать авторов и заглавий запомнившихся произведений. Это значит, что книга как целостное художественное произведение "проскакивает" через сознание читателя»¹.

Критикуя среднестатистического читателя-современника, исследователи в 1960–1970-е гг. говорили, во-первых, языком власти, а во-вторых, с позиции и в манере высокообразованной читательской аудитории. Социологи литературы фиксировали сдвиг в целеполагании советского массового читателя: он читал теперь не только для того, чтобы «поработать над собой» или ради профессиональных нужд, но и в целях досуга. По итогам исследования читательской аудитории в сельской местности был среди прочего сделан следующий вывод: «Преобладает два типа читательских мотивов: потребности дела (работы, учебы) и потребности отдыха, развлечения. Мотивы чтения, связанные с осознанной потребностью в общем самообразовании, развиты значительно слабее»².

Чтение в 1960–1980-е гг. прочно занимало одну из лидирующих позиций в бюджете свободного времени. Исследовательница Г. П. Сидорова обосновывает такой выбор феноменом эскапизма, потребностью читателей «уйти от действительности»³. В то же время чтение конкурировало с другими массовыми форматами проведения свободного времени, в первую очередь – с телевидением⁴ (табл. 16).

¹ Книга и чтение в жизни советского села. Проблемы и тенденции / редколлегия: Н. Н. Соловьева [и др.]. – М., 1978. – С. 30.

² Указ. соч. – М., 1978. – С. 27.

³ Сидорова Г.П. Советская массовая литература 1960-1980-х гг.: читательские предпочтения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2010. – № 3. – С. 69.

⁴ В этом отношении интересно сравнить ситуацию в СССР с другими странами. К примеру, в США чтение в 1960-1970-е годы было побеждено телевидением, объем времени, который уделялся книгам и журналам, в основном падал. Так, в 1965 году в среде мужчин возраста с 25 до 44 лет количество времени на чтение сократилось с 4,4 до 2,7 часов в неделю, а на телевидение – увеличилось: с 11,2 до 13,8 часов. Та же тенденция

Таблица 16. Затраты времени на чтение и восприятие передач по радио и телевидению в середине 1970-х гг.¹.

Источник информации	До 30 мин.	30–60 мин.	60–120 мин.	Свыше 120 мин.	Не каждый день
Книги	3,6	15,7	37,5	49,2	15,9
Телевидение	4,6	16,9	36,8	33,7	22,1
Радио	18,5	15,9	10,2	11,3	22,2
Журналы	26,2	25,8	10,0	3,8	33,4
Газеты	47,1	25,7	5,4	2,0	6,4

Формирование домашних библиотек ограничивалось возможностями приобретения печатной продукции. Популярные издания часто выходили тиражами в 50 000 – 200 000 экземпляров на всю страну. Дисбаланс между запросами читателей, планами издателей и политической конъюнктурой, ограниченное предложение со стороны государственной торговой сети, низкое качество книжной продукции – все вместе создавало ситуацию книжного дефицита. «Консультации между издательской системой и книжной торговлей отсутствовали, книготорговцам обычно не предоставлялось выбора в том, что им продавать: они просто должны были распространять книги, которые им предлагали»². По категоричному замечанию Б. В. Дубина, часто качество книжной продукции было настолько низким, что три четверти совокупного тиража являлось макулатурой³. С другой стороны, наряду с дешевыми некачественными книгами в продажу поступали эталонные по качеству издания, на которые также устанавливался высокий спрос: альбомы по искусству, миниатюрные книги и т.д.

Такое положение становилось поводом для расцвета черного рынка, блата, выделения отдельных категории книг «повышенного спроса», практик продажи востребованных книг с «нагрузкой». В связи с особенностями

была характерна и для других возрастов и категорий / Caplow T., Bahr H. Recent Social Trends in the United States, 1960–1990. – Montreal., 1994. – С. 420–423.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д. 164. Л. 37.

² Lovell S. The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras. – London, 2000. – P. 58.

³ Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. – М., 1994. – С. 265

планирования, хронической проблемой для печатной торговли были нераспроданные остатки: обычно они составляли 10% от всего годового объема книжной продукции¹: некоторые издания, особенно местных авторов, были заведомо убыточными². По подсчетам Госкомиздата СССР в середине 1970-х гг. 75 % всех не разошедшихся книг приходилось на научно-техническую и общественно-политическую литературу³.

Решить проблему остатков была призвана так называемая практика «нагрузки»: к пользующимся активным спросом изданиям прилагалась литература из остатков. Одна из респонденток вспоминала о позднесоветских практиках получения необходимой литературы:

«Респондент: Совершенно ненужные журналы выписывали, чтобы получить как приложение подписку какого-то собрания сочинений к этому журналу. Тогда многие журналы этим пользовались – они знали, что эти журналы будут раскупать, потому что к ним идет приложением, может быть, не совсем нужная, но литература.

Интервьюер: Это такая практика нагрузки?

Респондент: Да, конечно. Допустим, тебе нужна была такая-то книга, ты пришел в книжный магазин – вот она! А тебе в нагрузку еще две книжечки. Не будем уточнять, каких <смеется>. Как правило, это сочинения членов Политбюро или что-то такое, знаете. Потому что они выпускались миллионными тиражами»⁴.

Существовали и другие случаи создания искусственного спроса. Один из респондентов в рамках данного исследования рассказал, что в одном из крупных пермских вузов в 1970-е гг. «библиотекари сетовали, что им

¹ Говорова А.А. Книга в СССР в послевоенный период и в 1960–1980-е годы // URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/22-3.htm> (дата обращения: 11.09.2021).

² Штолдер А.В. Развитие издательского дела на Урале в 60-80-е гг. XX в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 3. – С. 105.

³ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 7. Л. 45–46.

⁴ Интервью с С.И. // Личный архив автора [инф. 11]. Информант родилась в 1961 г. в г. Верещагино (Пермская область). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 25.12.2015. Продолжительность 67 минут.

поставили задачу: по одному собранию сочинения Ленина на одного студента. Чтобы каждый студент имел возможность, если ему надо прочитать Ленина, взять нужный том»¹. В итоге данный вуз приобрел серию изданий согласно поставленному заданию.

Альтернативой официальной книготорговле служил черный рынок. Он достиг пиковых показателей ко второй половине 1980-х гг. Его состояние оценивалось следующим образом: в 1989 г. номинальный объем нелегально распроданной литературы составлял более 11 %, а в денежном эквиваленте подбирался к 50 %-ной отметке – 4,6 млрд руб. общего оборота, из которых только 2,4 млрд приходились на государственную и кооперативную торговлю, остальные 2,2 млрд руб. – на альтернативные каналы доступа².

Книжный дефицит воздействовал на значительную часть читательских практик в позднесоветский период. Он катализировал моду на чтение, книги, обострил конкуренцию в накоплении культурного капитала в виде домашних библиотек. По словам одного из респондентов, «Люди читали очень много! <...> Жить было скучно, в бизнес не уйдешь, если ты не цеховик. Все в книгах находили, читали очень много»³. Такая ситуация, по мнению исследователей, могла приводить к искажению картины чтения, поскольку опрашиваемые часто завышали свои показатели по читательской активности, преувеличивали широту своих литературных интересов⁴. Социологи литературы отмечали, что происходили фетишизация и отчуждение процессуальных и предметных характеристик чтения, возведение их в ранг универсальных ценностей: «С одной стороны – это символизация самого акта

¹ Интервью с А. Г. // Личный архив автора [инф. 2]. Информант родился в 1937 г. в г. Одессе. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 25.08.2014. Продолжительность 44 минуты.

² Васюнькин Ю.Н. Спешу, пока горит свеча. – М., 1989. – С. 119.

³ Интервью с О.К. // Личный архив автора [инф. 1]. Информант родилась в 1965 г. в г. Соликамске (Пермская область). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Соликамске (Пермский край). Запись 08.08.2014. Продолжительность 70 минут.

⁴ Социология и психология чтения. Труды. Т. 15. – М., 1979. – С. 122.

чтения вне зависимости от его содержания, с другой – возвышение книги как таковой в массовых явлениях книгособирательства и т.п.»¹.

На этом фоне домашняя библиотека являлась маркером достатка, символом принадлежности к читающей публике. Книга входила в топ иерархии потребительских товаров наряду с хрусталём, коврами и бытовой техникой. Книжное собрание обязательно выставлялось напоказ. В этом отношении особой любовью граждан пользовались серийные издания в одинаковом оформлении. Собрания книг в одном цвете становились предметом престижа. Поэтому издатели могли получать претензии от покупателей применительно к оформлению изданий. Так, один читатель из Донецка писал в 1970-м г. в газету «Книжное обозрение» о недовольстве выпуском книги Л. Фейхтвангера не в рамках собрания сочинений, а в неправильном, с его точки зрения, оформлении. Он упрекал издателей в непоследовательности: «В прошлом году издательство «Художественная литература» выпустило два романа Лиона Фейхтвангера – «Лже-Нерон» и «Испанская баллада», которые в свое время не вошли в 12-томное собрание сочинений писателя. Но на дополнительной книге почему-то не поставлен номер тома – 13. К сожалению, такие примеры не единичны. А как было бы хорошо, если бы собрания сочинений ныне здравствующих писателей по мере создания ими новых произведений дополнялись томами, идентичными по формату, переплету и оформлению»².

Подписка на художественные издания являлась самой дефицитной. Особым почётом пользовались такие серии, как «Библиотека современной фантастики»³, «Библиотека всемирной литературы», энциклопедические издания и т.д. Свою роль играл новый фактор: популярностью пользовались

¹ Советский читатель: опыт конкретно-социологического исследования / отв. ред. О.С. Чубарьян. – М., 1968. – С. 124.

² Книжное обозрение. – 1970. – № 15. – С. 11.

³ Фантастика являлась одним из самых читаемых типов художественной литературы у молодежи в 1970-е годы / Сидорова Г.П. Советская массовая литература 1960-1980-х гг.: читательские предпочтения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2010. – № 3. – С. 67.

экранизированные романы¹. Это касалось, к примеру, произведений А.С. Иванова, по которым было создано два многосерийных хита: «Тени исчезают в полдень» (1972) и «Вечный зов» (1973–1983).

Потребление книги не ограничивалось чтением. Значение изданий как предмета дефицита, символа принадлежности к образованному кругу становилось причиной того, что они могли приобретаться только ради размещения в интерьере. Такая ситуация называлась «библиоманией». В официальном дискурсе именно она признавалась причиной дефицита. Книги для библиомана являлись «некими престижными вещами», которые «собираются», но часто не читаются: издания в его библиотеке представляют собой «девственные экземпляры»². Современники отмечали: из-за библиомании «страдает прежде всего читатель: он не может прочесть интересующую его книгу – ее негде взять», «книгопродавец вынужден торговать дефицитом»³.

Буферное пространство между государством и официальной идеологией с одной стороны, а также читателем с другой, которое прежде занимала система массовых библиотек, теперь заполнялось самими читателями. Ближний круг – знакомые, сослуживцы и т.д. – становился значимым источником информации о книгах – о них, как о преимущественном источнике рекомендаций заявляли 84 % респондентов в небольших городах, в то время как библиотеку и СМИ выделяли в таком качестве 57 % и 49 % соответственно⁴. По результатам комплексного исследования «Советский читатель», ближайшее окружение для большинства из опрошенных групп на рубеже 1960-1970-х гг. являлось доминирующей группой влияния (табл. 17).

¹ Сидорова Г.П. Советская массовая литература 1960-1980-х гг.: читательские предпочтения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2010. – № 3. – С. 67.

² Актуальные проблемы теории и истории библиофильства (тезисы докладов научно-практической конференции). Л., 1982. – С. 8.

³ Указ. соч. – С. 8

⁴ Книга и чтение в жизни небольших городов / Отв. ред. О.С. Чубарьян. – М., 1973. – С. 162.

Таблица 17. Использование читателями источников информации о книгах,
в % к числу опрошенных¹

Группы читателей	Пользование источниками информации					
	всего	В том числе				
		книжные выставки и библиотечки	рекомендации библиотечек	библиогр. пособия	указание учителей, руков. производства, методистов, лекции	советы друзей и товарищей
Рабочие	83	32	54	9	22	55
ИТР	81	30	39	13	26	48
Учителя-словесники	97	30	39	24	41	63
Учителя-естественники	91	25	35	23	38	54
Студенты	92	30	31	11	64	62
Учащиеся школ и профтехучилищ	93	26	51	4	32	72

Исследователи 1960–1970-х гг. видели угрозу в таком положении дел: с одной стороны, высокий процент взаимной рекомендации книг среди читателей свидетельствовал о большом интересе к книге и об интенсивных межличностных коммуникация по ее поводу. Однако с другой стороны, эта сфера как источник информации о книгах не поддавалась регулированию и управлению².

С середины 1960-х гг. по всей стране стали возникать неформальные добровольные объединения читателей в форматах клубов, кружков, секций – на рабочих местах, при библиотеках, книжных магазинах, домах культуры и т.д. Находясь в них, люди делились впечатлениями о прочитанном, творчески обыгрывали книжные сюжеты.

Прежде формирование сообществ являлось прерогативой высокообразованных читателей: к примеру, в Москве одними из первых клубов любителей книги было объединение Центрального дома работников искусств, которое действовало с середины 1950-х гг., а также секция книги

¹ Советский читатель: опыт конкретно-социологического исследования / отв. ред. О.С. Чубарьян. – М., 1968. – С. 309.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д. 164. Л. 50.

при Московском доме учёных – она функционировала с апреля 1953 г. Позже, в 1966 г., к ним добавился клуб книголюбов при Центральном доме литераторов. Его создателем стал писатель, литературный критик, известный библиофил Е.И. Осетров. По его словам, объединение было создано с целью «помочь писателям и литераторам в овладении книгой, использовании её в работе»¹. Усилиями клуба было запущено регулярное издание «Альманах библиофилов».

Элитарная практика демократизировалась «новым» советским читателем. Верхний слой читающей публики помогал ему в этом и часто выступал с инициативой создания читательских и литературных клубов и кружков. В работу включились представители прежде автономного сообщества библиофилов: в Воронеже это был О.Г. Ласунский, в Одессе – И.Л. Дайлис, в Ульяновске – Н.И. Яценко и т.д. К середине 1970-х гг. по всей стране насчитывалось около 400 клубов книголюбов². Одним из самых известных в стране стало читательское объединение «Краеведческие четверги». Оно было организовано в 1962 г. и разместилось на базе Кировской областной библиотеки им. А.И. Герцена. Инициаторами его создания выступили писатель и библиофил Е.Д. Петряев, краевед В.Г. Пленков и др. На заседания периодичностью 1–2 раза в месяц собиралось от 20 до 200 человек³. Повестка встреч включала в себя изучение исторических источников, обзоры и выставки книг, научно-популярные лекции, знакомство с писателями и т.д. Позже, в 1973 г., параллельно с «Краеведческими четвергами» был создан новый клуб «Вятские книголюбы», который возглавил Е.Д. Петряев⁴. Его профиль был охарактеризован организаторами как «краевое книговедение». В дальнейшем

¹ Книжное обозрение. – 1972. – № 47. – С. 16.

² Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – С. 19.

³ Краеведческий четверг // URL: http://herzenlib.ru/k4g/club_history/ (дата обращения: 11.09.2021).

⁴ Нагорничных Г.В. Время собирать книги // URL: <http://gaspiko.ru/html/vremya> (дата обращения: 11.09.2021).

представители клуба составили ядро делегации на учредительный съезд ВОК в октябре 1974 г. от Кировской области.

В условиях снижения предсказуемости поведения читателя, возможностей управления читательской культурой, государство и социологи в 1970-х г. солидаризировались и видели решение в борьбе за повышение культуры чтения, уровня сознательности читателей. Под культурой чтения подразумевалась «способность человека быстро подобрать нужную литературу, материалы по любой теме, умение определить для себя систему чтения в соответствии с интересами и реальными возможностями, и главное – умение глубоко вникать в прочитанное, оценивать его, использовать знания, почерпнутые из книг, из практической деятельности»¹.

* * *

Таким образом, масштабные социальные изменения периода оттепели отразились на культуре чтения. Повышение уровня жизненного комфорта, «изобретение» приватности вместе с ростом уровня образования и увеличением свободного времени способствовали ослаблению влияния государства на читательские аудитории, поведение читателя. Плановый подход к литературному процессу хотя и был ослаблен, но по-прежнему сковывал всю сферу издания, вместе с забюрократизированностью процедур, а также нехваткой материальных ресурсов. Вместе они не позволяли государству и подчиненной ему системе издания вовремя реагировать на изменения читающей публики.

Главный институт первичной читательской социализации и «руководства» чтением – публичная библиотека – с начала 1960-х гг. в силу низкой укомплектованности актуальной для читателей литературой, несмотря на номинальный рост круга посетителей, теряла своё значение. Библиотечная система действовала в логике прежних времен. Её работа была адресована неискушенным читателям. Массовый позднесоветский читатель

¹ Советский читатель: опыт конкретно-социологического исследования / отв. ред. О.С. Чубарьян. – М., 1968. – С. 298.

был в этом отношении более продвинутом, поэтому он стал уходить из-под прямого воздействия государства, предписанных репертуара и текстов. Это отражалось в падении интереса к идеологическим произведениям, в росте востребованности художественной не соцреалистической литературы.

Книги и журналы выполняли в позднее советское время не только функции политической социализации, социального воспитания и идеологической мобилизации граждан – их всё чаще читали в целях досуга, развлечения и саморазвития. Утилитарное значение печатной продукции, самостоятельное определение их назначения со стороны читателей повышали статус книг и журналов в обществе, где отсутствовали легитимированные рыночные механизмы. Прочитанное становилось мерилom социальной дифференциации. Высокий статус книги и некоторых журналов также как материальных объектов, обеспечивался за счёт роста уровня образованности активных «среднестатистических» читателей. Референтной группой для них являлся верхний образованный слой общества, чей состав также существенно расширился за поздний советский период.

Значимое место литературы в жизни общества 1960-х – первой половины 1980-х гг., помноженное на ограниченное монопольное предложение государства и дисбалансы системы издания и торговли, приводили к появлению неформальных феноменов, таких как черный рынок, блат, спекуляция, нагрузка, самиздат, культовые региональные издания и книжные серии и т.д. Кроме того, часто книга из предмета чтения становилась объектом престижного потребления, статусным дефицитным товаром. Другой стороной читательской культуры со второй половины 1950-х гг. стали переориентация читателей на ближний круг в подборе литературы, вместо предписанного сверху «рекомендательного» списка изданий, а также появление неформальных сообществ читателей.

С одной стороны, государство исполняло роль института, сдерживающего развитие чтения. Однако, по мнению ряда респондентов, ограничение предложения в границах читательской культуры играло роль

дополнительного катализатора интереса к книгам. Так, по словам одной из интервьюируемых, «государство в смысле дефицита не помогало. Но была помощь от противного. То есть когда книг много, ты читать и не хочешь. А когда дают книгу на три дня <...>, ты читаешь. Создавая искусственный дефицит, государство помогало. Не запретный, а труднодоступный плод»¹.

До перестройки положение в сфере чтения никогда не объявлялось кризисным. Формально государство реагировало на повышение спроса: тиражи печатных изданий росли год от года, расширялась сеть книжной торговли, внедрялись новые формы книгораспространения и т.д. Однако структура официального предложения изменялась гораздо медленнее: с одной стороны, количество изданий ОПЛ снижалось в пользу повышения числа изданий художественной литературы, но с другой стороны, тиражи последней росли, в первую очередь, за счёт печати дозволенной дореволюционной русской классики.

Анализ результатов социологических исследований 1960–1970-х гг. демонстрирует, что одной из официальных причин проблем сферы чтения признавались несовершенство читательских вкусов, нерациональное потребление книги, неправильные приоритеты в подборе литературы. Выход социологи видели в повышении культуры чтения граждан. Официальная научная дидактика, таким образом, переносила груз ответственности в рамках читательской сферы с издателя на потребителя книг и журналов.

Для позднего советского режима в лице множества его государственных и партийных структур контроля, планирования и управления главной целью в рамках сферы чтения и более широко было сохранение своего положения, рентабельности, статуса-кво, который сложился в предыдущие периоды. В этом отношении игнорировать изменения читательской аудитории в конце 1950-х – начале 1980-х гг. было невозможно. Советская схема издания, где

¹ Интервью с О.К. // Личный архив автора [инф. 1]. Информант родилась в 1965 г. в г. Соликамске (Пермская область). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Соликамске (Пермский край). Запись 08.08.2014. Продолжительность 70 минут.

заранее спланированный выпуск ограниченного подцензурного репертуара по умолчанию должен был быть употреблён массовым читателем начала давать сбой ещё на заре социалистического книгоиздания – в 1920-х гг. Со второй половины 1950-х гг. положение усугубилось. Темпы адаптации государственного издания в поздний советский период были медленнее стремительной социальной динамики.

Активность государства в сфере чтения, в отличие от дореволюционной ситуации и раннего советского периода, не была связана с задачами модернизации и коренного пересмотра культурной модели. Режим стремился сократить нарастающую дистанцию между ним и обществом. Перед властью стояла задача вернуть чтению былое значение инструмента воспроизводства идеологии. Представители государства, правда, не изменили прежнего подхода и использовали инструменты и форматы из прошлых десятилетий, пытаясь дифференцированным читательским аудиториям предложить безальтернативные, «правильные» сценарии поведения.

ГЛАВА 2. ОТ ИНИЦИАТИВЫ ДО ТРЕТЬЕГО СЪЕЗДА (1973-1984 ГГ.): ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО КНИГОЛЮБОВ КАК МАССОВАЯ СОВЕТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРИОДА «ДЛИННЫХ» СЕМИДЕСЯТЫХ

2.1. Институциональное становление организации книголюбов

К началу 1970-х гг. в Советском Союзе существовало несколько десятков массовых обществ. Различные по направлениям, они были похожи друг на друга: их объединяли одинаковые процедуры и ритуалы, характерные для формата советской добровольной организации. Он стал складываться на заре социализма.

В череде создания массовых советских обществ можно выделить несколько волн. Первая пришлась на революционный и постреволюционный периоды. Тогда появлялись первые политические организации и творческие объединения: Пролетарские культурно-просветительные организации (1917), Общество бывших политкаторжан и ссыльнопереселенцев (1921), Общество историков-марксистов (1921), Общество старых большевиков (1922), Русское общество друзей книги (1924) и др. Будучи порождением революционной культуры, данные организации были поставлены под жесткий контроль со стороны государства и партии на рубеже 1920-1930-х гг., подвергнуты паспортизации в начале 1930-х гг. и впоследствии были распущены, либо влились в состав других обществ¹.

В это же время формируются массовые организации, изначальной характеристикой которых стала тесная связь с государством и партией: Коммунистический союз молодежи (1918), а также пионерия (1922). Эти объединения с момента создания явились неотъемлемой составляющей советской политической системы. На них возлагались функции по

¹ Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! Об отношении власти к обществу. – М., 1997. – С. 261.

воспитанию нового человека путём инкорпорирования молодежи в фарватер официальной идеологии. Комсомольцы и пионеры копировали партийную структуру управления и практики: от первичных ячеек до Центрального комитета, от рядовых собраний до съезда в качестве высшего органа. Их работу отличало формальное членство, плановый подход к рекрутированию новых членов, предписанные ритуалы, символика, наградные практики. Приближенность к государству и партии привели к тому, что в 1920 г. в рядах комсомола состояло уже 200 тыс. членов, а по итогам ленинского призыва в 1924 г. – 700 тыс. К началу 1970-х гг. комсомольцами стали 27 млн молодых граждан СССР¹.

Массовые советские общества создавались в разных направлениях. Работа части из них имела целью социальную мобилизацию в милитарном духе, патриотическое и спортивное воспитание. Таким являлось, к примеру, Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСАВИАХИМ, затем ДОСААФ, 1924). Другие существовали в секторе образования, просвещения, распространения знаний среди населения. Ради этих целей в 1920–1930-е гг. была актуализирована деятельность Советского Общества красного креста и полумесяца (1923), организовано Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (1932), Всероссийское общество «Долой неграмотность» (1923), Всероссийское общество охраны природы (1924) и др. Создание перечисленных массовых обществ было инициировано сверху. Они имели поддержку государства, со временем становились мегаструктурами, которые имели отделения в большинстве регионов СССР.

Одновременно с ними существовали инициативы снизу. К таким, к примеру, относились многочисленные локальные краеведческие общества, расцвет деятельности которых пришелся на 1920-е – первую половину 1930-х. Параллельно шёл процесс становления и расширения системы административно-управленческого надзора над сферой общественных

¹ Остапенко И.П. Рабочий класс СССР в управлении производством, 1956-1970 гг. – М., 1976. – С. 79.

организаций. В 1930-х гг. рекомендации со стороны власти превратились в требования. Краеведов вынуждали участвовать в важных для государства проектах, к примеру, районировании территорий, исчезла прежняя массовость¹.

В послевоенную пору задачи социальной мобилизации оставались актуальными в контексте Холодной войны. Во вторую половину 1940-х – начале 1950-х гг. учреждаются общества, целью которых становились идеологическая пропаганда, популяризация науки и знаний, а также формирование тематических, профильных профессиональных сообществ. В это время были созданы новые научно-технические общества и один из главных институтов распространения политической информации – Всесоюзное общество «Знание» (1947).

В период оттепели формировались добровольные организации, связанные с культурой, повседневностью и досугом. В 1957 г. было учреждено Всероссийское хоровое общество (далее – ВХО), а в 1965 г. – Всероссийское общество охраны памятников и культуры (далее – ВООПиК) и Всесоюзное общество филателистов (далее – ВОФ) и т.д. Количество членов новых массовых структур зависело от доступности и популярности того или иного занятия. Поэтому в ВОФ в 1970–1980-е гг. состояло не более 400 тыс. человек², максимальная численность ВХО достигала 1,7 млн человек³, а в ВООПиК участвовало почти 10 млн граждан⁴.

¹ Смирнова М.А. Краеведческое движение 1920-1930-х гг. на европейском Севере России в исторических источниках // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraevedcheskoe-dvizhenie-1920-1930-h-godov-na-evropeyskom-severe-rossii-v-istoricheskikh-istochnikah> (дата обращения: 11.09.2021).

² Филателия СССР. – 1991. – № 3. – С. 7.

³ История НП «Всероссийское хоровое общество» // URL: <http://npvho.ru/istoriya> (дата обращения: 11.09.2021).

⁴ Самохин А. Любовь к родному пепелищу. Интервью с Артемом Демидовым, председателем Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) // Газета «Культура». – 2019. – 17 мая. — URL : <https://portal-kultura.ru/articles/country/254602-lyubov-k-rodnomu-pepeshchu/> (дата обращения: 11.09.2021).

Общим местом в работе массовых организаций в позднесоветский период оставались жесткий контроль государства и партии, обязательные, обусловленные идеологией процедуры и практики, внешняя атрибутика и символы, формальное членство и система взносов, централизованная штатная бюрократическая структура, которая, как правило, распространялась на всю территорию страны. Многочисленные предписания и жесткие рамки, однако, не исключали вклада рядовых членов в деятельность добровольных обществ. Активное включение граждан в дела организаций позволяли массовым объединениям становиться гибридным пространством – местом пересечения интересов простого человека, государства и общества. Являясь членом того или иного общества в 1960–1980-х гг., советские люди обменивали свою лояльность на автономию сферы своих интересов.

В этом отношении Всесоюзное общество любителей книги заслуживает более подробного рассмотрения. Государство пошло на создание массовой организации в сфере чтения в первой половине 1970-х гг., в условиях грамотности большинства населения, высокой распространенности читательских практик, а также острого информационного дефицита и книжного голода. Потенциальная целевая аудитория нового проекта была чрезвычайно широка. Одним из последствий этого являлось то, что ВОК стало самым крупным добровольным обществом, учрежденным в период «длинных» семидесятых.

Случай применения формата массовой добровольной организации в сфере чтения, в рамках которой нарастало напряжение между управленческим аппаратом, издателями, распространителями и читателями, требует особого внимания. Рассмотрение официальных, неформальных и гибридных сторон работы Общества книголюбов актуализирует многие вопросы проблематики позднего советского периода. Как был адаптирован формат массовой организации под читательскую среду? Какой функционал предписывался ВОК его создателями? Какую структуру имела новая массовая организация? Какие правила действовали внутри нее? Каким

образом выстраивались отношения с государством и партией? За счёт чего обеспечивалась деятельность Общества? Какие направления существовали в работе книголюбов? Каким образом ВОК продвигало новые идеи в читательской среде? Что думали об обществе его члены? В рамках этой главы будут рассмотрены основные черты и принципы функционирования Всесоюзного общества любителей книги в период организации нового объединения и первых десяти лет его работы.

Выбор таких временных рамок обусловлен тем, что именно в это время сложились основные практики и ритуалы, которые позволяют охарактеризовать ВОК как феномен «длинных» семидесятых, часть поздней советской социальной системы. В первом параграфе рассмотрены официально обусловленные функции, обстоятельства и риторика учредительных мероприятий как во всесоюзном масштабе, так и на уровне регионов (в основном на примере Пермской области). Кроме того, даны характеристики социальному составу Общества. Второй параграф раскрывает экономическую модель, а также содержит анализ спектра направлений деятельности ВОК.

Созданию ВОК предшествовало несколько моментов. Во-первых, рост армии «новых» читателей, которые проявляли независимость в подборе литературы, падение значения публичной библиотеки, переход инициативы по формированию читательских вкусов к ближнему кругу читателей в ущерб влиянию рекомендательной библиографии. Одновременно по всей стране стали возникать неформальные читательские сообщества, советы и клубы друзей книги. Прежде закрытая группа библиофилов находилась во главе движения за создание новой массовой структуры. В этом отношении они опирались на ранний советский опыт библиофильских организаций, которые были упразднены в 1930-е гг., – Русского общества друзей книги (1920–1930) и Ленинградского общества библиофилов (1923–1940).

Инициативная группа учёных и библиофилов в составе химика, вице-президента АН СССР А.В. Топчиева, физика, академика АН СССР

Д.В. Скобельцина, поэта, прозаика и публициста Н. С. Тихонова, писателя и литературоведа И. Л. Андроникова, а также народного артиста РСФСР Н. П. Смирнова-Сокольского написала письмо в редакцию «Литературной газеты» в 1959 г.¹. В нём содержалось предложение о создании Всесоюзного общества друзей книги. Публикация письма вызвала отклики читателей, но до организации общества дело не дошло.

Одной из важных публичных реплик на пути к оформлению ВОК стала книга ленинградского библиофила П.Н. Беркова (1896–1969) «История советского библиофильства». Она вышла после смерти автора в 1971 г. В завершающем параграфе, который был посвящен библиофилам в 1950-х–1960-х гг. исследователь отдельно выделяет формирование «советского книголюбия» – появление советского человека–массового собирателя книги. В этом отношении П. Н. Берков сделал вывод, что «мы стоим на пороге создания Всесоюзного общества друзей книги или книголюбов»².

Продвижение библиофилами отличных от библиофильства, более демократичных практик собирательства книги, работы с ней, предположу, являлось компромиссом, способом обретения отдельной организации во всесоюзном масштабе. Появление общества библиофилов в масштабе страны в позднесоветское время было маловероятно, так как библиофильство рассматривалось как вещная элитарная практика³. Библиофилы к началу 1970-х гг. были объединены в секцию в составе Всесоюзного общества филателистов.

Обстоятельства оформления официальной инициативы к созданию ВОК не являлись предметом специального исследования на данный момент. Идея организации ВОК была озвучена рядом советских государственных ведомств, учреждений и общественных организаций: Госкомиздатом СССР, Министерством просвещения СССР, Министерством культуры СССР,

¹ Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – С. 21.

² Берков П.Н. История советского библиофильства. – М., 1983. – С. 254.

³ Актуальные проблемы теории и истории библиофильства (тезисы докладов научно-практической конференции). Л., 1982. – С. 7.

Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов, ВЛКСМ, Центрсоюзом СССР, Союзом писателей СССР. По этому случаю в газете «Советская культура» в выпуске за 7 декабря 1973 г. было опубликовано специальное сообщение. Согласно ему, новое общество создавалось ради «улучшения пропаганды литературы, активного ее использования в коммунистическом воспитании трудящихся, широкого привлечения общественности к распространению литературы, а также объединению и координированию действий книголюбов»¹. Там же сообщалось, что газета «Книжное обозрение» становилась совместным официальным органом Госкомиздата СССР и будущего общества книголюбов.

На деле начало ВОК уже было положено на несколько дней раньше публикации объявления в главном литературном печатном органе. Общество книголюбов было создано согласно Постановлению ЦК КПСС от 28 ноября 1973 г. «Об организации Всесоюзного добровольного общества любителей книги» (прил. 4). Судя по архивным данным, текст документа был подготовлен по инициативе Госкомиздата СССР совместно двумя подразделениями ЦК – отделом культуры и отделом пропаганды и агитации. Эти же подразделения составили сопроводительную записку, которая частично перекликалась по содержанию с итоговым документом. Уже там были заданы основные параметры работы организации: территориально-производственный принцип, финансовая модель, которая подразумевала самоокупаемость деятельности, закрепление за новым Обществом места в списке учредителей газеты «Книжное обозрение»². В качестве аргумента для создания нового добровольного общества авторы Постановления также приводили массовость чтения и увлечения книгой в СССР, распространенность объединений книголюбов и одновременное отсутствие

¹ Советская культура. – 1973. – № 98 (4690). – С. 1.

² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 853. Л. 18.

какой-либо координации их деятельности, а также падение авторитета публичных библиотек на фоне роста личных книжных коллекций¹.

Выбирая категории «любители книги», «книголюбы» для обозначения участников нового массового общества, организаторы дистанцировались от замкнутого сообщества библиофилов. Объединение любителей книги изначально строило свою работу на основе широкой социальной базы, и к книголюбам можно было причислить «...рабочего и академика, колхозника и инженера, народного артиста и школьника»². От всех остальных читателей, согласно официальным текстам Общества, книголюбов отличало более рациональное потребление книги³.

Сообщение о создании новой организации вызвало поток положительных отзывов в прессе. В лидеры мнений вырывались представители учредителей. По словам председателя оргкомитета, главы Госкомиздата Б. И. Стукалина, новое объединение должно было «содействовать дальнейшему развитию книгоиздательского дела в стране, совершенствовать пропаганду книги, культуру чтения...»⁴. «Рядовые» читатели вторили высказываниям чиновников на их же языке:

«...Перед обществом откроются широкие перспективы. Объединив поклонников печатного слова, оно, надо думать, будет иметь различные секции – ведь любовь к книге у нас очень многогранна <...> Собирателям нужна квалифицированная помощь, и они ее, конечно, получают от создаваемого общества».

«Создания <...> общества любителей книги мы все ожидали. <...> Так вот, книголюбы, глубоко разбирающиеся в литературе есть в каждом городе, они должны <...> составить основу добровольного общества любителей

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 853. Л. 18.

² Книжное обозрение. – 1973. – № 18. – С. 14.

³ См. след. параграф.

⁴ Книжное обозрение. – 1973. – № 50. – С. 1.

книги на местах. Книголюб – действительно звание высокое. И это звание надо закрепить»¹.

В конце декабря 1973 г. был создан комитет по организации Всесоюзного общества. В него вошли статусные представители советского общества: писатель К.И. Симонов, летчик-космонавт Г.Т. Береговой, председатель научно-редакционного совета Большой советской энциклопедии А.М. Прохоров, слесарь московского завода им. Владимира Ильича С.А. Антонов и другие². Вслед за всесоюзным, учредительные комитеты стали создаваться на местах: в советских республиках, областях и краях. Как правило, на местах в него входили чиновники от местных книготоргов, издательств, представители интеллигенции и идеологического сектора партийных организаций. Свой организационный комитет был создан и в Пермской области.

Процесс оформления общества книголюбов в центре и в провинции в официальной печати был подан как массовый отклик на инициативу учредителей. Логика движения ко всесоюзному съезду подразумевала, что предварительно конференции книголюбов должны были пройти на местах, а затем – по восходящей линии, вплоть до республиканского уровня. Такой подход отвечал демократическому централизму – советскому принципу выборности всех органов и подотчетности вышестоящим нижестоящим.

Главным предметом для народного обсуждения стал проект Устава Общества книголюбов. Его текст был опубликован в газете «Книжное обозрение» 5 апреля 1974 г. Он вызвал поток писем со стороны читателей в адрес редакции, а также обсуждался участниками учредительных мероприятий на всех уровнях. Любителей книги интересовали задачи Общества, вопросы членства и материальной базы.

В допущенных к публикации репликах книголюбов, предложениях для внесения в Устав, распознавались не только предписанные, но и желаемые

¹ Книжное обозрение. – 1974. – № 23. – С. 15.

² Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – С. 21.

потенциальными рядовыми членами функции Общества. Помимо указаний на необходимость участия будущей организации в перераспределении книжных богатств через вовлечение в общественный оборот домашних библиотек, в улучшении культуры чтения и повышении уровня «читательских вкусов», сокращении расстояния между читателями, книготоргами и издателями, люди писали о возможности получить книгу с помощью новой мегаструктуры.

Находились и противники участия ВОК в распределении книг. Так, С. Кривоногов из Магадана сетовал: «...Я не могу согласиться с предложением, чтобы члены общества пользовались какими-то привилегиями в приобретении книг [...] тиражи «ходких» книг все равно будут меньше числа членов общества»¹. Таких реплик было немного, большая часть авторов писем в газету высказывалась за наделение членов Общества дополнительными правами на доступ к книгам. Нередкими в печати были такие высказывания: «Надо помогать книголюбу, чтобы он мог приобрести хорошую книгу», «Можно надеяться, что в новом обществе будут миллионы членов. Конечно, всем им невозможно дать какие-то привилегии в приобретении дефицитных книг. Но поощрять работу наиболее активных ценными новинками – по-моему, очень правильно»².

В конечном итоге проект Устава был одобрен на съездах всех уровней. К Учредительному съезду в текст было внесено несколько правок:

- о снижении размера индивидуального ежегодного членского взноса с 1 руб. 20 коп. до 1 руб.;
- об обязанности Центрального правления оказывать помощь местным организациям;

¹ Книжное обозрение. – 1974. – № 21. – С. 14.

² Книжное обозрение. – 1974. – № 30. – С. 15.

– о содействии ВОК в выявлении у населения литературы, представляющей большой интерес для библиотек и музеев страны¹.

Гарантии для книголюбов на получение книг через Общество зафиксированы нигде не были.

Помощь государственных и партийных органов приводила к стремительному росту нового Общества: первичные ячейки организовывались по предписанию сверху на базе массовых библиотек, учебных учреждений, клубов и домов культуры, на предприятиях и при книжных магазинах. Так в одном из методических пособий середины 1980-х гг. открыто признавалось, что «Первичная организация Общества любителей книги Киевского производственного объединения имени С.П. Королева создана по рекомендации Жовтнего райкома Компартии Украины в 1974 году»².

В то же время Общество книголюбов создавалось не на пустом месте. Новая структура вбирала в себя все общественные инициативы, читательские сообщества, а также группы собирателей, которые появились к середине 1970-х гг. в сфере чтения: клубы читателей, движение книгонош, народные книжные магазины, группы библиофилов, сообщества любителей фантастики, экслибриса, миниатюрной книги и т.д.

С апреля 1974 г. первичные организации появлялись во многих крупных и средних городах, в республиках, краях и областях СССР. С мая 1974 г. газета «Книжное обозрение» стала совместным органом Госкомиздата и ещё формально не существовавшего Общества любителей книги³. Также весной 1974 г. стали проводиться региональные выборные конференции. Так, в

¹ Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 40-41.

² Книга работает на пятилетку. Информационное письмо о работе первичной организации Общества книголюбов. – Киев, 1985. – С. 3.

³ Практика включения Общества книголюбов в издательские проекты Госкомиздата найдёт своё место и в советских республиках. Так, в УССР республиканская ДОК будет выпускать вместе с местным Госкомиздатом газету «Друг читача», а в Таджикистане по такому же принципу выходил информационный листок «Книгу в массы».

Украинской ССР первая такая конференция состоялась уже 17 апреля в Полтавской области¹, в РСФСР – 17 мая в Карельской АССР. Все они были шаблонными и проходили по одной процедуре: перед делегатами выступали представители партии, государственных органов, книготоргов и органов управления печатью, а также представители искусства и культуры. Затем участники конференций и съездов избирали руководящие и контролирующие органы.

По этой же схеме 16 августа 1974 г. прошла учредительная конференция Пермского областного общества любителей книги. В ходе мероприятия делегаты выбрали состав правления, президиума и ревизионной комиссии, определили участников Всероссийского съезда. Главой областных книголюбов была выбрана представитель Пермского государственного университета имени А. М. Горького, кандидат филологических наук, доцент Ф.Л. Скитова².

Такой выбор был отражением своеобразной нормы: руководителями региональных организаций книголюбов, как правило, становились представители научной интеллигенции и преподавательской корпорации. Так, председателем Донецкой областной организации книголюбов был избран директор института прикладной механики Академии наук УССР, кандидат физико-математических наук А.М. Богомолов³, Горьковскую областную организацию возглавил заведующий кафедрой советской литературы Горьковского государственного университета, профессор, доктор филологических наук И.К. Кузьмичев, в Свердловске – заведующий кафедрой истории философии Уральского госуниверситета доктор философских наук К.Н. Любутин, в Орджоникидзе – доцент Северо-Осетинского госуниверситета Д.А. Гиреев и т.д.

¹ Книжное обозрение. – 1974. – № 16. – С. 9.

² Вечерняя Пермь. – 1974. – № 192. – С. 1.

³ Книжное обозрение. – 1974. – № 21. – С. 2.

Кандидатуры председателей правления проходили согласование в государственных и партийных органах. Избрание по линии Общества в этом отношении становилось лишь формальной процедурой. К примеру, председатель одной из региональных организаций так описывала процесс получения ответственной должности:

«Я закончила высшие курсы при институте имени Н. К. Крупской «Работа с общественными организациями» <...>. В то время я уже работала преподавателем в культурно-просветительном училище <...>. Тут и депутатская работа <...>. В это время меня избрали в общество книголюбов. <...> Было общество в Москве. У нас его только создавали. <...> Пригласили меня в обком партии, говорят: «Приходите. Вот здесь надо сделать работу – создать общество книголюбов. У нас такого общества нет, а в других областях уже работают. Мы получили выговор. Так вот, мы поручаем...». Я отвечаю, что нет, я здесь буду работать, меня всё устраивает. Преподавательская работа у меня получалась. У меня были дипломы, благодарности <...>. «Нет, давайте помогите создать, потом обратно вернётесь на преподавательскую работу». Пришлось прийти. Никого нет. Только дали место – стол в издательстве. <...> Сразу наладила связь с обкомом партии, горкомом партии, с теми, кто относится к этим вопросам, они мне помогали собрать коллектив»¹.

Чуть позже региональных съездов с конца весны 1974 г. стали собираться республиканские съезды. Первый из них состоялся 21 мая в Литве². Завершил череду съездов добровольных организаций книголюбов советских республик съезд любителей книги РСФСР, который состоялся 2 октября 1974 г., на день раньше Всесоюзного учредительного мероприятия. В его ходе на должность председателя добровольной организации книголюбов (далее - ДОК) РСФСР был избран писатель Ю.В. Бондарев. Во

¹ Интервью с А.К. // Личный архив автора [инф. 20]. Информант родилась в 1927 г. в г. Уфе. Интервью записано в г. Перми. Запись 19.02.2020. Продолжительность 101 минута.

² Книжное обозрение. – 1974. – № 23. – С. 14.

главе обществ союзных республик вставляли либо чиновники высокого ранга, либо видные представители науки и искусства: заслуженные учёные, национальные поэты и писатели. Не исключалось и совмещение статусов (прил. 5).

На Всесоюзный учредительный съезд, который открылся 3 октября 1974 г., было избрано 570 делегатов. Из них к началу форума явились 532 человека¹. Делегаты представляли все допустимые к показу «оттенки» советского общества. В Колонном зале Дома Союзов собрались представители 39 национальностей, 461 человек являлись членами или кандидатами в члены КПСС, 490 делегатов имели высшее образование. Среди них было 19 академиков и членов-корреспондентов АН СССР и республик, 38 докторов наук и профессоров, 40 депутатов Верховных Советов СССР и союзных республик, 455 обладателей Правительственных наград, 23 героя социалистического труда². Такое представительство сохранялось и на других съездах в пределах «длинных семидесятых». Менялись существенно только два параметра и оба в сторону увеличения: количество делегатов, а также средний возраст участников (табл. 18).

Таблица 18. Гендерное распределение, партийность и возрастная структура делегатов съездов ВОК 1974-1984 гг.³

Съезд	Год	Кол-во делегатов	Мужчин (в %соотн.)	Женщин (в %соотн.)	Члены КПСС/канд. (в % соотн.)	До 30 лет (в % соотн.)	До 50 лет (в %соотн.)	До 60 лет (в %соотн.)	От 60 (в %соотн.)	Рабочих и колхозников	Высшее образование (в %соотн.)
I	1974	570	424 (80%)	146 (27%)	461 (87%)	47 (8%)	283 (53%)	194 (36%)	8 (2%)	н/д	490 (92%)
II	1979	667	500 (75%)	167 (25%)	657 (98%)	19 (3%)	358 (54%)	224 (34%)	101 (15%)	39 (6%)	623 (93%)
III	1984	768	538 (70%)	230 (30%)	657 (86%)	21 (3%)	377 (49%)	310 (40%)	96 (13%)	50 (7)	701 (91%)

¹ Книжное обозрение. – 1974. – № 41. – С. 4.

² Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – С. 23.

³ Сост. автором на основе стат. данных по: Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975; Материалы II съезда Всесоюзного общества любителей книги. – М., 1980; Материалы III съезда Всесоюзного общества любителей книги. – М., 1985.

Состав делегатов маркировал доминирование людей с высшим образованием, а также партийной номенклатуры в среде ВОК. По выражению И. Н. Адонина, председателя колхоза «Россия» Кировоградской области, героя социалистического труда, членами Общества становились «характерные фигуры нынешних книголюбов <...> всей страны, – это передовые труженики <...>, люди образованные, культурные, по-настоящему сознающие высокую миссию носителей идей коммунизма»¹. Однако такой представительный набор не отражал разнообразия состава движения книголюбов. Здесь не были заявлены учащиеся школ, студенты ссузов и вузов, которые будут составлять более половины членов организации. Так, к середине 1980-х гг. только 36,6% членов общества составляли рабочие, колхозники и служащие, 9,9% — студенты вузов, а 53,5% — школьниками, учащимися профтехучилищ и школ².

В ходе учредительного съезда большинство выступающих вторили официальной риторике и часто ссылались в своих высказываниях на патетическую формулу, прославляющую советскую культуру, исключительность читательских практик. При этом чтение встраивалось в актуальный идеологический контекст соперничества с Западом в условиях Холодной войны:

«Всему миру известно, что советский народ самый читающий из всех народов, живущих на планете»³.

«Рост чтения в капиталистических странах сдерживается большим процентом неграмотных, дороговизной книги. А надо ли говорить о размахе чтения у нас? Общеизвестно, что нигде в мире нет такого массового увлечения книгой, как в нашей стране»⁴.

¹ Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 85.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 734. Л. 152.

³ Книжное обозрение. – 1974. – № 41. – С. 2.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

«Читают у нас много. Мы сами не замечаем этого, а иностранные гости говорят, что ни в одном метро (французском, английском) не видели столько читающих людей, как в метро московском»¹ и т.д.

Выступающие подчеркивали эгалитарный статус членов нового Общества, максимально расширяя целевую аудиторию проекта: «Книголюбительское движение по своему характеру стало у нас явлением общественным. В нем участвуют ныне повсеместно люди разных профессиональных, возрастных групп и национальностей. Советское книголюбительство не является привилегией какого-либо класса или прослойки, а носит массовый характер»².

В то же время делегаты говорили о несовершенстве читательской культуры, обосновывая целесообразность создания ВОК, а также место и функционал новой организации в читательской среде. Звучали критические заявления о разрозненности усилий по пропаганде книги, о миллиардах изданий, не попадающих в «сокровищницу культуры»³, поскольку они оказываются невостребованными в публичных и особенно домашних библиотеках, о нерациональном поведении читателей. Доставалось авторам и издателям, к примеру, был сделан вывод о том, что «К сожалению, многие учебники написаны сухим, неинтересным для читателя языком»⁴.

С другой стороны, делегаты критиковали простых читателей за случайность в подборе литературы, что книги в их библиотеках должны заполнять «не столько полки, сколько жизнь»⁵. Часть делегатов настаивали на дидактической позиции новой организации в сфере чтения. По мнению Н.М. Сикорского, директора Государственной библиотеки имени В.И. Ленина, Общество книголюбов в этом отношении могло решить

¹ Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 58.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

³ Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 49.

⁴ Указ. соч. – С. 57.

⁵ Там же. – С. 95.

«проблему приобщения всех без исключения советских людей к лучшему, что создано мировой цивилизацией, к новым идеям, мыслям, художественным образам»¹.

На Обществе делегаты также возлагали функцию нивелирования разницы между городской и сельской читательскими культурами, поскольку опыт колхозников признавался отстающим от читательского опыта горожан. Лейтмотивом подобных реплик являлась идея «возвращения долга» от города деревне. Так, главный докладчик съезда – Б.И. Стукалин – сетовал: «Надо признать, товарищи, что издатели и распространители литературы пока в большом долгу перед сельским читателем. На каждого из них приходится гораздо меньше проданных книг, чем на городского жителя. И требуются конкретные меры, которые привели бы к увеличению поставок литературы для села, совершенствования всех форм пропаганды и распространения»².

Некоторые делегаты напрямую говорили об Обществе, как об ещё одном институте руководства чтением. И.Л. Андроников подчеркивал: «Следует помнить, что чтением надо руководить. Тот, кто читает первое попавшееся на глаза, – не книголюб. Книголюбие – это интерес к книге постоянный, глубокий, пылкий, направленный, ведущий от одной книги к другой. Поэтому одна из важных задач нового Общества – изучать интересы читателей, снабжать их списками рекомендательной литературы, публиковать направляющие статьи»³.

Высокая ответственность книголюбов утверждалась делегатами с помощью авторитетов, на которых стоило ориентироваться. В этом отношении академик Е.М. Жуков призывал внимательно относиться к опыту

¹ Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 49.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

³ Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 68.

К. Маркса, любимым занятием которого было «рыться в книгах»¹. Иные видели смысл образования общества книголюбов в реализации конституционных гарантий граждан. Ссылались они на 126 статью Конституции 1936 г., которая кроме закрепления ведущей роли партии декларировала право граждан на объединения в общественные организации.

В выступлениях делегаты учредительного съезда встраивали организацию книголюбов в актуальный культурный и политический контекст, обозначали границы деятельности Общества. Реплики участников съезда позволяют утверждать, что ВОК отводилась важная роль в рамках сферы чтения и советской культуры в целом. Оно должно было бороться с несовершенствами не только книгоиздания и торговли, но и стать ещё одним «руководителем» читательских вкусов, структурой, которая должна была закрепить статус «самого читающего народа» не только внутри страны, но и за её пределами.

В завершение съезда его участники утвердили Устав и приняли резолюцию: «Создать Всесоюзное добровольное общество любителей книги – массовую общественную организацию, которая объединяет и координирует деятельность книголюбов страны и строит свою работу на принципах демократического централизма, инициативы и самостоятельности, в тесном контакте с государственными органами, культурно-просветительскими учреждениями и общественными организациями и имеет целью содействовать пропаганде и распространению книги в широких массах, ее более действенному использованию в коммунистическом воспитании трудящихся»².

Устав определял цели, задачи и принципы деятельности нового общества, раскрывал структуру организации, закреплял права и обязанности членов, руководства любителей книги. Там же говорилось о средствах

¹ Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 56.

² Указ. соч. – С. 105.

Общества и об условии самоокупаемости деятельности ВОК. Устав закреплял за газетой «Книжное обозрение» статус совместного печатного органа Общества любителей книги и Госкомиздата¹.

Участники учредительного съезда также избрали руководящие органы ВОК: Центральное правление и Центральную ревизионную комиссию. В Правление вошло 115 человек, среди которых были государственные чиновники, члены партийного аппарата, руководители печатной отрасли, писатели, учёные, представители рабочей интеллигенции. Из их состава отдельно был выбран Президиум, который состоял из 34 человек. Председателем Правления стал уже ранее упомянутый академик Е.М. Жуков – советский историк высокого ранга, специалист по истории Японии, методологии исторической науки, главный редактор Советской исторической энциклопедии с 1958 по 1980 г., председатель национального комитета историков СССР в 1972–1980 гг. Должность главы организации книголюбов была также статусной и входила в основную номенклатуру (секретариата) ЦК КПСС, а должности его заместителей – в учетно-контрольную номенклатуру². Е.М. Жуков руководил Центральным правлением и Президиумом правления Общества с момента основания Общества до момента своей смерти в 1980 г.³ Центральную ревизионную комиссию, – главный орган внутреннего контроля – возглавил директор Государственной публичной научно-технической библиотеки Н.И. Тышкевич⁴.

Учредительный съезд должен был завершить формирование нового общества. На деле этот процесс был далёк от финиша. Ещё во время учредительного съезда Б.И. Стукалин указывал на неопределенность в

¹ С 1978 года статус издания ВОК также получит периодический вестник «Альманах библиофила».

² ГАРФ. Ф. Р-9604. Оп. 2. Д. 2022. Л. 75.

³ Затем его сменил другой статусный советский учёный, академик АН СССР, физико-химик, главный редактор научно-популярного журнала «Химия и жизнь», популяризатор науки, один из основателей телеигры «Что? Где? Когда?», а также Всероссийского общества охраны памятников – И.В. Петрянов-Соколов. Он возглавлял Общество книголюбов с 1980 по 1992 г.

⁴ Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – С. 27.

ситуации с ВОК: «... сейчас трудно предусмотреть все организационные формы его деятельности, определить их конкретное содержание»¹. К этому моменту не были ни напечатаны, ни утверждены, ни придуманы формальные символические атрибуты Общества: членские билеты и значки. Кроме Устава у Общества в этот момент не было никаких других документов и материальных активов.

С октября по декабрь 1974 г. Президиум правления работал над созданием дополнительных уточняющих документов, положений, бланков. К примеру, инструкция «О порядке учета членов, сбора вступительных и членских взносов и выдачи членских билетов в организациях Общества», была принята только 24 октября 1974 г.² Открытым оставался вопрос о штатах и бюджете Общества. Ответственный секретарь ВОК А.Н. Чирва успокаивал аудиторию «Книжного обозрения» в ноябре 1974 г.: «Документация находится в производстве (образцы уже разосланы во все республиканские и областные отделения общества), штатные работники там, где они должны быть, будут. Но в корне неверно руководствоваться формальными соображениями и рассчитывать лишь на платный аппарат, потому что создание и существование любой общественной организации, в том числе и организации книголюбов, немислимо без активнейшего участия энтузиастов»³. В декабре 1974 г. Общество разработало образцы значка, марок, эмблемы Общества, а также бланки билетов индивидуальных и коллективных членов организации⁴.

Помимо документации на самых первых порах у организации отсутствовали и собственные средства. Устроительные мероприятия проводились в долг, на деньги, которые Центральное правление запросило у

¹ Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 29.

² Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 150.

³ Книжное обозрение. – 1974. – № 48. – С. 15.

⁴ Альманах библиофила. Выпуск пятый. – М., 1978. – С. 291.

Госкомиздата. Из заявленных 4 млн руб. госструктура выделила только 1,1 млн руб.¹. Необходимость возврата средств государству стимулировала бюрократию к рекрутированию штатных специалистов, наращиванию членской базы. Медленный темп развертывания Общества в некоторых из советских республик становился поводом для тревоги центрального руководства. Были случаи, когда оформление структуры книголюбов существенно задерживалось. К примеру, в Грузии и Армении в течение 1975 г. не было создано ни одной первичной организации². Первый заместитель председателя Центрального правления ВОК А.Н. Костаков в рамках заседания Президиума ВОК 2 апреля 1975 г. говорил по этому поводу:

«Считаю необходимым обратить внимание на то, что работа в ряде организаций просто не начиналась. Мы должны проводить лекционную пропаганду. <...> У нас сотни тысяч различных клубов книголюбов, они никем не объединены. Мы обязаны их объединить. Недопустимо и такое положение, когда в республиках не могут сказать, сколько членов Общества. Мы на полной самокупаемости и ни о какой государственной дотации речи быть не может»³.

Пока в Президиуме шла работа над документами, на местах продолжались организационные мероприятия. В разных союзных республиках и регионах положение отличалось. Часто складывалась ситуация, когда при подготовке к учредительному съезду в регионе проводилась своя выборная конференция, стихийно создавались базовые первичные ячейки. Тем временем нижестоящие отделения Общества – городские и районные, ещё не были основаны. К проблемам организации на начальном этапе также прибавлялась и неопытность низовой бюрократии, которая накладывалась на отсутствие четких инструкций, форм и бланков

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 109. Д. 1108.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.

³ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 7. Л. 37.

для работы. Представитель ДОК Казахской ССР Т.Х. Бурамбаев заявлял в ходе заседания Президиума ЦП ВОК 2 апреля 1975 г.: «Мы знаем наши недоработки в завершении организационного оформления Общества, принимаем все меры к тому, чтобы вся деятельность общества любителей книги отвечала всем возложенным на него задачам. Наши просьбы заключаются в следующем: Нам нужны членские билеты и значки членов общества, различные формы учета и отчетности. При Правлениях республиканских Обществ созданы отделы, но до сих пор не определены их задачи»¹.

Внутри Российской Федерации большинство региональных организаций, по замечанию Г.Ф. Гарина завершили формирование в конце 1974 – начале 1975 г. Исследовательница истории Удмуртского общества книголюбов С.Ф. Бородулина выделяет в прошлом этого регионального объединения период с декабря 1974 по январь 1975 г., когда «в сжатые сроки во всех городах и районах республики были созданы организационные бюро, утвержденные распоряжениями исполкомов районных и городских советов депутатов трудящихся»².

В отчетном докладе по итогам 1975 г. руководство добровольной организации книголюбов РСФСР в отношении выполнения плановых показателей учредительного периода делило регионы на передовые и отстающие. К первым относили, в частности, деятельность общества книголюбов Краснодарского края, где местное руководство поставило перед собой обязательство принять в ряды ВОК 300 тыс. человек. В итоге вскоре там официально числилось 354 000 читателей, или 7,9 % жителей региона³.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

² Бородулина С.Ф. Организационный период становления Удмуртского республиканского отделения добровольного общества любителей книги РСФСР // URL: <http://www.science-education.ru/118-14304> (дата обращения: 11.09.2021).

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 412. Л. 2.

На этом фоне деятельность Пермского регионального общества признавалась запаздывающей¹.

Период завершения формирования структуры Пермской областной организации книголюбов пришелся на весну–лето 1975 г. В это время состоялись учредительные конференции в большинстве городов и районов области. Сеть местных добровольных организаций любителей книги формировалась отнюдь не на добровольных началах, а по предписанию органов власти. В случае столицы региона днём рождения местной структуры считается 18 февраля 1975 г., когда Пермский горисполком постановил создать городское общество. Для подготовки учредительной конференции было создано оргбюро в составе представителей горкома КПСС, горисполкома, горкома ВЛКСМ, облсовпрофа, городского отдела народного образования, отделения Союзпечати, городской библиотеки имени А.С. Пушкина, областного книготорга, областной организации писателей. Оргбюро возглавил председатель пермского горисполкома Б.Е. Волков^{2,3}. В марте и апреле 1975 г. первичные ячейки ВОК стали интенсивнее создаваться на базе библиотек, учебных заведений, предприятий и учреждений области и Перми. Решение об их создании также не всегда было добровольным. Одна из респонденток вспоминала:

«Респондент: У нас были приличные организации по предприятиям, особенно по крупным. Организации создавались на общественных началах.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 412. Л. 5.

² Вечерняя Пермь. – 1974. – № 42. – С. 1.

³ Чиновники ВОК охотно ссылались на опыт продуктивного сотрудничества с партийными и комсомольскими органами. К примеру, первый заместитель председателя Общества книголюбов Украинской ССР В.П. Сологуб приводил в пример следующий случай в начале лета 1975 года: «В Донецкой области долго не налаживалась работа. Командировали туда зав. орготделом т. Купченко. Тот встретился в Донецком обкоме партии с секретарем. Был создан актив партийных и общественных работников. <...> При помощи и поддержке партийных организаций в кратчайший срок было создано 620 первичных ячеек Общества, принято много коллективных членов. С тех пор мы все вопросы создания первичных организаций решаем только при помощи и содействии партийных и советских организаций. На работу в Общество выдвинуто много в прошлом партийных, комсомольских работников / ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 7. Л. 45-46.

Интервьюер: Я правильно понимаю, что это была инициатива снизу?

Респондент: Нет, наоборот, это была инициатива сверху. Потому что, когда было создано это Общество книголюбов, знаете, по типу общества "Знание", так как мы видели, что здесь была отработана такая же система»¹.

Помимо индивидуального участия в Обществе, существовало коллективное членство – в него принимали трудовыми коллективами, заводами и ведомствами. Так членами организации в Перми в течение 1975 г. стали более трёх десятков производственных объединений и учреждений: печатная фабрика Гознака, областной книготорг, Пермский телефонный завод, Научно-исследовательский институт управляемых машин и систем и др. В области к ним присоединились региональные промышленные гиганты: Березниковский титано-магниевого комбинат, Чайковский комбинат шёлковых тканей, Кунгурский машиностроительный завод и т.д.

Накануне городской конференции прошли учредительные собрания районных организаций книголюбов. Делегаты действовали в той же логике, что и участники съездов регионов, республик и всесоюзного съезда: избирали руководящие и контролирующие органы, главу структуры. Как правило, руководителями отделений ВОК избирались представители интеллигенции: в Дзержинском районе Перми председателем стал профессор госуниверситета И.Г. Шапошников, в Индустриальном – учитель школы №3 И.А. Фукаева, в Кировском – завуч школы № 19 А.Н. Гуреев, в Свердловском – инженер Л.В. Трофимова и т.д.² Городская учредительная конференция прошла 14 марта 1975 г. в Перми. Её участники выбрали правление в составе 27 человек. Председателем ВОК в Перми стала доцент педагогического института П.В. Малышева.

К лету 1975 г. каркас Всесоюзного общества книголюбов был сформирован. Организация имела вертикально-горизонтальную структуру,

¹ Интервью с Л.К. // Личный архив автора [инф. 3]. Информант родилась в 1947 г. в г. Чусовом (Пермская область). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 29.08.2014. Продолжительность 42 минуты.

² Вечерняя Пермь. – 1974. – № 221. – С. 4.

что роднило ее с другими массовыми объединениями, а также с партией и комсомолом. На всех этажах ВОК, во всех местах присутствия Общества, действовали единые принципы управления. Все члены ВОК состояли в первичных ячейках, которые являлись базовым звеном организации. Они создавались при наличии не менее 10 членов. Как правило, «первички» имели привязку к месту работы или учёбы книголюбца, к читательской и культурной инфраструктуре – библиотеке, книжному магазину, клубу, дому культуры.

В функционал первичных ячеек входили приём и исключение членов ВОК, организация их работы, учёт книголюбца, а также сбор взносов. В некоторых случаях совместно с вышестоящей бюрократией Общества они ведали народными книжными магазинами, клубами книголюбца. Первичные организации в составе от 25 человек имели право на собственные органы управления в виде бюро. Из актива ячейки избирались председатель и казначей, которые не получали от Общества заработную плату. В случае если в первичной организации состояло много людей с разными интересами, внутри образовывались тематические секции.

Первичные ячейки подчинялись районным и городским организациям книголюбца. В ходе конференций, которые по Уставу рекомендовано было проводить раз в два-три года, делегаты с первичного уровня избирали членов правления и ревизионные комиссии. Правления формировали Президиумы, в обязанности которых входили сбор информации, статистики, подготовка докладов, а также контроль сбора взносов. Периодически правления собирались на пленумы. Начиная с этого уровня руководства ВОК, книголюбский актив уступал место профессиональной номенклатуре: здесь на работу в Обществе книголюбца выделялись штатные ставки работников. При городских правлениях также создавались секции по тематикам.

На региональном и республиканском уровнях повторялась та же схема, только вместо конференций созывались уже съезды. В ведении организаций этого уровня находились производственные объединения Общества, при них

были организованы экспертные советы по разным жанрам литературы, пропаганде книги, научно-методический совет, лекционные бюро и т.д.

Главным органом всесоюзного ранга, который принимал решения внутри Общества, являлся съезд. Согласно Уставу, он должен был собираться не реже, чем один раз в пять лет. Его делегаты обсуждали самые важные вопросы деятельности организации, принимали изменения в Устав и т.п. Руководство между съездами осуществляло Центральное правление. Оно, помимо того, что должно было собираться на ежегодные пленумы, выбирало постоянно действующий исполнительный орган – Президиум. Обязательной параллельной структурой являлась Ревизионная комиссия, которая контролировала расходование средств Обществом.

Все управленческие процессы ВОК проходили под контролем государства и партии: как напрямую, через систему согласования и отчетности, так и через участие представителей КПСС и чиновников в руководящих органах на каждом уровне. В таких условиях находились первичные организации: к примеру, состав и решения бюро «первички» Киевского производственного объединения имени С.П. Королева утверждались партийным комитетом завода. В текущем режиме работу бюро курировал член парткома, отвечающий за деятельность общественных организаций предприятия¹. Опираясь на помощь партии, профсоюзов и комсомола на предприятиях при организации дел книголюбам рекомендовали представители Центрального правления, которые в 1978 г. выпустили такую рекомендацию по образованию первичной ячейки на производстве:

«Как практически осуществляется прием в индивидуальные члены Общества? Для наглядности возьмем завод, где наверняка есть хотя бы несколько книголюбов. Они, естественно, с созданием Общества хотят объединиться в организацию. Кто-то должен стать инициатором. Лучше,

¹ Книга работает на пятилетку. Информационное письмо о работе первичной организации Общества книголюбов. – Киев, 1985 – С. 3.

если эту роль возьмет на себя группа уважаемых книголюбов завода, знающих литературу. Эта инициативная группа должна провести во всех заводских подразделениях беседы, с тем чтобы выявить всех желающих вступить в Общество. Затем надо провести собрание, на котором разъяснить цели и задачи ВОКа. Вся эта работа осуществляется под руководством партийной организации с помощью заводских общественных организаций – комсомола, профсоюзов»¹.

На региональном уровне прямая опека партии и государства сохранялась. Так, руководство Добровольной организации книголюбов Перми в одном из докладов в 1979 г. сообщало, что Общество «работало под непосредственным руководством отдела пропаганды и агитации Горкома КПСС и областного правления общества любителей книги и тесном контакте с организациями учредителей»². Одна из интервьюируемых входила в штат правления Пермского областного общества книголюбов. Она указывала, что региональная организация напрямую «<...> подчинялась Обкому партии. Наша ответственный секретарь <...> – чистый партийный функционер. Она говорила: «Это нам укажут»³.

По тем же принципам действовало и Центральное правление ВОК, которое отправляло справки о работе Общества в ЦК КПСС, различные министерства. К примеру, накануне съездов руководители Общества обращались в Центральный комитет партии за согласием на проведение организационных мероприятий, выборов в органы структуры книголюбов, прилагали готовый проект постановления.

Вслед за оформлением структуры с середины 1975 г. также началась наладка основных видов деятельности: лекционная пропаганда книги,

¹ Книжная торговля. Обзорная информация. Вып. 3 (25). Всесоюзное общество книголюбов. – М., 1978. – С. 39.

² ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 92. Д. 73. Л. 13.

³ Интервью с Л.К. // Личный архив автора [инф. 3]. Информант родилась в 1947 г. в г. Чусовом (Пермская область). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 29.08.2014. Продолжительность 42 минуты.

клубной работы, поиск и вовлечение в общественный оборот домашних библиотек любителей книги, а также издательская и производственная деятельность. Однако даже к этому моменту многие организационные вопросы не были решены. Руководство Общества в Центре и в союзных республиках, в регионах помимо отчетности вело бюрократический торг с партийными и государственными органами за материальное обеспечение организации. Остро стоял вопрос о помещениях, утверждении лимита ставок, а также валютных фондов для командировок. К примеру, председатель Президиума правления ВОК, Е.М. Жуков в середине 1975 г. обращался к первому секретарю Коммунистической партии Белоруссии П.М. Машерову с просьбой о предоставлении помещений для работы Белорусской ДОК: «Работе республиканского Общества в значительной мере мешает неустроенность. Республиканское правление, Минское городское и областное отделения, аппарат которых насчитывает 30 человек, до сего времени не имеет помещений для работы. Все принятые руководством республиканского Общества усилия в этом направлении не дали результата. Просили бы Вас, Петр Миронович, оказать содействие в решении этого вопроса»¹. Само Центральное правление добилось выделения помещений в старинном особняке в центре Москвы по адресу ул. Пушечная, д. 7/5. Общество платило государственным органам арендную плату за предоставленное пространство.

Отчетные документы позволяют сделать вывод, что ко II съезду ВОК многие бытовые трудности так и не были решены. В 1978 г. Е.М. Жуков писал в ЦК КПСС: «Во многих случаях правления Обществ и их отделения размещены в непригодных помещениях или вовсе не имеют их, не обеспечены средствами связи, оборудованием, спецтранспортом,

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

множительной техникой»¹. В особенно плохом положении находились добровольные организации Грузии и Армении.

Положение также усугублялось в начальный период в связи с кадровой проблемой: должностных лиц постоянно не хватало, несмотря на постепенное увеличение штатов. С 4 по 6 июня 1975 г. в Москве состоялся Всесоюзный семинар-совещание по вопросам работы ВОК. Его материалы позволяют сделать вывод об острой нехватке работников ВОК на первых порах из-за ограничений союзного Министерства финансов, которое не согласовывало большее количество ставок. Заместитель председателя Президиума И.А. Котомкин отвечал на вопросы о лимитах по кадрам так: «Штаты дополнительно никто не даст. Когда будем побогаче, может быть, сумеем добиться расширения кое-где штатов. Но пока вопрос о дополнительных штатах, по крайней мере в ближайшее время, решаться не будет»².

Всего для ВОК на начальном этапе было утверждено 1500 штатных единиц на всю страну³. Организации союзных республик регулярно обращались к Центральному правлению с просьбами об увеличении количества ставок. К примеру, правление Украинской ДОК заявляло в ходе одного из пленумов в 1977 г.: «Мы просим также рассмотреть вопрос об усовершенствовании структуры Киевского городского отделения. Почти трехмиллионный город является крупнейшим культурным и промышленным центром, а городская организация книголюбов играет значительную роль в системе Общества. Но здесь имеется всего 4 работника: ответственный секретарь с окладом 140 руб., инструктор-методист /90 руб./, бухгалтер /80 руб./ и уборщица. Нет даже машинистки. В таких условиях работать очень трудно»⁴.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 293. Л. 8.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 21. Л. 188.

³ Там же. Л. 188.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп.1. Д. 133. Л. 21.

С ростом финансовых возможностей количество бюрократии ВОК увеличивалось. Только за первые пять лет численность книголюбив-чиновников выросла в 1,5 раза и к 1979 г. составляла 2321 штатную единицу¹. Далее количество работников продолжало расти: через год, в 1980-м г. в штате Общества состояло уже 2757 человек², а в 1982 – 3373³.

В основном это был административно-управленческий персонал: в 1982 г. 55 человек трудились в Центральном правлении, 2569 – в городских и районных отделениях, 607 – в правлениях ДОК союзных республик, и только 142 человека участвовали в производственной деятельности – работали на предприятиях ВОК⁴. Однако в разных советских республиках на одного штатного работника приходилось различное количество членов Общества. В этом плане в тяжелом положении находились работники ДОК РСФСР и БССР. К примеру, в Вологде в середине 1980-х гг. на 150 городских организаций выделялся один сотрудник⁵, в то время как среднее количество объединений в Армении на специалиста Общества равнялось 19⁶. Ситуация облегчалась за счет того, что одновременно со штатными работниками на разных управленческих должностях на неосвобожденной основе к середине 1980-х действовало до полумиллиона человек⁷.

Несмотря на все трудности периода создания новой массовой структуры, к концу 1975 г. ВОК объединяло 46800 первичных ячеек в 660 городах и 3000 районах СССР, которые включали более 1,9 млн индивидуальных и 20000 коллективных членов⁸. Из них в Пермской области было создано 53 отделения Общества, учреждено более 300 первичных организаций с общим числом индивидуальных членов 7 100 человек,

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д. 10. Л. 15.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 530. Л. 11об.

³ Там же. Л. 5об.

⁴ Там же. Л. 5об.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 734. Л.17.

⁶ Там же. Л. 141.

⁷ Материалы к отчету Центрального правления ВОК II съезду Всесоюзного добровольного общества книги. – М., 1979. – С. 27.

⁸ Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – С. 29.

коллективных – 130¹. К этому же времени были определены основные принципы работы новой организации, сложились структура управления и система отношений с государственными и партийными органами, сформирован штат. Экономическая основа деятельности, а также основные форматы работы Общества будут рассмотрены отдельно, в рамках следующего параграфа.

2.2. Развитие ВОК: экономическая модель, форматы деятельности и практики

Урегулирование формальных вопросов, связанных с организацией и устройством нового Общества, позволило увеличить темпы прироста численности индивидуальных членов новой структуры. Уже в 1976 г. в ВОК вступило в 1,5 раза больше граждан, чем на начальном этапе. Впоследствии, согласно данным официальной статистики организации, до 1983 г. её ряды стабильно прирастали полутора-двумя миллионами книголюбов (табл. 32 в прил. 6). В большинстве советских республик рост численности членов ВОК был плавным. Статистические «взрывы» после 1975 г. в Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, Узбекистане объясняется догоняющим характером становления добровольных организаций в этих частях СССР.

Чем можно объяснить разную плотность индивидуального членства в советских республиках? Так, в целом по СССР любителей книги было более 4% в год второго съезда ВОК и Всесоюзной переписи населения (1979). В разных частях страны ситуация отличалась кратно. В Российской Федерации в это же время книголюбом был каждый 25-й, что составляло около 4 % от всего населения, в Латвии – 1,8 %, Литве – 2,2 % Армении – 2,5 %, Украине – 3,6 %, в Азербайджане – более 5 %, в Узбекистане – почти 7 %².

¹ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 305. Д. 90. Л. 1.

² Рассчитано автором по данным табл. 32 (прил. 6) и Народное хозяйство СССР в 1980 году. – М., 1981. – С. 10.

Такие соотношения будут сохраняться до конца 1980-х гг. Предположу, что разную представленность ВОК в советских республиках следует объяснить не только активностью местной номенклатуры, но и следующей зависимостью: ячейки Общества были тем более распространёнными, чем более урбанизированной¹ являлась та или иная республика, чем больше там находилось крупных производств, научных, культурных и образовательных учреждений. В городах концентрация читателей – потенциальных участников Общества – находилась на более высоком уровне.

Помимо популярности чтения, а также необходимости выполнять план по численности, одним из факторов, с помощью которого возможно объяснить активное расширение ВОК, является финансовая модель массового движения. Уплата взносов стала критерием фиксации численности². Руководство Общества рассчитывало на денежный поток, который могли обеспечить участники ВОК, ведь официально организация книголюбов находилась на самоокупаемости. К тому же, помимо требования финансовой независимости, на первых порах существовала необходимость возврата средств, которые Общество получило на организационные мероприятия. Впоследствии дополнительные доходы Обществу должны были обеспечивать лекционная пропаганда, проведение платных мероприятий, работа производственных комбинатов и другие виды хозяйственной деятельности.

Однако при разговоре о масштабах Общества, форматах работы, а также мотивах участия и вовлеченности в него рядовых участников нельзя ограничиваться рассмотрением исключительно официальных статей доходов и расходов. Новая структура внедрялась сверху в уже сложившуюся систему

¹ К примеру, к 1981 году ВОК было во всех городах Пермской области. В то же время первичные ячейки существовали только в 39 из 208 колхозов, а также в 49 из 209 совхозов / Рассчитано автором по: Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти. – Пермь, 1977. – С. 6; Книжное обозрение. – 1981. – № 31. – С. 15.

² Поэтому в 1983 году в некоторых республиках снизилось количество индивидуальных членов – из расчёта были убраны те, кто не уплачивал взносы.

отношений внутри читательской культуры, в том числе неформальных. В этом отношении индивидуальные участники организации не являлись исключительно жертвователями большой государственной инициативы поневоле. Многие находили в Обществе то, что отвечало их интересам.

В рамках данного параграфа рассмотрены принципы, на которых была построена система финансового обеспечения ВОК, и основные направления деятельности этого общества: лекционная программа, публичные мероприятия, работа производственных предприятий, народных университетов и магазинов, клубов книголюбов. Анализ данных феноменов позволяет увидеть организацию любителей книги как пространство пересечения и удовлетворения интересов советского человека, так и мегаструктуры и государства.

С самого начала функционирования сложилась структура членов этой организации. Большую часть книголюбов составляла учащаяся молодежь, меньшую – рабочие и служащие, жители села. Так, в письме, направленном в адрес ЦК КПСС в 1979 г., руководство Общества признавало, что из 8 млн индивидуальных членов «в рядах ВОК насчитывается более 5 млн учащихся школ и ПТУ, студентов вузов и техникумов»¹.

Такое положение дел было результатом того, что бюрократы ВОК всегда воспринимали школьников и студентов как ресурс для наращивания численности организации. Обсуждая итоги работы добровольного общества книголюбов Латвии в ходе одного из заседаний Центрального правления в 1976 г., первый заместитель председателя А.Н. Костаков рекомендовал решить вопрос с малой численностью книголюбов в этой республике следующим образом: «Общество проделало большую работу, но в то же время численность в 17 тыс. индивидуальных членов для Латвии мала. База для вовлечения в организацию колоссальная. Большое количество вузов,

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 278. Л. 3.

школ. Надо, чтобы Общество и этот вопрос взяло под контроль»¹. Кроме того, по итогам II Всесоюзного съезда книголюбов (1979 г.) как недостаток в работе движения отмечался тот факт, что только «менее 10 % учащихся и студентов страны являются членами Общества»².

Если школьники обеспечивали выполнение плана по численности, то другие категории участников помогали организации финансово. Помимо индивидуального членства, существовало также и коллективное: в таком статусе к ВОК присоединялись предприятия и организации. С ними было проще работать при поддержке государственных и партийных органов. Именно на их участие изначально была ориентирована финансовая система добровольных организаций союзных республик – большинство из них получало более половины доходов от взносов именно от предприятий и учреждений. (прил. 7). С годами динамика прироста численности юридических лиц снижалась (табл. 19).

Таблица 19. Численность коллективных членов Всесоюзного общества любителей книги в 1975-1979 гг.³

Год	1975	1976	1977	1978	1979
Коллективных членов, тыс.	23,1	40,8	54,0	59,5	61,1

Уплата ежегодного членского взноса являлась обязанностью членов ВОК. По умолчанию его размер составлял 1 руб., что было больше, чем в большинстве добровольных Обществ: к примеру, во Всесоюзном обществе охраны природы плата варьировалась в диапазоне от 5 до 30 коп., в ДОСААФ – от 10 до 30 коп., во Всесоюзном обществе изобретателей и рационализаторов – от 20 до 40 коп. Кроме того, при вступлении в ряды книголюбов граждане и организации оплачивали дополнительно вступительный взнос, который составлял 30 % от ежегодного.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 68. Л. 80.

² Материалы II съезда Всесоюзного общества любителей книги. – М., 1980. – С. 116.

³ Сост. автором по: ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп.2. Д. 10; ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 8684.

Одновременно существовала широкая система льгот: в период с 1974 по 1979 г. взносы не платили военнослужащие–срочники, пенсионеры, члены юношеских организаций до 16 лет, студенты ссузов, а также граждане с зарплатой менее 60 руб.¹ (позже – 70 руб.). Затем для них вступительная и ежегодная плата была установлена на уровне 10 коп. в год.

«Рядовые» книголюбы обращались в адрес Центрального правления с просьбами о снижении ежегодного взноса. В свою очередь, делегаты II (1979) и III съездов (1983) подтверждали нецелесообразность такого шага для бюджета Общества. Такую же позицию официально занимало и Центральное правление, так как, согласно статистике, ВОК на старте попало в зависимость от взносов коллективных членов (табл. 20, а также прил. 7).

Таблица 20. Доходы ВОК в 1975–1979 гг.²

Год	1975	1976	1977	1978	1979
Все доходы, тыс. руб.	5635,5	9493,0	10932,4	12057,1	≈ 13 000
Из них коллективные взносы, %	80,7	71,9	69,3	66,1	н/д
Из них индивидуальные взносы, %	17,5	20,3	21,8	22,3	24,2

Однако вопрос уменьшения размера индивидуальных взносов неоднократно поднимался внутри Общества. Давление на Центральное правление со стороны нижестоящих организаций, которые непосредственно занимались сбором денег с членов ВОК, приводило к обсуждениям возможности сокращения стандартного взноса в два раза: с 1 руб. до 50 коп. Так, в 1978 г. руководство организации книголюбов выходило с инициативой к ЦК КПСС по поводу взносов, однако она была отправлена на доработку и в итоге не была согласована³.

Размер коллективных ежегодных членских взносов рассчитывался исходя из количества сотрудников, работающих в ведомстве, на заводе или фабрике и т.д. Зависимость была следующая: при рабочем коллективе до 50

¹ Работа первичной организации ВОК. Справочник. – М., 1979. – С. 14.

² Сост. автором по: ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д. 10 Л. 9-11.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 293. Л. 8.

человек следовало уплатить 50 руб., до 100 – 100 руб. и т.д. Принцип менялся при подходе к отметке в 1000 человек: от 1001 до 1500 коллективный член должен был внести взнос в 1250 руб., а от 1500 до 2000 – 1500 руб. Участие в делах ВОК крупных предприятий не было редкостью для советских регионов. Так, организация Свердловского завода города Перми включала 1500 человек¹, а в эмалировочном цеху Лысьвенского металлургического завода организация книголюбов насчитывала 2000 членов². Бюджетные учреждения от уплаты взносов освобождались.

Приток коллективных членов в 1974 и 1975 гг. помог руководству Общества уже в 1976 г. вернуть заемные средства государству. Для этого сразу после первого съезда Центральное правление осуществило рассылку обращений по учредителям с просьбой о содействии во вступлении подопечных организаций. В регионах в этот процесс включались партийные и государственные органы. В этом отношении коллективное членство являлось, скорее, символическим статусом для предприятий и организаций, формой дополнительной финансовой нагрузки. Хотя оно приносило некоторые преференции: коллективные члены ВОК имели право не уплачивать деньги за проведение лекций, рассчитывать на первоочередное проведение мероприятия³.

В Центральное правление ВОК поступали сигналы с мест от книголюбов о негативных аспектах рекрутирования новых членов. Так, один из неравнодушных любителей книги из Сыктывкара писал Е.М. Жукову в 1976 г.: «<...> совхозы, колхозы и прочие учебные заведения кто-то в БССР пытается силой загнать в коллективные члены ДОЛК, опираясь на чей-то непридуманный циркуляр. И уже шельмуют «Минпроект» и сельхозакадемию <...> за «проволочку». Сельхозакадемия – это учебное заведение. Бюджет там ограничен. Непонятно, почему норовят залезть

¹ ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 92. Д. 73. Л. 13.

² Звезда. – 1984. – № 131. – С. 4.

³ Инструктивно-методические рекомендации по лекционной пропаганде книги. – Минск, 1979. – С. 19.

Академии в карман и выудить оттуда 2000 в год - за коллективное членство во ВДОЛК????»¹.

На этом фоне коллективные члены не отличались дисциплинированностью. Так, представитель правления Ленинградской ДОК Н.Я. Борисов в 1976 г. сообщал коллегам на пленуме Центрального правления: «Что нас смущает в этом году? <...> предприятия Госкомиздата СССР, те, которые являются основателями нашего Общества, в прошлом году уплатили взносы по приказу Госкомиздата, а в этом году ни одно из предприятий не уплатило взносы. Мы в этом году растем не за счет старых предприятий, а от вновь вступивших»².

Руководство ВОК стремилось диверсифицировать структуру доходов, увеличив долю поступлений от индивидуальных членов, что неизбежно приводило к дальнейшему наращиванию числа книголюбов. Гонка за планом по доходам не соответствовала принципу добровольности при вступлении в ВОК, что, впрочем, являлось родовой чертой формата массовой советской организации. Один из книголюбов писал в адрес руководства Общества в 1976 г. по поводу тактик привлечения новых членов: «<...> я как-то смотрел, как моя дочь <...> что-то искала в своем портфеле. Я хотел помочь ей и выгреб из портфеля ученицы четвертого класса членские билеты обществ: Красного креста, Спасения на водах, Общества охраны природы, Общества охраны памятников и т.д. и т.п. В общем, БИЛЕТЫ девяти добровольных организаций. <...> Работать надо, а не липовать на детском членстве»³.

Тот же принцип принятия в члены ВОК применялся и ко взрослым читателям. Большинство формальных членов Общества не проявляли активности, поскольку факт вовлечения в ряды массовой организации часто не предполагал дальнейших активных действий со стороны человека. Это порождало приписки. Так, по сведению Комиссии народного контроля, в

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 78. Л. 24.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 68. Л. 6.

³ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 78. Л. 24.

составе ВОК по состоянию на 1983 г. «<...> показатели количества членов общества были завышены почти на миллион человек»¹.

Ко второму съезду (1979) персональные взносы от книголюбов приносили почти четверть всех доходов ВОК. На местах, как правило, могла сохраняться тотальная привязанность к деньгам от юридических лиц. В 1982 г. в письме члену Общества Л.В. Жуковой из Петропавловска-Камчатского руководство Общества признавало: взносы коллективных членов составляют более половины дохода ВОК, а в Камчатской области в 1981 г. – 72 %².

Избавиться от зависимости от коллективных взносов не удавалось до середины 1980-х гг. В 1983–1984 гг. было произведено сокращение расходов за счёт урезания штатов, фонд заработной платы уменьшился на 6–20 % (прил. 7). Одновременно руководству ВОК удалось взять курс на отказ от коллективного членства, которое было окончательно устранено к 1985 г. Этот шаг привёл к падению доходов Общества почти на треть: с 16 750 000 руб. в 1984 г. до 11 085 000 руб. в 1985 г.³

Все собранные средства поступали на счета региональных, а затем республиканских добровольных организаций. Затем они платили отчисления в пользу Центрального правления. Этот вопрос был конфликтным для бюрократии ВОК: республиканские ДОК выступали против того, чтобы Центральное правление собирало 15 % доходов в 1975–1976 гг.

В ответ на одно из писем с требованием снижения отчислений в Центр руководство ВОК отвечало, что: «ЦП не может <...> удовлетворить Вашу просьбу о снижении процента отчисления от членских взносов и других поступлений. Согласно решению правительства, Общество в течение 1975–1976 гг. должно возместить временную финансовую помощь, и размеры отчислений установлены из такого расчета, чтобы в указанные сроки

¹ ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 8684. Л. 26.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 495. Л. 89.

³ ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 8684. Л. 26.

возвратить государству долг»¹. После устранения долга перед государством, отчисления для Центрального правления стали снижаться, и к началу 1980-х гг. составили 5% от доходов республиканских организаций книголюбов.

Тем временем первичные организации не имели собственных счетов и часто оставались без финансирования. Они могли получить деньги на проведение мероприятий, закупку необходимого инвентаря. Однако процесс согласования выделения средств был сложным, многоступенчатым и долгим. В Центральное правление поступали предложения о наделении хотя бы городских и районных организаций правом на аккумуляцию и расходование средств. Подобный эксперимент был проведен в 1978 г. в ДОК Киргизской ССР. Тогда полномочиями по сбору и расходу финансов наделили городские и районные организации любителей книги. По мнению руководства ВОК, эксперимент не удался. По словам начальника планово-финансового блока ЦП ВОК А.Г. Варьяша, «финансовое положение в этой организации не только не улучшилось, а в ряде районов поступление средств сократилось, были и случаи их хищения»².

Помимо взносов прибыль Обществу приносили производственная деятельность, а также доходы от проведения лекций и мероприятий. Предприятия ВОК стали открываться в 1977 г. За два года были организованы производства в Киеве, Тбилиси, Краснодаре, мастерские в Душанбе, Минске, Тюмени, Ярославле, Пскове, Ростове-на-Дону. В середине 1980-х гг. количество предприятий выросло до 21. Большинство из них являлись мастерскими по переплету и ремонту книг, некоторые изготавливали календари и буклеты, настольные игры, книжные закладки, фотоизделия, каталожные карточки и ящики и т.д.

Как правило, на производственных площадках отсутствовала механизированная техника, преобладал ручной труд, отсутствовала утвержденная номенклатура изготавливаемых изделий. Продукция на выходе

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 495. Л. 68.

была низкого качества и с высокой себестоимостью¹. Прибыльность предприятий во второй половине 1970-х колебалась рядом с отметкой в 8–9 %: объем производства к 1978 г. достиг показателя в 1,7 млн руб., прибыль составляла всего 157 тыс. руб.² К середине 1980-х гг. ситуация стала меняться. При отсутствии коренной модернизации, нерешенности многих проблем производства, тем не менее предприятия стали приносить для ВОК около одного млн руб. годового дохода³.

С 1975 г. в республиканских и региональных организациях книголюбов стали появляться бюро, ответственные за организацию лекционной пропаганды, которая за короткий срок успела стать масштабным явлением (табл. 21).

Таблица 21. Показатели лекционной программы ВОК в 1975–1984 гг.⁴

Год	1975	1976	1977	1978	1984
Количество лекционных бюро	8	603	1281	1675	н/д
Количество лекторских групп	13	63	732	1908	≈ 2250
Количество лекторов	268	1150	9603	11618	≈ 40000
Количество лекций	1293	52547	130953	173787	≈ 300000

В начальный период 1975–1976 гг. лекции читались в основном на общественных началах, бесплатно. В 1977 г., наряду с безвозмездным их чтением, стала осуществляться выплата гонорара лекторам⁵. По согласованию с Министерством финансов СССР Общество выпустило билеты номиналом от 20 коп. до 1 руб. Из собранных денег вычитались

¹ Материалы к отчету Центрального правления ВОК II съезду Всесоюзного добровольного общества книги. – М., 1979. – С. 24.

² Сборник постановлений и положений ВОК. – М., 1982. – С. 145.

³ ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 8684. Л. 26.

⁴ Сост. автором на основе стат. данных по: ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д. 10; ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 8684.

⁵ Книжная торговля. Обзорная информация. Вып. 3 (25). Всесоюзное общество книголюбов. – М., 1978. – С. 29.

расходы на оплату труда лектора¹, аренду помещения. Остальное шло в пользу организации любителей книги. Уже в 1978 г. лекционная активность принесла в бюджет Общества более одного млн руб., что составляло 12 % доходов ВОК². В основном на лекциях зарабатывали крупные добровольные организации книголюбов: РСФСР, УССР, КазССР и др. В некоторых республиках к середине 1980-х гг. лекции так и не стали источником дохода (прил. 7)

На какой тематической основе работали лекторы? Одним из вариантов являлась опора на предписания сверху – Центральное правление организации выпускало методические рекомендации по разным направлениям работы ВОК, в том числе и по лекционной пропаганде. Рассмотрим на примере списка тем, который состоял из 134 позиций и был адресован нижестоящим организациям книголюбов в начале 1980-х гг., какие приоритеты отдавало руководство Общества в рамках лекционной программы (прил. 8).

Анализ списка тем демонстрирует доминирование идеологических сюжетов. Так, перечень разделён на семь разделов, каждый из которых содержит темы, связанные с феноменом книги, а также важными для советского режима сакральными символическими фигурами, формальными структурами и процедурами, важными датами: классиками марксизма-ленинизма, КПСС, Комсомолом, съездами партии, 60-летием образования СССР и т.д. В.И. Ленину был посвящен отдельный раздел, в котором первый глава советского государства должен был предстать перед слушателями как читатель («Ленин – читатель библиотек», «Читательские интересы В.И. Ленина», «Как В.И. Ленин работал над книгой» и т.д.), автор

¹ Размер гонорара лектора зависел от нескольких факторов. Во-первых, от статуса. Ставка оплаты колебалась в коридоре от 4 до 30 руб. Максимальную выплату могли получать академики АН СССР, минимальную – лекторы из городов, не являющихся столицами регионов и республик и не входящих в республиканское подчинение. Во-вторых, от того, взимается ли плата за вход. В положительном случае к стандартному гонорару выплачивалась дополнительно сумма, которая равнялась 40% от суммы сборов, но не более 75 руб. / Инструктивно-методические рекомендации по лекционной пропаганде книги. – Минск, 1979. – С. 23-25.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 278. Л. 19.

популярных текстов («Ленина читает весь мир»), друг писателей и литературный критик («Ленин и Горький», «В.И. Ленин о Л.Н. Толстом»), книговед («Ленинские принципы книгоиздательства», «В.И. Ленин о библиотечном деле» и т.д.), книжный герой («Образ Ленина в поэзии», «Образ вождя революции в произведениях зарубежных писателей» и т.д.) и книголюб («Личные библиотеки В. И. Ленина»). Всего напрямую В.И. Ленину посвящены 27 из 134 тем (20%).

С идеологией были связаны более половины тем рекомендованного перечня. С выходом важных с точки зрения государства и партии изданий Общество включалось в информационную кампанию по пропаганде данных книг. Это касалось, к примеру, книг Л.И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Постановление Центрального правления от 23 мая 1978 г. предписывало организациям книголюбов включиться в обсуждение трилогии. В качестве позитивных приводились примеры работы из нескольких добровольных организаций союзных республик: «Правления ДОК Казахской и Киргизской ССР разработали методико-библиографический материал к читательской конференции по книге «Малая земля». Правление ДОК Грузинской ССР проводит общественные чтения произведений Л.И. Брежнева. Правления ДОК Азербайджанской, Литовской, Молдавской ССР совместно с ЦК ЛКСМ республик, Союдами писателей, министерствами культуры республик провели читательские конференции для комсомольцев и молодежи»¹.

Одновременно с идеологическими лекционными мероприятиями соседствовали нейтральные лекции по истории литературы, книговедению, букинистике, социологии чтения и т.д. Часть из них была посвящена прикладным вопросам: ведению домашней библиотеки, общественному книгораспространению. Перемежение в границах рекомендаций следов официальной риторики и аполитичных, культурных, практически полезных

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 199. Л. 15–16.

лекций являлось наглядным проявлением перформативного сдвига. Обусловленные идеологией темы являлись обязательной составляющей лекционной пропаганды ВОК. Однако отношение к авторитетному языку часто вызывало формальную реакцию у членов Общества. Участие в мероприятиях, связанных с официальной политической повесткой, являлось залогом культурной автономии / сокращением дистанции к книжному дефициту для книголюбов внутри ВОК. Так, одна из респондентов вспоминала об опыте участия в публичных мероприятиях книголюбов:

«Идеология сказывалась так или иначе, они всё равно были обязаны и должны были это делать. Однажды, к примеру, они могли заявить: «Так, все собираемся, Леонид Ильич Брежнев написал книгу «Малая земля». Ее надо было, если сказать по-современному, «пропиарить». Они делали свое мероприятие. Да, в данном случае и в этом контексте – они выступали проводниками идеологии, но для них это тоже была «обязаловка», и они это знали, и мы это знали. Да, всем сказали, все встали, построились после работы или в рабочее время, сходили и послушали разбор книги Леонида Ильича или еще что-нибудь такое. А во всё остальное время они могли встречаться с писателями и так далее. То есть, это не мешало. Скажем так: отдал положенное идеологии государства, а дальше – свободен»¹.

В этом отношении финансовый успех лекционной программы объясняется не столько популярностью рекомендованной сверху тематики, сколько тем, что под эгидой «пропаганды книги» лекторы могли говорить с людьми на отвлеченные темы, обсуждать актуальные проблемы и востребованную литературу. К примеру, Комиссия народного контроля, которая проводила выборочную проверку деятельности республиканских организаций в 1984 г., выявила, что «в Литовской ССР высокими темпами растет число прочитанных по линии общества книголюбов платных лекций,

¹ Интервью с Т.Б. // Личный архив автора [инф. 6]. Информант родилась в 1963 г. в г. Перми. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 09.12.2014. Продолжительность 64 минуты.

не связанных с пропагандой книги, как, например, «Современные семейные проблемы», «Социально-психологические отношения» и др.»¹.

Лекционная повестка книголюбов Пермской области во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. также сочетала общекультурную и идеологическую тематику. В отчёте Добровольной организации книголюбов Перми за 1978 г. в перечне тем на первых позициях стояли лекции о В.И. Ленине и революции: «О значении великого Октября», о «Ленинской библиотеке в Кремле», «Об образе Ленина в советской литературе». К 110-летию В.И. Ленина местная региональная организация разработала дополнительный список лекций: «Образ Ленина в зарубежной литературе», «Ленин и Пермский край» и др. Для школьников на рубеже десятилетий организовывались лектории: «Ленин – товарищ, друг, человек», «Сердце матери», «Посвятившие жизнь революции», «Ленин и молодежь»².

С другой стороны, в лекционную пропаганду включались актуальные политические поводы и темы: «Жизненный уровень советских людей в XI пятилетке», «Социальное переустройство села – органическая часть Продовольственной программы» и др.³.

Вместе с лекционной Ленинианой, революционной и актуальной идеологической повесткой в отчетах упоминались лекции на книговедческие и прикладные темы: «Современные проблемы книжного дела», «От папируса до современной книги», «Моя домашняя библиотека». По признанию бюрократов Общества, особой популярностью пользовались лекции о Е. Евтушенко и В. Шукшине⁴.

Под видом лекций местные организации любителей книги могли проводить встречи с деятелями культуры – артистами эстрады, кино, театра,

¹ Материалы проверки хозяйственной и финансовой деятельности Всесоюзного добровольного общества любителей книги и Всероссийского хорового общества (1985) // ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 8684. Л. 15.

² ПермГАСПИ Ф. 105. Оп. 354. Д. 3149. Л. 27.

³ ПермГАСПИ Ф. 105. Оп. 354. Д. 3149. Л. 27.

⁴ ПермГАСПИ Ф. 1. Оп. 92. Д. 73. Л. 16.

писателями и поэтами и т.д. По такому принципу в Пермь приезжали популярные актеры А. Калягин, О. Янковский, А. Збруев и др. По линии ВОК столицу Прикамья неоднократно посещал З. Гердт. Одна из респондентов вспоминала его приезд так: «К нам часто приезжал Зиновий Гердт... Кстати, у него в Кировском районе были друзья <...>. Он читал лекции, у них там, потом – в городе, во Дворце Ленина. Он читал лекции о Давиде Самойлове, а потом стихи. В общем, вечер поэзии. Замечательный вечер поэзии! <...> Представляете, какой там зал во дворце Ленина? Огромный – примерно на тысячу человек. Мы раздали все билеты, можно сказать, путевки – а люди шли со всего города»¹.

Остальные виды активности любителей книги, о которых речь пойдет далее, как правило, не приносили деньги в кассу ВОК. Однако организация книголюбов не бедствовала: доходы Общества позволяли не только находиться на самоокупаемости, но и накапливать средства. Статистика расходов на один рубль доходов уже в начале существования Общества позволяет увидеть, что деятельность ВОК была профицитной на всесоюзном уровне и почти во всех республиках СССР (за редким исключением).

Разница доходов и расходов позволила Центральному правлению и правлениям союзных республик накопить к середине 1984 г. на счетах более 21 млн руб.², что равнялось двум годовым бюджетам организации.

Средства Общества расходовались на заработную плату штатных сотрудников, надбавки к ней, устройство культурно-массовых (праздники книги, читательские конференции, конкурсы, смотры, встречи с писателями и деятелями культуры и т.д.) и организационно-отчетных мероприятий (заседаний, пленумов, съездов, совещаний и конференций), оплату аренды помещений, сбор библиотек в рамках шефской помощи, поддержку производства, премии активистам ВОК, капитальное строительство и т.д.

¹ Интервью с Л. К. // Личный архив автора [инф. 3]. Информант родилась в 1947 г. в г. Чусовом (Пермская область). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 29.08.2014. Продолжительность 42 минуты.

² ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 8684. Л. 23.

Таблица 22. Расходы республиканских организаций ВОК на один руб.
доходов в 1975–1978 гг., в коп.¹

	1975	1976	1977	1978
Всего	51,6	62,8	68,4	71,8
В том числе:				
РСФСР	56,9	67,8	69,1	68,7
Украинская ССР	42,0	58,0	69,8	70,7
Белорусская ССР	44,7	57,5	65,8	76,2
Узбекская ССР	79,2	48,6	58,3	64,0
Казахская ССР	53,6	59,6	73,1	73,6
Грузинская ССР	68,3	54,4	63,5	53,2
Азербайджанская ССР	60,7	81,9	67,6	76,6
Литовская ССР	50,8	58,5	76,6	80,1
Молдавская ССР	41,4	51,4	67,2	71,6
Латвийская ССР	78,9	77,3	67,8	75,7
Киргизская ССР	46,3	49,9	66,1	71,6
Таджикская ССР	41,8	62,8	76,0	79,5
Армянская ССР	55,6	113,1	77,5	76,5
Туркменская ССР	45,6	60,3	55,1	74,0
Эстонская ССР	125,7	125,2	80,1	80,0

С начала 1980-х гг. Общество также стало передавать деньги государству. К примеру, на покупку учебников для общеобразовательных школ Украинская ДОК в 1983 г. потратила 1 млн 700 тыс. руб.², а в 1984 г. ВОК передало в государственный бюджет в целом 12,5 млн руб.³ и 65 тыс. руб. – в фонд Всемирного фестиваля молодежи и студентов⁴.

Благодаря накопленным деньгам на счетах правлений, у руководства Общества к середине 1980-х гг. возникли планы по строительству ведомственного санатория на черноморском побережье⁵. В этом отношении Центральное правление Общества книголюбов вторило другим крупным

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д.10. Л. 14.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 140. Л. 2.

³ Там же. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 734. Л. 160.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 8684. Л. 24.

советским ведомствам и организациям, которые занимались социальным обеспечением своих сотрудников. Однако эти планы не были осуществлены, поскольку республиканские добровольные организации книголюбов сопротивлялись такому решению.

Вопрос о сооружении санатория маркировал не только способность отстаивать интересы со стороны бюрократии обществ союзных республик, но и непрозрачность финансового механизма ВОК. Бухгалтерия Общества была закрытой. Обсуждение распределения средств велось только в рамках съездов в очень ограниченном режиме. Это было поводом к возмущению со стороны низовой бюрократии, которая действовала на неосвобожденной основе, и «рядовых» книголюбов, поскольку они не видели, как работают их взносы.

К неприбыльным для Общества видам деятельности относились работа народных университетов и факультетов «Книга». Народные университеты являлись популярным форматом культурно-просветительного дополнительного образования. К середине 1970-х гг. по всей стране функционировало 29 000¹ таких заведений разной направленности, а в середине 1980-х гг. – 59 000, в их работу были вовлечены более 20 млн человек².

Впервые народные университеты возникли ещё в дореволюционной России – в конце XIX века. Формат подразумевал, что они работали «как вольная школа, которая была доступна для всех, но не давала по ее окончании никаких прав, кроме полученных, в ходе обучения, знаний»³. Одним из самых знаменитых народных университетов являлся частный Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского,

¹ Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – С. 122.

² Советская интеллигенция. Словарь-справочник. – М., 1987. – С. 35.

³ Веникова М.С. Народные университеты России в начале XX века: институционализация и образовательная деятельность: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Белгород, 2018. – С. 68.

который был открыт в 1908 г.¹. Преподавательскую работу в нем вели ведущие исследователи того времени: физиолог К.А. Тимирязев, историк А.А. Кизиветтер, химик Н.Д. Зелинский и др.²

В СССР народные университеты как форма дополнительного образования для взрослых стали возрождаться с 1950-х гг. Первыми стали появляться народные университеты культуры³. В дальнейшем спектр направлений их специализации расширился: советские граждане в течение 1–2 лет могли получить знания в области архитектуры, педагогики, сельского хозяйства и т.д. Одним из главных распространителей инициативы стало Общество «Знание», которое выпускало также серию научно-популярных изданий за авторством ведущих специалистов под названием «Народный университет»⁴.

В мае 1975 г. Московское городское отделение ДОК РСФСР открыло один из первых народных университетов «Книга». Его работа велась на двух факультетах: культуры чтения и истории книги. Ректором учреждения стал доктор филологических наук А.А. Леонтьев⁵. Как правило, университеты «Книга» организовывались на базе библиотек: к примеру, в Свердловске с 1977 г. обучение осуществлялось в Областной универсальной научной библиотеке им. В.Г. Белинского.

Срок образовательных программ составлял от одного до трёх лет при периодичности занятий не менее одного раза в месяц. На выходе участники получали дипломы от Общества, в некоторых случаях речь шла о формальном повышении квалификации. Так, по завершении двухлетнего обучения в совместном народном университете «Книга» Госкомиздата КазССР и республиканской ДОК слушатели получали удостоверения

¹ Власов В.А. Народный университет имени Шанявского // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnyy-universitet-imeni-shanyavskogo> (дата обращения: 11.09.2021).

² Власов В.А. Указ. соч.

³ Педагогическая энциклопедия. Т. 3. Н-См. – М., 1966. – С. 66.

⁴ К примеру: Сказкин С.Д. История – увлекательная наука. – М., 1961.

⁵ Альманах библиофила. Выпуск пятый. – М., 1978. – С. 272.

«Пропагандист книги»¹. Обучаться в университетах могли не только члены ВОК. В 1984 г. по линии ВОК действовало – более 300² народных университетов и факультетов, а во второй половине 1980-х их число достигло 600³.

Также формально к группе не доходных активностей для ВОК относились народные книжные магазины и киоски – практика общественного распространения печатной продукции непосредственно на производстве и в организациях. Они существовали до создания ВОК – так, в первой половине 1960-х по всей стране действовало 500 магазинов и около 1000 киосков⁴. Принцип их функционирования заключался в следующем: инициативная группа работников предприятия прикреплялась к государственному книжному магазину и реализовывала на рабочем месте книги. В качестве вознаграждения активисты получали 5 % от суммы реализованной литературы – эти деньги направлялись на счета предприятия. В дальнейшем средства могли расходоваться на культурно-досуговые мероприятия, экскурсии и т.д.⁵

Народные книжные были основным официальным форматом взаимодействия структуры книголюбов с системой книготорговли. Общество любителей книги активно распространяло данную практику. Так, только в РСФСР количество самодеятельных магазинов увеличилось почти в два раза с 1976 по 1981 г.: с 3204 до 6272 соответственно⁶. По всей стране к третьему съезду (1984) народных книжных магазинов и киосков было более 11 тыс.

¹ Альманах библиофила. Выпуск восьмой. – М., 1980. – С. 242.

² Альманах библиофила. Выпуск семнадцатый. – М., 1985. – С. 294.

³ Советская библиография. – 1987. – № 1. – С. 32.

⁴ Советские профсоюзы. – 1963. – Т. 19. – С. 19.

⁵ Речь могла идти о больших суммах. Так, В. Плаунов, автор книги «Сбывшаяся мечта», которая посвящена истории народного книжного магазина «Мечта» московского конструкторского бюро «Вымпел» пишет о следующих показателях: «По мере роста объема реализации литературы росли отчисления магазинов от общей выручки. Если в 1972 г. 5% от годовой реализации составляли 1200 руб., то в 1975 г. – уже 10800 руб. / Плаунов В. Сбывшаяся мечта. – М., 2019. – С. 52.

⁶ ГАРФ. Ф. А259. Оп. 48. Д. 2117. Л. 1.

Такой формат сотрудничества был выгоден обеим сторонам: любители книги через народные магазины получали дефицитные издания, а государственная торговля избавлялась от остатков с балансов с помощью приложений к востребованным книгам в виде нагрузки¹. Случались курьезные случаи, когда, к примеру, членам ячейки ВОК треста «Мосстрой» в 1981 г. в нагрузку к трилогии Л. Н. Толстого «Детство, Отрочество, Юность» вручили зубную пасту «Жемчуг»². Тем не менее в условиях книжного голода граждане активно пользовались услугами народных книжных. Так, в начале ноября 1976 г. на Кунгурской обувной фабрике был открыт народный книжный магазин. Половина всей представленной продукции была приобретена гражданами в первый же день³.

Народные книжные магазины стали «вершиной айсберга» практик распределения печатной продукции, в которых участвовали организации книголюбов. Помимо магазинов книги и подписки на издания могли выделяться книготоргами в адрес предприятий и организаций. Первичные ячейки ВОК часто получали приоритет в распределении книжных квот. В таком случае объединения книголюбов приобретали помимо прочих черт статус закрытого сообщества потребления, недоступного для посторонних. Одна из респонденток рассказала следующее: «Когда я <...> пришла работать на завод, у нас в отделе увидела, что инженеры как-то откуда-то получают какие-то книжки классические. Стало очень обидно, интересно. <...> мне по секрету рассказали, <...>, что вообще-то у нас есть вот такое общество книголюбов. Что, в принципе, если мы туда вступаем – взнос не такой уж большой, и можно будет участвовать в розыгрыше определенных

¹ Руководство Общества осуждало нагрузку и в феврале 1983 г. Центральным правлением было выпущено специальное постановление «О фактах распространения книг с "нагрузкой" в производственных коллективах промышленных предприятий и учреждений», которое было основано на жалобах книголюбов, которые появлялись в местной печати, центральных изданиях, а также находили место в письмах любителей книги к руководству ВОК / ГАРФ. Ф. Р-9650 Оп. 1. Д. 653. Л. 1,2.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 431. Л. 65.

³ Искра (Кунгур). – 1976. – № 141. – С. 2.

изданий в определенное время, классических. Благодаря именно вот этому клубу у меня появились тогда, помню, первые, скажем так, серийные книжки. Да, там: Салтыков-Щедрин, там Лермонтов, Пушкин. Причем Гюго мне не достался, сразу объясняю: потому что я была молодая. Гюго нужен был главному технологу <смеется>»¹.

Официально высшее руководство ВОК всегда держалось в стороне от решения вопроса предоставления членам организации дополнительных прав на книги. Этот вопрос неоднократно обсуждался в ходе встреч, совещаний на уровне руководства организации. Обычно, они проходили так, как в ходе заседания Президиума в начале декабря 1975 г.:

«Тов. Лидин В.Г.²: «Когда люди записываются в ВОК, то думают, где достать нужную книгу. А книгу достать нельзя. У меня предложение, чтобы ВОК договорился с Москнигой о бронировании литературы в Доме книги и книги выдавались бы по членскому билету ВОК».

Председатель, И.А. Котомкин: «Мы будем стараться, чтобы за активную работу в Обществе люди поощрялись. Но получать по членским билетам книги – это неправильно. Мы не должны нарушать правила советской торговли»³.

В то же время стихийные правила взаимодействия с книготоргами и книжными магазинами складывались на местах. У читателей формировался такой образ:

«Интервьюер: Если говорить о книгах, где их покупали?»

Респондент: Это было самое сложное, не покупали, а доставали тогда книги. Очереди были на подписные издания, их выигрывали в лотерею. Ну и общество книголюбов и помогало потому, что кто в обществе был, – проще и талончик было получить на подписку и приобрести что-то по нормальной

¹ Интервью с Н.Г. // Личный архив автора [инф. 9]. Информант родилась в 1962 г. в Краснокамском районе Пермской области. Интервью записано в г. Перми. Интервью записано Е.В. Матвеевым. Запись 09.12.2015. Продолжительность 56 минут.

² Лидин Владимир Германович (1894 – 1979) – русский советский писатель, библиофил.

³ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 7. Л. 73.

цене, потому что выделяли на Общество определенное количество материалов конкретной книги»¹.

Отделения ВОК на уровне городов и регионов республик включались в сети распространения книжного дефицита не без помощи государственных и партийных органов. Так, в Пермской области обком КПСС в марте 1976 г. рекомендовал книготоргам предусматривать преференции в распределении лимитированной подписки для организаций и учреждений, на которых было организовано общество любителей книги². В Зеленодольске Татарской АССР в 1977 г. правление местной организации книголюбов взяло под контроль очередь на подписные издания в единственном городском магазине – с этого момента претендовать на книги там могли только члены ВОК³.

В других случаях возможность получить книгу для книголюбов являлась результатом личных договоренностей активистов Общества. Один из респондентов поведал о персональной истории сотрудничества с книжным магазином, при котором он вёл клуб: «Что касается хороших книг, то их было трудно купить. Конечно, они приходили в малом количестве, а директор лично их распределял. Но поскольку я там делал клуб, то мы часть этих книг вместе оставляли. Люди приходили на клуб не для того, чтобы послушать нас, они приходили, потому что после каждого заседания продавали книги хорошие, – те самые, которые мы убирали»⁴.

Благодаря связям с книготоргами, непубличной поддержке партии и государства у Общества книголюбов сложился образ структуры, с помощью членства в которой можно получить книгу. Так организация любителей книги превращалась в стол заказов, пункт обмена и одновременно закрытое

¹ Интервью с И. С. // Личный архив автора [инф. 10]. Информант родилась в 1951 г. в г. Перми. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 14.02.2015. Продолжительность 84 минуты.

² ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 306. Д. 112. Л. 3.

³ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 431. Л. 24.

⁴ Интервью с А.Г. // Личный архив автора [инф. 2]. Информант родился в 1937 г. в г. Одессе. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 25.08.2014. Продолжительность 44 минуты.

статусное сообщество. По словам еще одного респондента, «нужно было быть человеком, чтобы тебя знали как книголюба. Туда попробуй вступи. Они не приветствовали расширения, потому что они подписки хватали! Я знала, что они есть. Ну как туда попадешь? Там свой круг людей, которые собирали библиотеки по блату, были люди вообще, которые не очень читали. В основном, конечно, были те, кто любил книги. Книги были ходовым товаром. Вот сейчас директор магазина идет, мы его не замечаем, директор рынка – плюем в него. А раньше не плевали, например, могли директору обувного предложить вступить в Общество книголюбов в обмен на обувь. Мы вам – обувь, а вы нам – книжки»¹.

Распределение книг через Общество книголюбов оставалось непубличной практикой, о которой, однако, всем было известно. Отсутствие налаженных связей с книготоргами в некоторых случаях приводило к излишним ожиданиям со стороны книголюбов, к давлению на бюрократию ВОК. Особенно доставалось организациям, обращение к которым было доступным для «рядовых» любителей книги: первичным, районным и городским. Функционеры Общества с нижнего звена часто становились инициаторами обращений в адрес ЦП ВОК с предложениями о гарантиях в получении книг, об организации собственного издательства. Так, одна из активисток ВОК из Донецка писала в 1980 г.: «<...> на местах приходится выслушивать массу упреков, нареканий, обвинений, отказов при сборе <...> взносов. Все спрашивают книги, в противном случае заявляют: “Что это за общество без книг?”»².

Согласно Уставу Общества, за ВОК было закреплено право издательской деятельности. Помимо выпусков «Книжного обозрения» и «Альманаха библиофила» за первые десять лет под эгидой организации книголюбов вышло более четырёх десятков изданий. Общество не имело

¹ Интервью с О.К. // Личный архив автора [инф. 1]. Информант родилась в 1965 г. в г. Соликамске (Пермская область). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Соликамске (Пермский край). Запись 08.08.2014. Продолжительность 70 минут.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 280. Л. 11.

своих издательских мощностей и полиграфической базы, поэтому выпускало литературу на заказных началах. Основным партнёром по печати книг и брошюр для ВОК было издательство «Книга».

Книги с маркой ВОК стали выпускаться с 1976 г. и делились на две группы. К первой относились методические пособия, сборники предписаний, положений и прочей документации, необходимой в повседневной работе бюрократии ВОК. Во второй группе оказались издания библиофильского толка, научно-популярные книги, которые были адресованы широкому читателю. Здесь были представлены, с одной стороны, «гибридные» работы, авторы которых обращались к идеологически важным сюжетам сквозь призму книговедения и литературоведения. Таковым было, к примеру, первое издание в серии книг ВОК – работа книговеда А.В. Западова «Мысль и слово. Из наблюдений над литературной работой В.И. Ленина», которая вышла в 1976 г.

С другой стороны, под эгидой Общества за авторством признанных библиофилов выходили монографии и сборники общекультурной направленности, к примеру, «Золотой ключ» Е. Осетрова (1977), «Время и книга» В.А. Петрицкого (1980), Словарь юного книголюбца (1979) и т.д.

Если первичные ячейки были формальной структурой внутри Общества, созданной для контроля списочного состава организаций книголюбцев, а также сбора взносов, то секции и советы также формально сегментировали любителей книги по направлениям. Поскольку в структуру ВОК были включены все прежние живые общественные инициативы сферы чтения, то отдельные секции и советы в структуре ВОК имели библиофилы, любители миниатюрной книги, любители фантастики, собиратели экслибрисов. Самыми многочисленными являлись объединения юных, до 16 лет, книголюбцев: секции, школьные кооперативы: по всей стране к 1984 г. первых насчитывалось 41 тыс., вторых – 30 тыс.¹.

¹ Альманах библиофила. Выпуск семнадцатый. – М., 1985. – С. 292.

Основными центрами приложения собственных усилий и талантов для большинства активных участников Общества стали клубы книголюбов. Все публичные объединения читателей, которые существовали до создания ВОК, были включены с 1974 г. в его состав. Организация способствовала распространению этого формата по всей стране.

Разные параметры роста распространения клубов возможно объяснить несколькими факторами. Так, многое зависело от активности руководства республиканского общества, существования подобных объединений до создания организации книголюбов – наличие опыта позволяло быстрее развернуть работу по организации новых читательских объединений. На этот процесс также влияли такие факторы, как участие библиофилов или преобладание горожан: ВОК являлась преимущественно городской организацией.

Деятельность клубов была регламентирована сверху. Официально они были определены в документации Общества как «творческие организации, объединяющие постоянный круг лиц...»¹. Предписанный типовым положением спектр деятельности клубов был широким: от пропаганды книги и формирования художественно-эстетических вкусов, повышения культуры чтения до реставрации и переплёта книг.

¹ Сборник постановлений и положений ВОК. – М., 1982. – С. 137.

Таблица 23. Количество клубов книголюбов в организациях Добровольного общества любителей книги в 1975-1982 гг. ¹

Год:	1975	1976	1977	1978	1980	1981	1982
Всего	1226	2725	4980	6671	9228	11406	12083
В том числе:							
РСФСР	323	1500	3264	4500	5350	6186	6242
Украинская ССР	425	455	616	670	1476	2459	2810
Белорусская ССР	59	94	118	158	204	252	314
Узбекская ССР	250	252	313	363	455	477	522
Казахская ССР	5	90	187	200	606	804	830
Грузинская ССР	-	146	150	258	297	310	300
Азербайджанская ССР	-	-	15	35	80	12	16
Литовская ССР	29	29	33	35	67	74	92
Молдавская ССР	76	80	90	132	231	270	289
Латвийская ССР	-	15	20	34	64	69	107
Киргизская ССР	11	-	49	82	166	200	210
Таджикская ССР	-	-	26	48	58	85	88
Армянская ССР	7	11	24	33	48	60	95
Туркменская ССР	12	21	26	38	54	68	75
Эстонская ССР	29	32	49	57	72	80	85

Клубы, как правило, образовывались при первичных организациях на базах учебных заведений, магазинов, библиотек, домов культуры. Большинство клубов принадлежали к объединениям универсальной направленности, но они также делились по направлениям и предпочтениям: свои клубы или секции были у экслибристов, любителей миниатюрной книги, политической книги, поэзии, научно-технических знаний, книговедческих и т.д., формировались объединения по возрасту и статусу: студенческие, рабочей молодежи, юношеские.

На заре существования организации общее количество клубов не превышало 500, но к 1979 г. их было более 5000². Официальная статистика ВОК ранжировала клубные объединения на городские и сельские. Это один из ракурсов, который позволяет судить об укорененности структур ВОК в

¹ Сост. автором на основе стат. данных по: ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 37; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д. 10. Л. 14.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 141. Л. 5.

урбанизированной и деревенской местностях в разных республиках. К примеру, в 1982 г. по всей стране насчитывалось 2947 сельских клубов, в РСФСР их было 2017, что составляло треть от читательских объединений такого типа по всей России, в УССР – 544 (19 %), в Грузии – 60 (20 %), в Таджикистане – 33 (43 %), Узбекистане – 167 (32 %) и т.д.¹.

В Перми в конце 1970-х – начале 1980-х гг. существовало 22 клуба любителей книги². Большинство из них являлись универсальными. К ним относились такие объединения как «Книгочей», «Импульс», «Радуга», «Светоч» и др. Они становились пространством самовыражения, общения, получения новых знаний. Работа клубов способствовала удовлетворению потребности в интеллектуальном досуге для разных категорий читателей. Так, пермский клуб «Книгочей» удостоился следующей оценки: «Клуб стал своего рода университетом, поскольку по объёму охватываемых вопросов он даёт своим членам разносторонние гуманитарные знания»³.

В рамках клубов книголюбцы пользовались определенной автономией рекомендаций и предписаний, которые исходили сверху – от руководства ВОК. Одна из респондентов так выразила подход к контролю активности книголюбцов на низовом уровне: «Всесоюзный план и местная деятельность обществ, конечно, отличались. Например, в плане – день рождения Пушкина, а как вы будете это делать – вам решать»⁴. В то же время уйти от официальной культуры внутри Общества было невозможно. На уровне первичных организаций и клубов любители книги находили компромиссы с идеологией. Это также было проявлением перформативного сдвига. Интервьюируемые упоминали об этом так: «В любом случае, главной целью ее [организации книголюбцов] был разговор о книге, другое дело, что он был

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 37. Л. 14-15.

² Звезда. – 1981. – № 120. – С. 4.

³ Вечерняя Пермь. – 1983. – № 36. – С. 3.

⁴ Интервью с Л.Ш. // Личный архив автора [инф. 8]. Информант родилась в 1946 г. в г. Рыбинске (Ярославская область). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 27.02.2015. Продолжительность 59 минут.

чем-то окрашен, но – жизнь такая была, все было определённым образом окрашено, определённым образом же формировалось представление <...>¹;

В этом отношении в наиболее уязвимом положении находилось движение КЛФ – клубов любителей фантастики. Оно являлось одним из самых организованных и ярких феноменов в истории ВОК. В состав клубов входили в основном представители интеллигенции, студенты. Клубы любителей фантастики зародились до образования Общества книголюбов – в начале 1960-х гг. История данных объединений позволяет говорить о клубах как об автономном пространстве внутри такой мегаструктуры, как Всесоюзное общество книголюбов.

К началу 1980-х гг. в СССР насчитывалось около двух десятков активных клубов поклонников фантастики: в Москве, Абакане, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону и т.д. Они активно взаимодействовали друг с другом: вели переписку, устраивали общие конференции, обменивались собственными произведениями. Одним из самых активных и известных по всей стране являлся пермский клуб любителей фантастики «Рифей», который был создан в 1973 г. Его основателем и руководителем стал журналист А.П. Лукашин, базой для клуба выступало пермское отделение Союза журналистов СССР.

Пермские любители фантастики учитывали идеологический контекст, взаимодействовали с политическими институтами. Так, в 1981 г. по инициативе пермского клуба «Рифей» при поддержке областного комитета ВЛКСМ был проведён один из первых в стране семинар КЛФ под девизом «Фантастика – за мир и прогресс человечества»².

Движение КЛФ в то же самое время – это не только пример успешной общественной инициативы, формирования устойчивых неформальных связей в рамках позднесоветской литературной культуры, но и иллюстрация границ

¹ Интервью с Е. К. // Личный архив автора [инф. 4]. Информант родилась в Пермской области. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 29.09.2014. Продолжительность интервью 25 минут.

² ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 92. Д. 73. Л. 16.

компромиссного существования режима и граждан, пределов дозволенной культурной автономии в рамках ВОК. В 1983–1984 гг. в СССР по партийной линии и со стороны КГБ проводилась проверка клубов любителей фантастики. В начале 1984 г. отдел пропаганды ЦК КПСС по её результатам выпустил записку «О серьезных недостатках в деятельности клубов любителей фантастики». Деятели системы КЛФ, а также Обществу любителей книги, куда они входили, вменялись подражание западной культуре, перевод неподцензурных заграничных изданий, неправильный подбор руководителей, излишняя активность по распространению идей движения в учебных заведениях и т.д.¹. Резолютивная часть предписывала политическим органам на местах, а также ВОК проверить клубы любителей фантастики, а также распустить те, чья деятельность наносила «вред воспитанию молодежи»².

После рассылки этого документа пермское областное управление КГБ провело проверку деятельности «Рифея». По мнению контролеров, в работе клуба присутствовали «серьезные идеологические просчеты <...>, способствующие воспитанию у молодежи чуждого нашему обществу мировоззрения, жизненной позиции»³. Проверяющие выяснили, что в рамках клуба распространяются через самиздат произведения зарубежных авторов, которые не были изданы в СССР, повести братьев Б.Н. и А.Н. Стругацких «Гадкие лебеди», «Сказка о тройке»⁴.

Помогали в изготовлении копий руководству «Рифея» работники Пермского научно-исследовательского технологического института⁵. Также недочетом, с точки зрения областного КГБ, являлась работа подшефных клубов в учебных заведениях. Так, в студенческом объединении «Мир наизнанку» Пермского политехнического института, который действовал с

¹ Знание – сила. – 1993. – № 7. – С. 102.

² Указ. соч. – С. 103.

³ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 332. Д. 84. Л. 112.

⁴ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 332. Д. 84. Л. 112.

⁵ Там же. Л. 111.

1981 г., участники «устроили диспуты и обсуждения идейно незрелого характера, занялись сочинением опусов, в которых подвергали сомнению лозунги и идеалы нашего государства»¹.

По воспоминаниям одного из организаторов «Рифея», проверка со стороны комитета государственной безопасности, для пермских любителей фантастики явилась частью большой кампании и имела менее тяжелые последствия, чем те, с которыми пришлось столкнуться коллегам из других городов:

«Интервьюер: Можно ли считать местное движение фантастов особенностью книголюбов города Перми?»

Респондент: Можно, можно. Действительно, было такое, пока не прижали. В 1983 <...> при Черненко. В это короткое время было такое распоряжение обкомам партии заняться движением фантастов, разоблачить его, и нас разоблачили. Но, правда, мне кажется, нас мягко разоблачили: в других городах, где были клубы фантастов, людей с работы выгоняли. Нас же только предупредили, что мы занимаемся не тем, чем можно, не проповедуем советскую фантастику, а пропагандируем западную, и это надо прекратить. Пришлось прекратить.

Интервьюер: То есть заседания клуба не проводились?

Респондент: Нет, клуб проводил свои заседания, но я ясно видел, что мы под присмотром.

Интервьюер: Кто-либо присутствовал от компетентных органов?

Респондент: Может быть кто-то и присутствовал, я не знаю, но вероятно все, потому что позже я встречал отчеты о проведенных заседаниях.

Интервьюер: То есть, вы понимали, что за вами следят?

Респондент: Да, конечно»².

¹ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 332. Д. 84. Л. 112.

² Интервью с А.Г. // Личный архив автора [инф. 2]. Информант родился в 1937 г. в г. Одессе. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 25.08.2014. Продолжительность 44 минуты.

Клубы любителей фантастики остались обособленным направлением в границах ВОК до его распада в 1992 г.

Темпы роста численности и статус одного из крупнейших добровольных Обществ объясняются, таким образом, несколькими факторами. Главным экономическим ориентиром для Общества книголюбов являлась самоокупаемость деятельности. Вследствие этого финансовая модель ВОК изначально базировалась на участии как можно большего числа граждан и организаций. Вместе они должны были обеспечивать регулярный денежный поток в кассу Общества. Необходимость как можно более скорого возврата средств государству привела к тому, что Общество при помощи государственных и окологосударственных структур, которые являлись формальными основателями ВОК, а также органов партии попало в зависимость от платежей предприятий и организаций. Они становились участниками ВОК на правах коллективных членов. Такой статус не влек за собой никаких преференций и являлся формой дополнительной социальной финансовой нагрузки на юридических лиц. Это стало слабым моментом: коллективные книголюбцы уплачивали взносы нерегулярно. Постепенно за счёт роста численности индивидуальных членов доход ВОК всё больше формировался благодаря вкладу простых любителей книги, а также развитию платных видов деятельности.

Большая бюрократическая структура была интегрирована государством в читательскую культуру. Она вобрала в себя инициативы и форматы, которые родились за десятилетие с лишним, развивались снизу эволюционным путём. ВОК должно было выступить катализатором, который мог бы одновременно ускорить процессы в читательской сфере и поставить их под контроль. Благодаря Обществу количество клубов читателей, народных книжных магазинов и университетов увеличилось кратно в сравнении с 1960-ми гг. В то же время, Общество включалось в неформальные сети распределения литературы и перенимало негативные черты и практики советской книготорговли.

Общество книголюбов стало пространством компромисса, местом пересечения интересов советского человека, бюрократии массовой организации, государства и партии. Номенклатура Общества заботилась об экономическом благополучии структуры и соответствии дел организации плановым показателям, а также идеологическому курсу. Книголюбы на деле руководствовались разными интересами, комплексом причин: кто-то получал дополнительные знания и навыки в народных университетах, посещал лекции, творческие встречи, мероприятия Общества. Другие реализовывали свои коммуникативные потребности на заседаниях клуба книголюбов, читательских конференциях и т.д. Иные видели в Обществе дополнительную возможность приобрести книгу, но и здесь на всех их не хватало. Книголюбы-активисты искали в организации возможности к творческой самореализации, получали автономию, которая не являлась широкой и была ограничена идеологией. Как правило, мотивы пересекались друг с другом, выстраивая персональные комбинации отношения к ВОК у участников.

Государство и партия получали дополнительное подтверждение лояльности со стороны граждан. Книголюбы вовлекались в обусловленную идеологией деятельность ВОК. Они же дополняли её своим содержанием. Поэтому, к примеру, лекционная программа Общества представляла собой микст из тем общекультурной, книговедческой и официозной направленностей. В этом отношении все призывы к изменению читательской культуры, исходящие от организации книголюбов, также должны были являться гибридными и компромиссными, сочетающими моменты сложившегося положения и обусловленных режимом ориентиров. В следующем параграфе будет рассмотрен дискурс ВОК в отношении мероприятий Общества и курса на вовлечение домашних библиотек в общественный оборот.

2.3. Домашняя библиотека в дискурсе ВОК как способ изменить читательскую культуру

Общество книголюбов было создано государством для того, чтобы повлиять на читателей, изменить тенденции, складывающиеся в читательской культуре. Дидактические полномочия, вмененные организации книголюбов сверху и закрепленные в главном её документе – Уставе, находили своё выражение в наборе практик, которые складывались в направления работы ВОК. Частично они были проанализированы в предыдущих параграфах.

Одной из уставных задач Общества любителей книги объявлялось содействие «организации более интенсивной оборачиваемости книги и книгообмена, включая личные собрания книголюбов»¹. Эффективное использование книжных богатств обеспечивалось за счёт общественного книгораспространения, участия ячеек ВОК в изучении читательских предпочтений для книготоргов, популяризации фондов массовых библиотек, привлечения книголюбов к возврату в библиотеки задержанных читателями книг, распространения знаний об элементарном ремонте изданий и т.д.

В этом параграфе Всесоюзное общество книголюбов рассмотрено в качестве дискурсивного феномена. Главным предметом для анализа стал ещё один элемент повышения эффективности работы книги со стороны организации – кампания по вовлечению личных библиотек в общественный оборот, а именно тексты о читателях и личных книжных собраниях, которые выходили под эгидой ВОК, либо были посвящены любителям книги – членам Общества.

Предположу, что рекомендации, методические указания и ссылки на образцовые и конкретные практики являлись составными частями позднесоветской идеальной модели чтения и потребления книги с точки

¹ Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 109.

зрения власти. Руководство Общества, государство и партия рассчитывали на широкое участие читателей в ней.

Организация любителей книги вступала в прямую или опосредованную коммуникацию с членами ВОК и остальными читателями, прежде всего с помощью текстов, которые складывались в его дискурс. Из каких частей он состоял? Каким моментам, элементам чтения и работы с библиотекой авторы уделяли особое внимание? Насколько далеко они заходили в частное пространство советского человека в своих текстах? Кроме того, официальный дискурс государства в сфере чтения, частью которого был дискурс ВОК, конечно, являлся доминирующим и поэтому гегемонистским. Он был способен на интервенцию. Это можно было увидеть на примере проверки клубов любителей фантастики со стороны КГБ в первой половине 1980-х гг.¹. Но данное происшествие было исключением в границах ВОК – большинство книголюбов не выходило за пределы официальной культуры, либо их действия не расценивались как враждебные по отношению к режиму. Кейс КЛФ в этом отношении, а также в контексте теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа обозначает ещё один важный вопрос: какие элементы вытеснялись за границы официального дискурса в сфере чтения и объявлялись, таким образом, антагонистичными по отношению к нему?

В рамках параграфа, в первую очередь уделено внимание анализу образа отношения книголюбов к книгам, затем – рекомендаций по работе с домашней библиотекой. Кроме того, рассмотрены примеры действий книголюбов, которые позиционировались в литературе ВОК, в изданиях и текстах про книголюбов в качестве образца для массового советского читателя. Информация о персонифицированных примерах наряду с параметрами образцовой домашней библиотеки озвучивалась на съездах, размещалась на страницах «Книжного обозрения», публиковалась в отчётах, документах и методических пособиях и т.д. Данные реплики, упоминания и

¹ См. предыдущий параграф.

комментарии, хотя и разнятся по месту публикации и обстоятельствам презентации, позволяют сложить идеально-типическую модель чтения и, более широко, потребления книги, которая предлагалась с помощью ВОК для советских читателей со стороны власти. В качестве источника использовались методические пособия, материалы съездов, периодики и т.д. Для анализа были привлечены тексты, документы, которые выходили на уровне союзной и республиканских организаций. Такой территориальный ракурс позволяет увидеть основные дискурсивные контуры проекта по вовлечению домашних библиотек в общественный оборот.

Всего в источниках в ходе исследования удалось найти более сотни персонифицированных упоминаний¹ книголюбов. Часть из них презентовались авторами не подробно, в одном ряду с другими. Иные случаи рассмотрены более основательно. Им в данном исследовании уделено особое внимание.

Домашняя библиотека объявлялась родовой чертой любителя книги при условии обращения к ней как к источнику информации. Аргументация строилась в том числе на отрицании библиофильских практик, которые объявлялись пережитком прошлого. Так Б.И. Стукалин в ходе Учредительного съезда отмечал: «У советского книголюбца совсем иной взгляд на собирательство. На смену книголюбцу-индивидуалисту, библиофилу-отшельнику былых времен пришел любитель книги нового типа»². В свою очередь, сами библиофилы, которые выступали в качестве ядра внутри новой организации, четко разделяли «книголюбие» и библиофильство, помещая первое в более широкий контекст. Советский математик и библиофил А.И. Маркушевич писал: «И всё же можно ли массовое движение книголюбов с его замечательным настоящим и прекрасными видами на будущее приравнять к библиофильству [...]»?

¹ Под упоминанием книголюбов в данном параграфе подразумевается любая информация о персоналиях в привязке к их библиотекам.

² Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 25

Полагаю, что нет». Он же выдвинул две черты, отличающие библиофила от книголюбца: библиофил буквально окружает себя книгами, ценит книгу как предмет материальной культуры»¹.

Характерная закрытость являлась частью образа библиофильства и не могла получить публичной поддержки со стороны новой организации. Массовое движение было обращено к массовому читателю, и поэтому по умолчанию в него могли войти максимально широкие слои читающей публики. Так, составители одного из пособий риторически замечали: «Нередко спрашивают, каких книголюбцов среди <...> членов ВОК – больше? Несомненно, это прежде всего категория «просто читатели и собиратели». Эта многочисленная группа людей разных возрастов и профессий пополняется ежедневно...»².

Читатели, которые хотели бы называться книголюбцами, должны были быть максимально открытыми, социализированными. Библиотека в данном контексте становилась инструментом достижения этой открытости. Отсутствие желания делиться книгой оценивалось негативно. Председатель Центрального Правления ВОК, академик И.В. Петрянов-Соколов высказался по этому поводу на III съезде организации (1984): «Каким же контрастом предстают книжные плюшкины, превращающие книгу в предмет накопительства, купли-продажи! С такими горе-книголюбцами нам предстоит немало поработать»³.

Внимание к библиотеке советского читателя со стороны большой общественной структуры, предположу, маркировало позицию государства в сфере чтения в позднее советское время. Власть переносила груз ответственности за проблемы, такие как дефицит книг, на простого человека. Авторы от Общества объявляли причиной нехватки изданий не столько несоответствие спроса и предложения на советском книжном рынке, сколько

¹ Альманах библиофила. Выпуск второй. – М., 1975. – С. 25.

² Книга в культурной жизни Москвы. – М., 1987. – С. 176.

³ Материалы III съезда Всесоюзного общества любителей книги. – М., 1985. – С. 14.

«неправильное» использование книги: «Проблема удовлетворения спроса на книгу – это не только необходимость простого количественного увеличения выпуска литературы, но, на наш взгляд, может быть, не в меньшей мере, – проблема и дальнейшего повышения ее научно-теоретического, художественного уровня и проблема более эффективного использования имеющихся в стране фондов»¹.

Один из выходов из ситуации неэффективного использования книги и нехватки литературы руководители ВОК видели в обобществлении личных собраний членов Общества. В этом отношении важными становились состояние и состав библиотек, статус их владельцев, а также способность книжного собрания удовлетворить интересы окружающих.

Общество любителей книги давало достаточно подробные рекомендации по обращению с книгами. Это касалось, к примеру, порядка их реставрации, организации библиотеки, ведения каталога, борьбы с врагами бумаги – пылью, плесенью и насекомыми. Кроме того, дискурс ВОК содержал советы по подбору специальной мебели. Так, методисты Общества видели оптимальным использование книжных стеллажей, а не книжных шкафов, так как книга становилась более доступной для пользования². Стеллажи, в свою очередь, рекомендовалось составлять из семи полок не более одного метра в длину. В качестве общепринятой читателям «Краткого справочника книголюбца» презентовалась глубина полок в 22 см, а высота между ними должна была включать 3–4 сантиметра от книги до вышестоящей полки соответственно³. Авторы более ранней редакции этого же пособия считали, что книжные стеллажи легко собирать из полок производства ЧССР⁴.

¹ Костаков А.Н. Всесоюзное общество любителей книги и его роль в повышении эффективности использования книжных фондов. Тезисы доклада для Третьей Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения «60 лет советской книги». – М., 1977. – С. 5.

² Осипов В.О. Что нужно знать каждому о домашней библиотеке. – М., 1978. – С. 36.

³ Краткий справочник книголюбца. – М., 1984. – С. 255.

⁴ Краткий справочник книголюбца. – М., 1976. – С. 99.

Составители справочников и методичек разделяли внимание читателей к эстетике книги. Нормальными считались «желание и умение так организовать свою библиотеку, чтобы ею удобно было пользоваться, чтобы она украшала жилое пространство. Хороша только такая домашняя библиотека, <...> которая облагораживает комнату, а не захламляет её»¹. Более того, собрания сочинений в одинаковом оформлении стоило бы выбрать «наиболее видное место»².

Количество книг в библиотеке должно было определяться потребностями в чтении, в книге как в источнике информации. По мнению составителей справочных пособий, существовал один общий критерий: «библиотека тем лучше, чем меньше в ней книг, которые после прочтения ставятся на полку и больше с нее не снимаются»³. Количественный оптимум личного собрания не был определён точным числом изданий. Однако признавалось, что домашние библиотеки в сотню книг были редкостью. Авторы одного из пособий устанавливали верхнюю планку следующим образом: «Если ваша библиотека может насчитывать 500–600 книг, то уж больше 1000–1200 томов в ней быть не может»⁴.

Коллекции, которые включали 5–10 тыс. изданий, уже признавались крайностью⁵. Тем не менее случаи самопожертвования ради книг преподносились, скорее, в качестве позитивных примеров, и иногда могли принимать форму притчи, подобно этой: «<...> один московский учитель сначала выбросил из дома шкаф, потом стол, наконец – кровать. И остался на раскладушке, посреди стоящих и висящих самодельных стеллажей, которых все время не хватало, хотя он собирал только самое–самое, жизненно для

¹ Краткий справочник книголюбца. – М., 1984. – С. 254.

² Указ. соч. – С. 256.

³ Домашняя библиотека. Методические рекомендации в помощь организациям Общества и библиотекам по привлечению книг из личных собраний трудящихся в общественное пользование. – Киев, 1988. – С. 5.

⁴ Осипов В.О. Что нужно знать каждому о домашней библиотеке. – М., 1978. – С. 17.

⁵ Домашняя библиотека книголюбца. Комплектования и хранение. Методическое пособие. – Таллин, 1977. – С. 5.

себя необходимое»¹. В этом плане, с точки зрения авторов, проще было ориентироваться не на то, какое количество книг должно быть в библиотеке, а на рациональную дневную норму чтения: «Если ежедневно читать по 50 страниц, то за всю жизнь можно прочесть примерно 3 тысячи двухсотстраничных книг»^{2,3}.

Эти и подобные рекомендации от Общества книголюбов были адресованы широкому кругу трансформирующейся читательской публики, разным её возрастным когортам. Методисты ВОК определяли самые общие контуры воображаемой домашней библиотеки. Советы не касались публичной сферы, но претендовали на трансформацию, приведение в порядок частного пространства любителей книги: комнат, книжных шкафов и т.д. Референтными практиками в данном случае выступали те, что были характерны для массовых библиотек или книжных магазинов. К примеру, читателям рекомендовалось вести бумажные каталоги, которые объявлялись «свидетельством её вдумчивой организации»⁴, а также делить библиотеку на отделы и рубрики⁵.

Составители текстов от Общества легитимировали сложившуюся к этому времени культуру чтения и такую ее характеристику, как склонность граждан к накоплению книг у себя дома. Репертуар также должен был зависеть от увлечений человека, его профессии. В этом отношении ВОК через своих авторов брало на себя роль организатора и рационализатора чтения.

¹ Словарь юного книголюбца. – М., 1987. – С. 75–76.

² Домашняя библиотека книголюбца. Комплектования и хранение. Методическое пособие. – Таллин, 1977. – С. 5.

³ Напомню, что по разным оценкам в домашних библиотеках скопилось в поздний советский период от 5 до 50 млрд книг. Большинство личных собраний (57,2%), по данным социологов, содержали от 100 до 1000 книг. Свыше 1000 книг было в 13,3% домашних библиотек / Жабский М.Н., Афасижев М.Н. Состояние и основные итоги социологического исследования аудитории книги в СССР (60-70-е годы) // ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 2. Д. 164. Л. 63.

⁴ Осипов В.О. Что нужно знать каждому о домашней библиотеке. – М., 1978. – С. 39.

⁵ Краткий справочник книголюбца. – М., 1984. – С. 258.

Признание доминирования художественной литературы в домашних библиотеках – общее место для всех текстов. Однако в иерархии тематического состава, а также при расстановке книг в пространстве методистами ВОК ей отводились не первые позиции. «Топовым» по значению и непреложным элементом каждой библиотеки должны были быть актуальные политические издания, а также труды основоположников марксизма–ленинизма. По мнению авторов одной из методичек, «каждому советскому человеку необходимо постоянное обращение к подобным изданиям с учебной, профессиональной целью, либо для политического образования»¹.

Такая нативная пропаганда идеологии через дискурс ВОК вместе с проявлением лояльности по отношению к сложившейся структуре домашних библиотек обозначала принципы компромисса, на который готова была пойти власть в сфере чтения. Личные и профессиональные книжные интересы должны были сочетаться не с формальным, а деятельным вовлечением в идеологию, ведь принцип постоянного обращения к изданиям распространялся на все книги без исключения.

В контексте решения задачи по включению в общественный оборот домашних библиотек книголюбам рекомендации по составу и расстановке личных собраний становились минимальными требованиями к ним. Исходя из логики оправданного минимума в несколько сотен изданий, его превышение в рамках своей библиотеки могло быть оправдано только более интенсивным использованием библиотеки кем-то помимо его владельца. Собранные советскими гражданами книги должны были становиться доступными для других читателей, в первую очередь для ближнего круга – соседей и коллег по работе.

¹ Домашняя библиотека. Методические рекомендации в помощь организациям Общества и библиотекам по привлечению книг из личных собраний трудящихся в общественное пользование. – Киев, 1988. – С. 6.

Старт кампании по распространению через Общество практик предоставления личных собраний в общее пользование был дан в 1977 г., когда проект стал предметом обсуждения Пленума Центрального правления ВОК. В рамках заседания были обозначены пути включения домашних книг в общественный оборот: обмен книгами, составление карточек изданий из книжных запасов граждан, использование данных изданий для публичных мероприятий – выставок, лекций, читательских конференций¹.

Отдельное документальное оформление инициатива получила на два года позже в виде совместного постановления ВОК и коллегии Министерства культуры СССР, союзного Госкомиздата, Секретариата ЦК ВЛКСМ «О привлечении в добровольном порядке литературы из личных собраний в общественное пользование и оказание шефской помощи библиотекам новостроек и села»². Составители документа отмечали, что, несмотря на принятие органами культуры ряда мер по улучшению библиотечного обслуживания, «определенная часть общества не привлечена к чтению, отдельные библиотеки не полностью удовлетворяют широкие запросы трудящихся на общественно-политическую, научно-техническую, сельскохозяйственную, детскую книгу, произведения классической и современной художественной литературы, справочно-энциклопедические издания»³.

Позже нормативная база проекта расширялась. Так, в 1980 г. были утверждены порядок и условия поощрения активистов-книголюбов, пожертвовавших книги на стройки, в библиотеки и т.д., а также предоставивших библиотеки в общественное пользование. Помимо стимулирования в виде грамот и благодарственных писем от Общества книголюбов и организаций-основателей, владельцы библиотек могли

¹ Народное достояние. Из опыта работы Всесоюзного добровольного общества любителей книги по эффективному использованию книжных фондов. – М., 1985. – С. 9.

² Разделенная радость. Очерки о личных библиотеках, открытых для общественного пользования / сост. А.П. Марин, К.И. Аштаменко. – М., 1985. – С. 92.

³ Материалы II съезда Всесоюзного общества любителей книги. – М., 1980. – С. 151.

получить книги из 30%-ного лимита подписок, которые выделялись для трудовых коллективов местными книготоргами, а также право на безвозмездные услуги по ремонту и переплету книг на предприятиях ВОК. Был также установлен и предел поощрения – не более 50 руб. в год¹. В 1981 г. было подписано совместное Циркулярное письмо Общества книголюбов, ВЦСПС и Министерства культуры СССР «Об активизации работы по привлечению книг из личных собраний в общественное пользование», которое включало требование к низовым организациям усилить работу по предварительному сбору информации о домашних библиотеках².

Основная работа по открытию личных библиотек проводилась на уровне местных организаций. Включению новых владельцев в открытую сеть «частных общественных» книжных собраний способствовали инициативы республиканских добровольных организаций, такие как смотры-конкуры личных библиотек, которые проводились в РСФСР ежегодно с 1980 г.

Для обобщения опыта Центральное правление ВОК провело 17–19 ноября 1981 г. Всесоюзную встречу активистов Общества, открывших доступ к своим книгохранилищам. По итогу семинара его участники обратились с призывом к советским книголюбам «эффективнее использовать книжные богатства страны», а также теснее сотрудничать с Обществом, государственными и профсоюзными библиотеками³.

Дискурс открытия домашних библиотек содержал информацию о том, в каких форматах оно могло произойти. По степени обобществления представляется возможным разделить сюжеты об обобществлении на три уровня. На самом нижнем находились истории про книголюбов, которые передавали свои книги во временное пользование коллегам по работе или соседям без непосредственного доступа к своей коллекции. Ярким образцом

¹ Разделенная радость. Очерки о личных библиотеках, открытых для общественного пользования / сост. А. П. Марин, К. И. Аштаменко. – М., 1985. – С. 97.

² Указ. соч. – С. 101.

³ Книжное обозрение. – 1981. – № 48. – С. 14.

такого подхода являлась практика создания бесфондовых библиотек. Они работали следующим образом: владельцы книг составляли каталог и предоставляли его в общее пользование. Желая получить то или иное издание обращался к его хозяину, и тот должен был выдать книгу на определенный срок. В качестве реально действующего примера в дискурсе ВОК подавались книголюбцы Елгавского машиностроительного завода (ЛатССР). Они с середины 1970-х гг. организовывали группы читателей по цехам и назначали ответственных библиотекарей для сбора информации о книжных богатствах коллег¹.

На уровень выше находились тексты о любителях книги, которые отдавали часть библиотеки в пользу нуждающихся либо, в случае обладания ценной коллекцией, в культурные, образовательные и исследовательские учреждения. Примеры таких пожертвований могли относиться к периоду до основания ВОК. Каждый случай передачи книг презентовался в привязке к человеку, его статусу и месту жительства. Как правило, дарители занимали высокое положение в обществе и проживали в крупных культурных центрах. К ним, к примеру, причисляли профессора Киевского политехнического института В.В. Огиевского, который завещал библиотеку своему вузу².

Также в положительном ключе рассматривался поступок академика и поэта И.Г. Гришашвили, который разыскал все издания поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и передал их Академии наук Грузинской ССР³. Жертвовали книги в публичные фонды не только представители научной элиты, но и статусные представители рабочих профессий. Таким был, по свидетельству авторов от ВОК, бригадир хлопководческой бригады совхоза имени Саркисова Душменского района Джизакской области УзССР, делегат XXVII съезда КПСС, герой

¹ Смена. – 1986. – № 6 (1412). – С. 11.

² Материалы к отчету Центрального правления ВОК II съезду Всесоюзного добровольного общества книги. – М., 1979. – С. 15.

³ Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 24.

социалистического труда И. Абдуллаев, который передал общественности четыре сотни книг¹.

Демократичность практик дарения должны были усилить образы «рядовых» советских граждан. К таким относился молодой рабочий камвольно-суконного комбината в Краснодаре А. Стазаев, который возглавил организацию книголюбов во второй половине 1970-х гг. и предложил к чтению соседям по общежитию 3 тыс. своих книг². Также показателен был пример пенсионерки М.Г. Мордохянц из Молдавской ССР, которая пожертвовала свои издания в ближайшую школу для создания общественной библиотеки³.

Последний отличался тем, что рассылал книги из своей коллекции по разным городам страны. Бывшему учителю удалось собрать издания, за отправку которых он получал благодарность музейных учреждений из многих точек СССР. Так Н. П. Трухин предоставил музею В. В. Маяковского экземпляр книги «Птичница Агафья» К. Л. Лукашевич, которая не понравилась будущему поэту в шестилетнем возрасте, повлияв на литературные вкусы литератора. Кроме того, книголюб подарил Государственному музею народов Востока несколько недостающих экземпляров из многотомного собрания «Тысячи и одной ночи», вышедшего в начале XX в⁴. Также пенсионер-книжник отправлял издания в ответ на объявления о поиске в рубрике «Читатель–читателю», которая выходила на страницах «Книжного обозрения». С одаряемыми Н.П. Трухин вступал в активную переписку. Сам книжный благотворитель вел аскетичную жизнь в однокомнатной квартире, в которой находились две сотни самых важных

¹ Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – С. 142.

² Книжная торговля. Обзорная информация. Вып. 3 (25). Всесоюзное общество книголюбов. – М., 1978. – С. 9.

³ Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – С. 59.

⁴ Разделенная радость. Очерки о личных библиотеках, открытых для общественного пользования / Сост. А. П. Марин, К. И. Аштаменко. – М., 1985. – С. 17.

томов для пенсионера. По этому поводу материал о нём содержал реплику: «Считаю себя не вправе держать эти драгоценные реликвии у себя дома»¹.

Любителей книги на первых двух уровнях объединяло сохранение приватности пространства домашних библиотек. Публике открывалась только часть собрания. Умеренное обобществление в случае бесфондовых библиотек решало локальную проблему с нехваткой книг, но ставило других в зависимость от желания участвовать в общественном проекте со стороны владельцев. Передача книжных коллекций в чью-либо пользу в этом плане выставлялась как возвышенная практика, которая часто решала другую, более глобальную задачу – пополнение культурного богатства страны за счёт личной инициативы.

Однако дидактика дискурса массовой организации была направлена на массового же читателя. Примеры дарения легитимировали собирательство книг по определенной теме, признаку для массового читателя – эта практика презентовалась в качестве общедоступной. Вероятно, поэтому авторы пособий оставляли в стороне тот факт, что статусные жертвователи часто являлись библиофилами. Источники пополнения обширных коллекций также не раскрывались.

Идея отчуждения личного ради общего блага ещё больше раскрывалась в текстах о полном открытии домашних библиотек в качестве общественных. На этом уровне владельцы книг не только передавали в пользование окружающим свою библиотеку, но и жертвовали приватным пространством ради обеспечения доступа к ней. Помимо элемента рациональности здесь шла речь ещё и о личных качествах (благородстве) любителей книги: «Организации Обществ уже имеют примеры благородной инициативы книголюбов, открывших свои личные библиотеки для общественного пользования, чем не только поставили на службу Общества свои книжные богатства, но и отдают свое свободное время и силы делу пропаганды книги.

¹ Разделенная радость. Очерки о личных библиотеках, открытых для общественного пользования / Сост. А. П. Марин, К. И. Аштаменко. – М., 1985. – С. 18.

Делают это они бескорыстно, не претендуя ни на поощрение, ни на известность»¹.

Советские граждане открывали свои квартиры и дома для соседей и сослуживцев как в городах, так и в сельской местности. Примеры подобных практик распределялись по карте СССР неравномерно. В столице и крупных городах – центрах советских республик, а также на селе полное открытие личных библиотек было редкостью. Чаще авторы методичек ВОК писали о пространстве средних и малых городов.

Показательны в этом отношении примеры деятельности Т.И. и Е.Я. Демичевых из Курска, а также книголюба А. Бобоходжаева из города Ура-Тюбе (Таджикская ССР), которые отдали часть своих домов под библиотеку. Оба случая требуют отдельного рассмотрения.

Фигуры курских супругов-пенсионеров и фармацевта из Средней Азии были не последними для организации книголюбов: Е.Я. Демичева являлась почетным делегатом III съезда ВОК (1984), а А. Бобоходжаев входил в состав Центрального правления по итогам II съезда (1979).

Согласно текстам о Т.И. и Е.Я. Демичевых, создание библиотеки в их доме стало результатом участия учителей-пенсионеров в деятельности комитета активистов улицы Красной Армии в Курске с начала 1960-х гг. Мотив к открытию библиотеки – благодарность семье окружающим людям за помощь во время Великой Отечественной войны². Соседи по улице стали целевой аудиторией новой библиотеки. Комплектование изданиями происходило за счёт вливания списанных фондов из государственных книгохранилищ, а также пожертвований со стороны соседей и равнодушных дарителей со всей страны. Благодаря организации

¹ Костаков А.Н. Всесоюзное общество любителей книги и его роль в повышении эффективности использования книжных фондов. Тезисы доклада для Третьей Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения «60 лет советской книги». – М., 1977. – С. 11.

² Разделенная радость. Очерки о личных библиотеках, открытых для общественного пользования / Сост. А. П. Марин, К. И. Аштаменко. – М., 1985. – С. 25.

школьного клуба книголюбов при общественной библиотеке, изношенные книги удавалось восстановить и включить в общественный фонд.

Дискурс ВОК содержал характеристики книжного собрания Демичевых на рубеже 1970–1980-х гг.: «десять тысяч книг, более восьмисот читателей. За год ими выдается 24 тысячи книг»¹. В этом отношении общественная библиотека обгоняла массовые по среднему показателю книговыдачи, которая в начале 1980-х гг. равнялась 21 книге в год на человека². В то же время тексты ВОК не содержат подробностей о составе книжного собрания. Однако фондов библиотеки хватало, чтобы устраивать выставки и мероприятия, связанные с важными фигурами и феноменами советской истории, – В.И. Лениным, революцией 1917 г. и т.д.

Библиотека Демичевых в текстах ВОК помимо функции книгохранения и читального зала играла роль центра активности местного сообщества. Кроме школьного клуба в доме этих пенсионеров к сорокалетию Курской битвы был устроен штаб по сбору данных о судьбе жителей улицы в годы войны. Инициативная группа обошла 108 домов. Полученные материалы стали предметом обсуждения в рамках серии встреч, бесед и выставок на базе домашней библиотеки³.

А. Бобоходжаев обладал меньшим книжным собранием: оно состояло из 8000 изданий, а читателями являлись несколько сотен человек⁴. Согласно официальной легенде, целенаправленно собирать книги он стал в период учебы на фармацевта в 1950-х гг., а до этого он не имел собственной библиотеки и работал на базаре, где книжные страницы использовали для фасовки табака и ремонта обуви⁵. Если открытие общественной читальни в

¹ Книга в нашей жизни. – М., 1983. – С. 23.

² Книга и чтение в зеркале социологии / под ред. В. Д. Стельмах, Н. К. Лобачева. – М., 1990. – С. 36.

³ Разделенная радость. Очерки о личных библиотеках, открытых для общественного пользования / сост. А.П. Марин, К.И. Аштаменко. – М., 1985. – С. 30.

⁴ Горбачевский Б.С. В стране книголюбов. – М., 1979. – С. 57.

⁵ Разделенная радость. Очерки о личных библиотеках, открытых для общественного пользования / сост. А.П. Марин, К.И. Аштаменко. – М., 1985. – С. 40.

Курске презентовалось в дискурсе ВОК как акт благодарности окружающим, то история А. Бобоходжаева объяснялась иными мотивами.

Авторы от ВОК делали акцент не только на преображении героя публикаций, но и на тех изменениях, которые приносила общественная библиотека в пространство советского среднеазиатского города. Речь шла о цивилизационном скачке, который обеспечивал распространение практик чтения в традиционной среде Ура-Тюбе. Метаморфозы локальной читающей публики проходили в рамках советской культуры, официальной идеологии и под прямым контролем местного отделения партии, так как именно к ним со своей идеей в первую очередь обратился инициативный фармацевт¹.

Очерк доносит до нас состав народной библиотеки в Ура-Тюбе: она была разбита на десять разделов, к первому из которых относились издания основоположников марксизма-ленинизма. Кроме них в собрании были представлены русская классика на русском и таджикском языках, таджикские и узбекские классические произведения, советская литература, справочники и энциклопедии, фольклор, а также книги по медицине и фармакологии – профессиональным для А. Бобоходжаева областям деятельности. Такая структура соотносилась с моделью библиотеки, пропагандируемой через ВОК.

Пространство двух комнат, которые были отданы для посетителей библиотеки, напоминало «казенное книгохранилище»², что являлось, несомненно, комплиментом со стороны автора текста. Подкрепляло такой формальный статус ведение формуляра читателей, а также строго регулярный график работы – дом А. Бобоходжаева был открыт по вечерам в будни, а в выходные – целые дни. Среди посетителей выделялась не только традиционная для публичных библиотек публика – школьники и студенты, работники образования, но и представители власти – деятели городского

¹ Разделенная радость. Очерки о личных библиотеках, открытых для общественного пользования / Сост. А. П. Марин, К. И. Аштаменко. – М., 1985. – С. 41.

² Там же. – С. 43.

исполнительного комитета и местного парткома. Последние признавали, что не могли найти книги в городской библиотеке, в то время как в народном книжном собрании они, как правило, были¹.

От публичной библиотеки инициатива А. Бобоходжаева отличалась тем, что библиотекарем выступал обычный горожанин. Отсутствие формальных барьеров, радушное отношение хозяина в дискурсе ВОК превращало книжное собрание А. Бобоходжаева в ещё одно пространство для общения, наряду с традиционными местами повседневной коммуникации, принятыми в этой территории, такими, как чайхана или колодец.

В этом отношении книга становилась символом модернизации наряду с другими чертами наступающей цивилизации: «Теперь же в домах – водопровод, специально за водой ходить не надо. Да и средства массовой информации развиты настолько, что не требуется чайхана. И книга стала собирать, объединять вокруг себя людей разных профессий, возрастов, национальностей»². Библиотека А. Бобоходжаева являлась общим делом ещё и потому, что собиралась за счёт вкладов читателей, которые покупали по второму экземпляру для пожертвования в общественное книгохранение.

По той же схеме были скроены образы многих других любителей книги. К примеру, педагог из г. Зеи Амурской области РСФСР Э.П. Лакстигал, которая открыла библиотеку для своих учеников и жителей города³. Её коллега по ремеслу директор школы Н.Х. Жилиев из села Заюково Баксанского района Кабардино-Балкарской АССР отдала две комнаты из четырёх под общую читальню⁴. К этой же группе относилась В.М. Попова из г. Шахтинска Карагандинской области КазССР, три дня в неделю по вечерам предоставлявшая доступ всем желающим к семи с половиной тысячам

¹ Разделенная радость. Очерки о личных библиотеках, открытых для общественного пользования / сост. А. П. Марин, К.И. Аштаменко. – М., 1985. – С. 46.

² Там же. – С. 45.

³ Там же. – С. 55.

⁴ Там же. – С. 80.

изданий и журналов в её квартире¹. И.И. Данилевич, агроном колхоза «40 лет Октября» Ивановского района Брестской области БССР также открыл двери для односельчан в дом, где было собрано 1700 изданий. Использование библиотеки последнего, согласно дискурсу ВОК, позволило членам коллективного хозяйства прийти к выводу, что «традиционная обработка почвы плугом уже устарела и не дает нужных результатов». В результате колхоз И. И. Данилевича первым в области отказался от плуга и заменил его плоскорезом, что привело к повышению урожайности².

На первый взгляд, идея того, что личное может стать общественным, противостояла обратной тенденции – накоплению книг в домашних собраниях. Организация книголюбов в этом отношении предлагала последовательный компромисс: формирование собственной библиотеки можно было оправдать, во-первых, определенной тематической структурой коллекции, учитывающей идеологическую составляющую, и обязательным наличием литературы, связанной с профессиональной деятельностью, во-вторых, открытием её для окружающих.

Формула компромисса имела территориальные различия. Пространство за границами столиц союзных республик, Москвы и крупнейших городов презентовалось в дискурсе ВОК как культурный фронт в плане читательской инфраструктуры. Продвижение модели бесфондовых и общественных библиотек на базе частных домовладений являлось косвенным признанием невозможности удовлетворить читательские интересы большинства населения с помощью системы книготоргов и публичных библиотек в самых разных уголках страны, таких как среднеазиатские и кавказские села, прибалтийские и дальневосточные центры индустрии, союзные стройки вроде БАМа и даже относительно крупные города РСФСР. Ответственность за обеспечение читателя нужной литературой переносилась, таким образом, либо на слаженные коллективы, как в случае работников

¹ Материалы II съезда Всесоюзного общества любителей книги. – М., 1980. – С. 7.

² Материалы III съезда Всесоюзного общества любителей книги. – М., 1985. – С. 63.

Елгавского машиностроительного завода, либо на энтузиастов, которые становились во главу локальных читательских сообществ и жертвовали своим книжным собранием ради общественных целей.

Перед Всесоюзной организацией книголюбов стояла задача масштабировать¹ такое явление, как общественная (народная) библиотека и частично поставить под контроль неофициальный оборот книги, который складывался за пределами формальной системы книготоргов и публичных книгохранилищ. Домашние библиотеки должны были стать дополнением к системе государственных и ведомственных учреждений – им отводилась по-прежнему ведущая роль.

По признанию руководства ВОК, проект по открытию личных книжных собраний к началу 1980-х гг. так и не стал популярным. В справке, направленной в адрес ЦК КПСС в 1979 г. признавалось, что «таких "открытых" личных библиотек пока по стране очень немного»². Позже, в 1981 г., в письме одному из возмущенных проектом граждан³ заместитель председателя ЦП ВОК И.А. Котомкин отвечал: «Открытие полностью или частично библиотек для товарищей по работе или месту жительства – более полная форма вовлечения личных библиотек в общественное пользование. Некоторые книголюбцы открыли двери своих библиотек для широкого круга читателей. Но таких книголюбов пока по стране немного – несколько сот, и работают они в тесном контакте и под контролем Общества книголюбов»⁴. Тем не менее, согласно данным Комитета народного контроля, в

¹ Как и в случае клубов любителей книги и других феноменов позднесоветской читательской культуры, существовавших накануне формирования Общества.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 278. Л. 21.

³ Он считал, что вовлечение в общественный оборот личных библиотек несло опасность: «В некоторых личных библиотеках благополучно стоят на полках религиозная литература, "творения" Троцкого и Солженицына, нелегальщина "самиздата" и "тамиздата" и другая макулатура, отнюдь не способствующая коммунистическому воспитанию трудящихся. <...> Думается, что призыв открывать для массового читателя частные библиотеки, неподконтрольные государственным, партийным и другим общественным органам, – ЭТО УЗАКОНЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКО-ДИВЕРСИОННЫХ БАЗ» / ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 431. Л. 45-46.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 431. Л. 42.

общественный оборот в разных формах к концу 1980-х гг. только в РСФСР были вовлечены более семи тыс. библиотек¹.

В контексте теории Э. Лакло и Ш. Муфф домашняя библиотека выступала в качестве узловой точки читательского дискурса, а образы персональных и коллективных книголюбов и их действий по отношению к своим библиотекам становились ключевыми знаками-моментами. Дискурс ВОК содержал ответы на вопросы о сохранении книги, о размещении её в доме, о рациональной структуре собрания, о том, как сделать из своего дома публичную библиотеку, но оставлял в стороне многое другое. За пределы дискурса – в область дискурсивности – авторы от Общества выносили актуальные для 1970–1980-х гг. элементы культуры чтения, которые становились, таким образом, моментами: через умолчание либо через критику и осуждение.

К ним относились неудовлетворительная работа публичных библиотек и книжных магазинов, неформальные практики приобретения и перепродажи книги, закрытость домашних собраний, существование нелегальной литературы и т.д. В то же время символическое и эстетическое значение книги, сложившиеся приоритеты в составлении личных коллекций, собирательство и коллекционирование по отдельным тематикам также находили свое оправдание внутри дискурса ВОК. Это был шаг навстречу простому советскому читателю.

Составители пособий акцентировали такие качества книголюбов и ценимые ими социальные категории, как рациональность, коллективизм, сознательность, полезность и благородство. Как базовые рекомендовались практики, характерные для публичных библиотек. Вместе с персональными достаточно подробно разработанными образами книголюбов методисты ВОК артикулировали модель потребления книги и чтения, которая основывалась

¹ ГАРФ. Ф. А259. Оп. 46. Д. 4652. Л. 10.

на культуре взаимного участия и находила свое выражение в обобществлении книжных богатств.

Смысл артикуляции, согласно дискурсивной теории Э. Лакло и Ш. Муффа, сводится к редуцированию, сокращению лишних смыслов и неопределенности. Предлагаемая через ВОК модель обращения с книжным потоком внутри советского общества противостояла стихийным тенденциям читательской культуры, которая уходила из-под контроля государства и партии. Вместо внесения ясности по поводу ключевых вопросов, актуальных для рядового читателя по поводу решения проблем дефицита и повышения разнообразия репертуара, ВОК продвигало «альтернативный» подход, который переносил ответственность за решение проблем сферы чтения на самих книголюбов.

Обобществление личных собраний, с одной стороны, оправдывало собирание книги, но с другой – предъявляло список дополнительных требований, приближающих домашние библиотеки к государственным / ведомственным. Дискурс ВОК по умолчанию не мог претендовать на универсальность: из-за больших зон умолчания – дискурсивности вокруг. В связи с этим кампания по вовлечению домашних книжных коллекций в общественный оборот не нашла широкого отклика ни среди участников Общества, ни среди других читателей и была свернута ко второй половине 1980-х гг.

* * *

Всесоюзное общество любителей книги являлось массовой организацией, которая была интегрирована в позднесоветскую читательскую культуру в середине 1970-х гг. За короткое время ВОК обзавелось разветвленной сетью отделений, штатной бюрократией, сложившимися ритуалами, системой отношений с библиотеками, книготоргами, предприятиями, учреждениями и т.д. Работа Общества поддерживалась не только самими членами движения, к примеру, в рамках политики самокупаемости, но и государством, и партией.

Будучи включенной сверху в читательскую культуру, организация любителей книги выполняла ряд важных для позднего советского режима функций. Через лекции, специальные пропагандистские мероприятия, распространение правил обращения с книгой, образов книголюбов и т.д. во второй половине 1970-х – 1980-х гг. ВОК формировало модель чтения, которая должна была сделать советских читателей более предсказуемыми для власти, что, однако, не решало родовых проблем сферы чтения, таких как дефицит.

ГЛАВА 3. ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ ПЕРЕД ЛИЦОМ АЛЬТЕРНАТИВ И ПЕРЕМЕН

3.1. Организация советских книголюбов в пространстве Восточного блока

Созданное в период «длинных» семидесятых, Общество книголюбов было позднесоветским не только официально, но и на деле. Его работе была присуща амбивалентность, характерная для социализма образца конца 1960-х – начала 1980-х гг. Действия, которые не сочетались с образцовой моделью чтения (см. предыдущую главу), критиковались руководством ВОК с трибун съездов и отчетных собраний, в письмах курирующим партийным и государственным органам, высмеивались в карикатурах на страницах центральной периодики и «Книжного обозрения», признавались неправильными в письмах, адресованных рядовым книголюбам и т.д.

В то же время формальные стороны работы ВОК, реализация идеологической повестки находились в тесной связи с непубличными правилами распространения популярных книг, распределением невостребованных изданий, выстраиванием сетей договоренностей, деятельной и не навязанной сверху низовой активностью читателей в рамках клубов книголюбов и т.д. – всем тем, что было за пределами витринной картины советского чтения, либо противоречило ей.

В этом контексте генеральный для данного исследования вопрос о причинах создания организации любителей книги, ее влиянии на читательскую культуру в период позднего социализма дополняется следующими: каким образом Общество книголюбов реагировало на альтернативы и перемены? Как ВОК выглядело в международном контексте в сравнении с организациями читателей за пределами СССР? Каким образом Общество любителей книги, а также сами книголюбывы адаптировались к масштабным социально-экономическим и политическим изменениям второй

половины 1980-х гг.? В соответствии с поставленными вопросами данная глава разделена на два параграфа. Первый посвящен сравнению работы ВОК и организаций-партнеров из социалистических стран. Во втором параграфе проанализирована трансформация деятельности Общества книголюбов в период перестройки, распада СССР и рыночных реформ в 1990-е гг.

С помощью общества книголюбов государство пыталось вернуть себе управление «новым» читателем. Это стремление пересекалось с задачей закрепления высокого символического статуса советской читательской культуры за пределами СССР. Образы разных сторон жизни советских людей для зарубежной публики были важной составляющей культурной дипломатии. В этом контексте Обществу книголюбов необходимо было обосновывать свое положение не только среди населения и прочих массовых добровольных структур, но и за пределами страны. Выстраивание отношений с организациями и учреждениями, отвечающими за управление читательской культурой, издательствами и библиотеками в других странах, с зарубежными объединениями читателей и тех, кто увлекается и занимается книгами профессионально, являлось одной из базовых задач для структуры любителей книги. Этот момент был зафиксирован уже в первой редакции Устава ВОК, согласно которому Общество должно было осуществлять «в установленном порядке – сотрудничество с зарубежными обществами любителей книги»¹.

Не менее важной потребностью для руководства и функционеров ВОК на начальном этапе его работы оставался поиск дополнительных оснований для собственной идентичности. Руководство книголюбов хотело уточнить место новой структуры с помощью обзора зарубежного опыта, изучить «отдельные положительные стороны работы органов книгоиздания и книгораспространения в деле пропаганды книги»², увидеть особенности

¹ Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 110.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 143. Л. 8.

работы структур, подобных ВОК, оценить их приемлемость и применимость в условиях СССР. Одновременно организация книголюбов с самого начала представляла доминирующую и модельную для пространства стран социализма официальную советскую культуру. Сотрудничество ВОК и организаций читателей, библиофилов, профессионалов сферы издания и распространения, а также обществ потребителей книжной продукции при издательствах зарубежных стран показывает яркие проявления советского режима в сфере чтения, его ценности и принципы, которые являлись важными для власти, лежали в фарватере официальной советской культуры и в основе подхода государства к внешней и внутренней культурной политике СССР.

Данный параграф посвящен анализу принципов работы в читательских объединениях других стран через призму плановой и отчетной документации советской организации книголюбов 1974–1984 гг. Предположу, что информация, которая была получена в ходе предварительного заочного изучения и поездок, выступала для высшей и средней номенклатуры Общества книголюбов на начальном этапе его существования как способ дополнительного самоопределения, формирования и утверждения собственной идентичности. Данные из архивов свидетельствуют, что круг подобных контактов был за редким исключением¹ ограничен организациями стран социалистического блока.

Основными источниками для данного параграфа стали планы по зарубежным контактам, отчёты о международных связях ВОК, которые Общество регулярно подавало в Министерство иностранных дел СССР, информация от советских дипломатов и т.д. Составленные советским канцеляритом, эти документы позволяют, во-первых, рассмотреть складывание системы отношений книголюбов с заграничными коллегами;

¹ Капиталистическими странами, куда отправились представители номенклатуры Общества любителей книги в первые 10 лет работы Общества были Швейцария в 1976 г. и Финляндия в 1981 и 1983 г.

во-вторых, сравнить работу ВОК с деятельностью подобных организаций стран социалистического блока, в-третьих, выявить черты ВОК как репрезентативного проекта в русле советской внешней культурной политики.

Налаживание отношений с заграничными коллегами началось уже в период формирования организации книголюбов – в конце 1973 – первой половине 1974 г. Первым шагом стал запрос, который был направлен от имени организационного комитета советским послам в социалистических странах: Чехословацкой социалистической республике (далее – ЧССР, Чехословакия), Венгерской народной республике (далее – ВНР, Венгрия), Польской народной республике (далее – ПНР, Польша), Народной республике Болгария (далее – НРБ, Болгария), Германской демократической республике (далее – ГДР, Восточная Германия) и т.д. Он содержал просьбу о получении полной информации о читательских объединениях в этих государствах. Текст писем был одинаковым, включал однотипные речевые обороты. Так к советскому послу в ЧССР В.В. Мацкевичу глава книголюбов академик Е.М. Жуков на рубеже 1974 и 1975 гг. обращался со следующей просьбой: «Центральное правление ВОК начало работу по установлению связей и сотрудничества с обществами книголюбов социалистических стран. В этой связи, Владимир Владимирович, просим Ваших рекомендаций – с какими организациями ЧССР мы могли бы сотрудничать по вопросам пропаганды книги и обмениваться опытом работы»¹.

За счет информации от дипломатов, а также по результатам запросов в министерства культуры социалистических стран у Центрального правления ВОК уже в 1975 г. в распоряжении была справочная информация о коллегах из ВНР, ПНР, ГДР, НРБ, ЧССР. Позже с ростом активности Общества книголюбов в течение второй половины 1970-х – начала 1980-х гг. в списке партнёров появились организации Социалистической республики Румыния (далее – Румыния, СРР), Монгольской народной республики (далее –

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 30. Л. 19.

Монголия, МНР), Куба, Социалистической Федеративной республики Югославия (далее – Югославия, СФРЮ).

Данные, полученные на начальном этапе, подтверждали уникальность советского подхода к формированию организации активных читателей: ни в одной из стран не существовало мегаструктуры, эквивалентной ВОК. Впоследствии наиболее близким к модели советской организации признавался опыт восточногерманских коллег из Культурного союза.

Установление прямых контактов началось в 1975 г.: руководство ВОК смогло принять делегации объединения польских книготорговцев, а также работников печати ГДР для обмена опытом в рамках Московской международной выставки «Книга – 1975»¹, которая состоялась в августе–сентябре. В закрепление своих намерений Центральное правление составило на 1976 г. план отправки и приёма делегаций, который был включён в план культурных связей Советского Союза с зарубежными странами: отправки пяти делегаций, а также приём шести. Первые поездки состоялись в 1975 г.

В это время складывались основные принципы международной деятельности Общества, которая была связана, в основном, с приёмом зарубежных и отправкой советских делегаций. Всего в первую пятилетку работы ВОК принимал и отправлял по три–пять групп в год. Во многие страны представители Общества ездили достаточно часто, к примеру, в ГДР и НРБ (прил. 9).

Визиты представителей ВОК, как правило, были приурочены к большим событиям, связанным с книгой и чтением. Одна из первых командировочных групп Общества, которая отправилась в Венгрию в конце мая – начале июня 1975 г., посетила открытие национальной недели книги², а уже в 1976 г. делегация ВОК приняла участие в Лейпцигской весенней книжной ярмарке (ГДР), Международной Польской книжной ярмарке, IX Международной

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

книжной выставке–ярмарке в Софии (НРБ)¹. Члены делегаций также познакомились с устройством системы печати и распределения книг, с деятельностью культурных объединений и клубов читателей.

В состав делегаций входили представители высшей и средней номенклатуры ВОК: члены Центрального правления, Президиума, инструкторы аппарата ВОК, руководители издательств, редакций, а также руководящий состав республиканских добровольных организаций книголюбов. Часто представители любителей книги ездили не самостоятельно, а в составе большой группы Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, играя отнюдь не второстепенные роли. К примеру, в мае 1976 г. первый заместитель председателя Центрального правления ВОК А.Н. Костаков возглавлял делегацию Госкомиздата СССР, которая посетила Венгерскую Народную Республику и приняла участие в неделе венгерской книги².

Встречали делегации советских книголюбов и их коллег руководители профильных министерств, учреждений и ведомств, а также культурных обществ и организаций, в том числе читательских объединений. Тот же А.Н. Костаков в мае 1976 г. был принят заместителем министра культуры ВНР Л. Марцали; генеральным директором Главного управления издательств ВНР А. Ференцем, председателем объединения работников издательств и книжной торговли Венгрии Д. Бернатом.

В 1979 г. делегация ВОК в составе главного редактора газеты «Книжное обозрение», члена Президиума ЦП ВОК А.И. Овсянникова и первого заместителя председателя правления Ленинградского отделения ДОК РСФСР В.Г. Федорова посетила с 13 по 20 декабря 1978 г. ПНР и была принята Товариществом работников книжной торговли Польши, а в 1983 г. группу советских книголюбов принимали представители общества польских

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 79. Л. 13.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 79. Л. 12.

книжников¹. Группы советских книголюбов не были предоставлены сами себе: их в обязательном порядке сопровождали и консультировали на месте сотрудники советских посольств в ранге атташе и секретарей по культуре.

Примерно той же логике были подчинены ответные визиты представителей стран социализма. В состав прибывающих групп входили главы общественных организаций, а также чиновники ведомств, связанных с культурой, печатью и книгораспространением. Распорядок их визитов предусматривал встречи в Москве, обязательное посещение Центрального правления ВОК. Кроме того, иностранные гости часто ездили в столицу одной из советских республик. К примеру, в марте 1976 г. представители Комитета печати НРБ посетили Центральное правление ВОК и правление Добровольного общества любителей книги Латвийской ССР и РСФСР²; а в октябре 1978 г. румынская делегация, в которую входили работники Международного издательского центра, в Москве посетила Центральное правление ВОК. После этого они уехали в Тбилиси, где знакомились с опытом работы Грузинской добровольной организации книголюбов³.

Встреча специалистов из дружественных организаций не ограничивалась исключительно рабочими моментами, связанными с Обществом, или учредителем ВОК – Госкомиздатом, читательской сферой. Принимающая сторона демонстрировала гостям из соцстран советскую культуру с разных ракурсов, не ограничиваясь сферой чтения. В программу встреч входили посещение главных выставочных, театральных, музейных и прочих презентующих многообразие советской культуры площадок. Официальные планы и отчёты не способны запечатлеть опыт неформальной коммуникации, но показывают объём свободного времени, досуговую составляющую таких визитов. В качестве примера возможно привести

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 560. Л. 8.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 207. Л. 7.

³ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 79. Л. 13.

программу пребывания представителей объединений книголюбов НРБ в СССР с 31 мая по 7 июня 1977 г. (прил. 10).

Опыт бюрократического туризма, а также приема иностранных гостей расширял кругозор работников ВОК. Официальные отчеты о поездках делегаций и общения с представителями соцстран, как правило, лишь подтверждали полученную ранее информацию, по содержанию совпадали со справками, которые получало Центральное правление в начальный период работы ВОК от Министерства иностранных дел. Особое внимание в отчетах работников организации заслужили читательские и книгоиздательские практики ЧССР, ПНР, ВНР, НРБ, СРР, СФРЮ и ГДР.

Исключением из общего списка стран-партнеров ВОК явилась Румыния, так как там объединения читателей, по свидетельству посланников ВОК, отсутствовали. Мероприятия по пропаганде изданий, которые могли бы стать консолидирующим фактором для читателей, имели «своей целью, главным образом, повысить спрос на ту или другую книгу, а не создание каких-либо объединений»¹. Более того, принимающая сторона в лице представителей Международного издательского центра в рамках первого визита делегации советских книголюбов в 1977 г. в ходе бесед, имеющих «несколько настороженный и сдержанный характер», обозначила, «что пока вопрос о создании каких-либо объединений книголюбов в СРР не рассматривался»². В этом свете советский опыт построения большой организации книголюбов презентовался чиновниками от ВОК румынским коллегам в качестве модельного. Представители Общества книголюбов строили планы: «Поскольку никакой работы с книголюбам в Румынии по существу не ведется, нам было бы целесообразно обратить на это внимание постараться усилить наше влияние»³.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 145. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 143. Л. 6.

³ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 145. Л. 7.

В Чехословакии действовала система клубов при крупных издательствах. Члены клуба являлись подписчиками этих издательств. Старейший клуб читателей был основан в 1953 г. одновременно с образованием издательства Одеон. Первоначально в клуб вступило 45 000 человек, а в 1974 г. их было уже 176 000. Средний тираж книг издательства составлял 53 000 экземпляров на одно наименование. Для подтверждения членства в клубе читатель должен был быть подписчиком не меньше трех экземпляров основной серии в год¹.

Чехословацкое издательство «Свобода» занималось выпуском общественно-политической литературы. Оно опиралось на меньшую аудиторию в 15 000 человек, но предъявляло повышенные требования к членству – приобретение не менее четырёх книг в год. Параллельно работали клубы друзей поэзии, клубы молодых читателей, клубы специальной литературы. Условием была покупка книг на сумму не менее 50 крон. При покупке книг на сумму более 120² крон читатель получал право на 15 %-ную скидку на покупку последующих книг³.

Основное внимание при поездках в Польшу представителями ВОК уделялось опыту Польского общества друзей книги. Оно было основано в 1957 г. Будучи столичной инициативой, опыт Варшавы был распространён по всем воеводствам в 1969 г.⁴ Польские клубы печати и книги Общества друзей книги представляли собой пространства культурного досуга для жителей городов и деревень. В одной из справок можно найти такую реплику: «В клубах можно отдохнуть после работы и культурно провести досуг. Но прежде всего это место для чтения, самообразования и развития всесторонних интересов, свободных дискуссий и товарищеских встреч»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 17. Л. 28.

² Что равнялось 12 советским рублям / Валюты стран мира. Справочник. – М., 1987. – С. 263.

³ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 17. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 25.

⁵ Там же. Л. 25.

В сельской местности такие клубы выполняли «цивилизаторскую» миссию: «Оснащенные аудиовизуальным оборудованием, имеющие библиотеку и читальный зал, настольные игры, а нередко и музыкальные инструменты, клубы развивают всестороннюю деятельность: организуют продажу периодической печати, грампластинок, различного рода культтоваров, включая детские игрушки, школьные принадлежности и косметику, продаются также кофе, прохладительные напитки, сладости»¹. Всего к середине 1970-х ПНР была охвачена сетью в 9 000 таких клубов.

Делегация ВОК, которая посетила Польшу в 1978 г., обнаружила отсутствие единства общественных организаций в сфере чтения. Параллельно «Обществу друзей книги» также существовало закрытое «Товарищество книжников и библиотекарей», а также «Всепольское товарищество библиофилов». По словам посланников ВОК, позиция председателя организации Я. Ружилю-Сташиковой «характеризовалась стремлением к элитарности, изоляции, нежеланию сотрудничать с широкой общественностью, выходить за рамки кружков библиофилов, которые, по ее мнению, объединяют людей исключительных интересов и качеств»². Особо в отчёте подчеркивалось, что в данное товарищество даже не вошли библиофилы Лодзи, как самое старое такое объединение в стране.

В Венгрии подобной ВОК организацией было движение «За читающий народ». Оно объединяло не читателей, а специалистов, которые занимались широкой просветительской деятельностью: организовывали читательские лагеря, кампании по созданию библиотек и т.д. Параллельно функционировала клубная структура подобная чехословацкой – с системой скидок на продукцию для членов объединения.

Одним из самых крупных и популярных в ВНР являлся клуб читателей при издательстве «Корвина», профиль которого был связан с выпуском книг по искусству. Его члены могли приобрести 30 книг в каждом году на 20 %

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 17. Л. 26.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 209. Л. 20.

дешевле, и получить возврат 10 % суммы в конце года¹. Другой важной характеристикой венгерских объединений книголюбов было то, что «все же их движение не является массовым. Объединения книголюбов Венгрии не имеют единого руководства и централизованной организации книголюбов»². Уже в 1978 г. опыт ВОК был оценён коллегами из Венгрии: они задались целью объединить кружки читателей, которые возникали при библиотеках, заводах и фабриках, в одну централизованную организацию, подобную советскому обществу любителей книги³.

Нацеленные зачастую на стимуляцию сбыта, менее масштабные, порой закрытые, узкопрофильные и элитарные организации в странах социализма не могли стать равноправными партнёрами ВОК. Более того, моменты внутренней разобщённости (как в ПНР) являлись поводом к критике: это противоречило идее создания Общества книголюбов как площадки, объединяющей простых читателей, библиофилов и специалистов сферы книгоиздания и книгораспространения.

Наиболее прочные связи сложились у организации книголюбов с Культурным союзом ГДР (далее — Культурбунд). Компаративные исследователи изучают смежные характеристики советского и восточногерманского режимов и настаивают на тесном характере отношений, близости режимов, которые находились в иерархичной зависимости. Это заключалось, к примеру, в восприятии германской демократии в советской идеологии как «младшего брата»⁴, и наоборот, ведущих позиций СССР внутри ГДР. Новая советская организация в этой логике закрепляла приоритетный статус СССР в сфере чтения. Культурбунд, как наиболее централизованное по структуре и массовое по численности общество,

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 79. Л. 17.

³ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 209. Л. 2.

⁴ Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы. / под ред. Я.К. Берендса, В.С. Дубиной, А.К. Сорокина [и др.]. – М., 2015. – С. 229.

проводник социалистической культуры внутри Восточной Германии, был старшим братом среди череды младших.

Знакомство с Культурным союзом у бюрократии ВОК началось с изучения записи разговора сотрудника советского посольства в Восточной Германии с представителем Министерства культуры ГДР: «В заключение справки полезно сослаться на беседу сотрудника советского посольства в Берлине с заместителем министра культуры ГДР тов. Клаусом Хёнеке Беседа I-го секретаря Посольства СССР в ГДР тов. Давидбяна от 8 января 1976 г., во время которой он сказал, что в ГДР нет общества подобного ВОК. Всей работой с любителями книги занимаются несколько организаций. Однако свою практическую массовую работу они согласуют с "Культурбундом", специальная комиссия которого ведаёт вопросами пропаганды и распространения книги»¹.

Культурный союз был основан вскоре после поражения Германии во Второй мировой войне. В манифесте организации от 26 июня 1945 г. определялись следующие задачи: уничтожение нацистской идеологии во всех сферах жизни, милитаризма, культурная перестройка Германии, поддержка и развитие просветительской деятельности, сотрудничество со всеми демократическими организациями². Основателем и первым президентом Союза стал поэт, один из активных деятелей Коммунистической партии Германии И. Бехер (1891–1958). Изначально повестка Культурбунда была нейтральной и не привязанной к деятельности Коммунистической партии Германии. Под его началом смогли объединиться и приобрести организационные формы, восстановить свою работу после войны локальные, в том числе досуговые, сообщества любителей путешествий и краеведения, экологии и т.д.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

² Zimmer A. Der Kulturbund in der SBZ und in der DDR. Eine ostdeutsche Kulturvereinigung im Wandel der Zeit zwischen 1945 und 1990. – Wiesbaden, 2019. – S. 30.

В советской зоне оккупации общество развивалось наиболее активно при поддержке военной администрации. В то же время на территории, которую контролировали союзники, работа организации вызывала противодействие местных властей, так как в деятелях Союза видели проводников коммунистической идеи. К 1949 г. деятельность организации была окончательно запрещена на территории ФРГ, а на территории ГДР Культурбунд попал в фарватер культурной политики Социалистической единой партии Германии. Так Культурный союз был включен в состав «Национального фронта» – объединения всех политических партий и общественных организаций ГДР. Благодаря такому положению Культурбунд имел представительство в парламенте Восточной Германии – Народной палате (22 места из 400). Существовали и другие формальные атрибуты массовой организации: официальная символика, система учета членства, стандартные бланки и документы, еженедельник «Зоннтаг», слой бюрократии. Чиновники стройной централизованной структурой стояли над сетью самодеятельных клубов и кружков, которые являлись базовыми ячейками организации, – все они находились под контролем местных районных и окружных отделений. Высшим органом Культурбунда являлся конгресс, который избирал президента, президиум и центральную ревизионную комиссию¹.

В новых условиях перед организацией теперь стояла большая задача – «содействие развитию социалистической национальной культуры и духовное формирование человека социалистического общества»². Интеллигенция, которую активно рекрутировали в члены Культурбунда, должна была составлять основу Общества и играть роль проводников нового политического, социального и культурного порядка. Лояльность официальным властям обычные участники Общества обменивали на

¹ Большая Советская Энциклопедия. 3-е издание. В 30 т. Т. 13. Конда — Кун. – М., 1973. – С. 597.

² Там же. – С. 597.

автономию своих занятий. По словам российского учёного-германиста В.В. Нефёдова, деятельность Культурного союза на местах «существенно отличалась от официальной политики руководства организации. Культурбунд объединял разных людей со многими интересами – учёных, художников, лиц, интересующихся культурой, а также тех, кого привлекала работа в кружках художественной самодеятельности. СЕПГ видела в нём своего рода "внутреннюю эмиграцию" определённой части интеллигенции Восточной Германии»¹. Давление на Культурбунд было ниже за счёт существования в 1950–1980-х гг. других официальных творческих объединений, массовых обществ и просветительских организаций, к примеру, Союза свободной немецкой молодежи, Ассоциации немецких писателей, Общества по распространению культурных знаний «Ураания» и т.д.

Изменения в культурной политике СЕПГ приводили к корректировкам в работе Культурбунда. В 1959 г. на химическом комбинате в городе Биттерфельд состоялась конференция писателей, на которой участники сформулировали мысль о необходимости преодоления границ между искусством и реальной жизнью общества. По итогам форума Социалистическая единая партия Германии приняла программу создания новой культуры, которая была обращена в первую очередь к трудящимся. Одним из аспектов т.н. «Биттерфельдского пути» было положение об активном участии представителей народа в генерации «национальной социалистической культуры»².

Иллюстрацию реализации политики «Биттерфельдского пути» внутри Культурбунда привёл в одной из своих статей британский историк Ян

¹ Нефёдов В.В. СЕПГ и культура ГДР // URL: <http://belinskij.kupec.cz/Default.aspx?pg=acf51ebd-9cd0-4a64-9e2f-5a360aea0382&detail=466fbe16-b742-419c-a08b-c86fcc35536b> (дата обращения: 11.09.2021).

² Нефёдов В.В. СЕПГ и культура ГДР. – М., 2019. – С. 119.

Пальмовски¹. Им была проанализирована деятельность сельского отделения Культурного союза в Дабеле – деревне, которая благодаря активности местного учителя, филателиста и тайного осведомителя Государственной безопасности Ханса Рогенбау, а также жителей села получила неформальное звание «маяка социалистической культуры».

Этот исследователь обращает внимание на противоречия и трудности, с которыми сталкивались организаторы Культурного союза. Одним из них было явное нежелание местного населения вовлекаться в политическую повестку: посещаемость мероприятий, связанных с идеологией, была низкой. Жители деревни предпочитали форматы, которые были популярны в прежние, довоенные времена, к примеру, провести традиционный деревенский фестиваль, сконцентрироваться на изучении местной культуры, фольклора. Без симпатий принимались издержки, которые были связаны с Культурбундом как массовой организацией (активный рекрутинг школьников для массовости мероприятий и т.д.)².

Интерес к локальной культуре, несопротивление идеологическим событиям, а также признание необходимости удовлетворения экономических и культурных «жизненных нужд» при Эрихе Хонеккере³ стали залогом неоднократного признания заслуг жителей Дабеля по линии Культурного союза в период с конца 1960-х по 1980-е гг.: благодаря этому деревня получала несколько раз дополнительное финансирование на благоустройство и реализацию локальных культурных инициатив.

Пример Дабеля был одним из многих. В середине 1970-х гг. в структуру Культурбунда входили клубы при издательствах, школьные клубы чтения, библиофильское Общество Пиркхаймера, сеть сельских клубов и другие объединения. К бюрократии Союза относилось 900 человек, чей труд

¹ Пальмовски Я. Власть и община в ГДР: своеволие (Eigen-sinn) и частные практики / Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы. / под ред. Я.К. Берендса, В.С. Дубиной, А.К. Сорокина [и др.]. – М., 2015. – С. 54–72.

² Указ. соч. – С. 64.

³ Там же. – С. 65.

оплачивался как за счёт госбюджета, так и взносов от почти 200 000 членов. Структуры Союза работали в поле культурного просвещения, их деятельность контролировалась СЕПГ.

Модель, реализованная в ГДР, находилась ближе всего к формату советской организации. Массовость, централизация и контроль со стороны государства были ключевыми чертами, роднившими Культурбунд и ВОК. Возможно, благодаря этому Культурный союз стал первым партнёром, с которым Общество книголюбов подписало протокол о сотрудничестве¹. Он был завизирован первым заместителем председателя ЦК ВОК А.Н. Костаковым и первым секретарём Культурбунда К. Хейнецем 28 ноября 1978 г. в Берлине. Протокол предусматривал регулярный взаимный обмен информацией о проделанной работе объединениями книголюбов по основным вопросам их деятельности. Это, по мнению составителей, давало «возможность регулярно обмениваться с немецкими книголюбями положительным опытом работы, что будет способствовать повышению уровня работы ВОК и Культурбунда ГДР»².

Если все перечисленные прежде общества и клубы существовали до появления ВОК, то в Монголии до 1977 г. не существовало организации читателей. Отчет ВОК по приему ответственного секретаря организации Ж. Дамдонгдона в 1978 г., а также информация об ответном визите представителя Общества любителей книги Г.Ф. Гарина в 1979 г. позволяет сделать вывод, что принципы деятельности друзей книги в Монголии были схожи с подходами к работе в СССР: это была централизованная структура, построенная на базе Революционного союза Молодёжи³. Более подробная информация отсутствовала, т.к. признавалось, что Общество друзей книги «только начинает свою деятельность»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 207. Л. 4.

³ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 281. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 281. Л. 5.

Учредительные документы ВОК преподносят факт формирования Общества книголюбов как данность. Мотивы его создателей представляют интерес для дальнейшего исследования, однако вакуум неопределенности повестки книголюбов заполнялся достаточно быстро. Контакты с зарубежными обществами в этом отношении помогли ей проявиться, оформиться и утвердиться. Каким образом?

Отчёты о зарубежных контактах ВОК в период становления организации свидетельствуют о неоднородности читательских и в целом культурных практик в странах социализма. Посланники Общества скрупулёзно фиксировали характеристики работы читательских объединений, давали им первичную оценку, выступали с позиций представителей модельной для стран Восточного блока советской культуры. Большинство обнаруженных представителями ВОК практик сферы чтения даже в социалистических странах являлись потребительскими. Учитывая перманентную проблему дефицита и нехватки ресурсов, Общество советских книголюбов не могло занимать такое же официальное положение – это не соответствовало идеологии организации. Недостатки советского читательского мира, неспособность удовлетворить читательский спрос оставались за пределами отчетов, либо легко трансформировались в достоинства. Поэтому в одном из отчётов авторы делали вывод: «Советский Союз по сравнению с другими социалистическими странами в вопросе о пропаганде и распространению книги находится в особых условиях, которые заключаются в том, что даже огромный книжный фонд страны и многочисленные тиражи политической, художественной и научно-технической литературы не удовлетворяют полностью спроса населения нашей страны на книги»¹.

Публичное открытое стимулирование потребительских практик противоречило принципам советского образа жизни. Указание на особый

¹ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 79. Л. 17–18.

путь являлось способом не только защитить советскую культурную политику, но и возвысить её над не свойственными социализму рыночными элементами в читательской среде Польши, Венгрии и Чехословакии.

Тесные дружественные отношения ВОК с Культурбундом из Восточной Германии складывались исходя из схожести двух режимов: советского и восточногерманского. Оба варианта социализма, которые находились в отношениях копирующего и копируемого, в итоге, пострадали из-за общих противоречий и проблем. Представленные в данном исследовании массовые структуры были навязаны обществу сверху, но не вызвали открытого сопротивления, стали частью нормальной¹ повседневности жителей ГДР и СССР, негласного социально-политического контракта между государством и обществом. Если открытые и рыночные, по сути, инструменты стимулирования читательской активности в Чехословакии, Венгрии и Польше не вызвали расположения у руководства ВОК, то непубличный механизм обмена лояльности на внутреннюю автономию и возможные бонусы вместе с внешним проявлением верности идеологии лег в основу работы организации книголюбов. Созданные с целью контроля над инициативами граждан, идеологической мобилизации, а также для утверждения режима, Общество книголюбов и Культурный союз являлись пространствами легитимированной автономии для человека – как в СССР, так и в Восточной Германии.

¹ Одной из знаковых и основополагающих работ в современной историографии о ГДР является книга британского историка М. Фулбрук – «Народное государство: восточногерманское общество от Гитлера до Хонеккера», в рамках которой исследовательница выдвигает идею о «Партисипаторной диктатуре» - режиме максимально широкого участия граждан в разных важных для государства процессах. Вовлечение в работу официальных профсоюзов, политических, молодежных и культурных организаций на протяжении жизни являлось, по мнению автора, частью «нормальности» для жителей Восточной Германии. Это положение схоже с тезисом о «нормальной жизни» А. Юрчака / Fulbrook M. The People's State: East German Society from Hitler to Honecker. – Yale, 2008.

3.2. Кризис и распад Всесоюзного общества книголюбов в контексте перестройки и краха советской системы (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.)

В одном из начальных фрагментов фильма режиссера Э. Рязанова «Забытая мелодия для флейты» (1987) главный герой, который работает в вымышленном учреждении – «Главном управлении свободного времени» – принимает участие в производственном совещании. Эпизод начинается с того, что его коллега, представитель «управления свободного чтения», выступает с тирадой в отношении макулатурного эксперимента:

«Я предлагаю подняться на борьбу с макулатурой. Давайте задумаемся в суть этого явления. Сегодня люди сдают на вес килограммы нашей идейной литературы в обмен на книгу какого-нибудь Сименона или Дюма. Это сомнительный обмен <...> В магазин политической книги, там ведь издания копейки стоят, приходят люди, горы скупают и тут же несут на обмен. <...> [Необходимо] поднять общественность и бить, бить тревогу! На каждом приемном пункте вторсырья можно организовать посты. В конце концов, можно привлечь Общество книголюбов – пускай при приеме макулатуры проверяют каждое печатное слово».

Снятая в период политики гласности, кинокартина высмеивала номенклатурные порядки и бюрократизм, абсурдность и бессмысленность досконального регулирования повседневности. Более широко фильм посвящен судьбе прежних советских порядков в новых – перестроечных условиях. Фигурирование Общества любителей книги в речи киногероини в качестве потенциального инструмента контроля над гражданами является важным в контексте данного исследования, поскольку здесь ВОК однозначно отнесено Э. Рязановым к прошлому, которое, впрочем, по ходу ленты демонстрирует изрядную жизнеспособность.

Данный параграф посвящен Обществу книголюбов в условиях перестройки и начала постсоветского этапа в 1990-е гг. Каким образом

строилась работа ВОК во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.? Как и в какую сторону эволюционировала организация? Как влияли перемены на деятельность книголюбов? Каким изменениям она подвергалась? Ответы на эти вопросы позволяют увидеть то, какие конфигурации принимали отношения общества и государства в границах ВОК в контексте изменений, инициированных сверху в завершение советского проекта, насколько прочными оказались социальные конструкции, институты, выстроенные в предыдущие периоды и особенно на позднесоветском этапе.

Во второй половине 1980-х гг. численность людей, состоящих в ВОК, продолжала расти. В основном прирост осуществлялся за счет Украинской, Российской и Казахской добровольных организаций книголюбов: они дали почти 90 % новых членов. Однако в четырех республиках численность любителей книги к концу 1980-х гг. сократилась (табл. 24). Рост и снижение количества участников зависели не только от активности номенклатуры общества, но также и от дисциплинированности членов – поскольку подсчет велся по факту уплаты взносов. Куда более существенным фактором изменения состава ВОК стал социально-политический контекст второй половины 1980-х гг.

1989 г. в Армении, Азербайджане уже успели вспыхнуть межэтнические конфликты, произойти столкновения в Нагорно-Карабахской АССР, Сумгаите, с обеих сторон потянулись потоки беженцев. Во всех трех республиках Балтии тем временем происходил подъём национального самосознания, который выливался в создание общественных организаций – комитетов граждан, которые не были связаны с властью, а также народных фронтов, изначально формировавшихся в поддержку перестройки, а затем выступивших сторонниками независимости Литвы, Латвии и Эстонии. Только в Латвийской ССР к лету 1989 г. в народном фронте состояло

230 тыс. человек¹, что было больше числа членов Латвийской добровольной организации книголюбов в три раза. Востребованность советских институтов и социальных форматов падала, что вызывало снижение темпов прироста численности организации книголюбов, а также отток участников.

Таблица 24. Численность членов Всесоюзного общества любителей книги, в том числе, по республикам СССР в 1983-1989 гг., тыс. чел.²

Год	1983	1989	Прирост 1989 к 1983, %	% книголюбов среди населения в 1989 г.
Всего	15616,29	19645,86	25,8	6,9
РСФСР	6705,9	7697,0	14,8	5,2
УкрССР	2460,4	4741,8	92,7	9,2
БССР	937,6	887,5	-5,3	8,7
УзССР	1677,5	1957,5	16,7	9,8
КазССР	1075,6	1401,2	30,3	8,5
ГрССР	634,7	774,4	22,0	14,2
АзССР	610,2	471,6	-22,7	6,7
ЛитССР	165,7	173,9	4,9	4,7
МолССР	155,4	311,2	100,3	7,2
ЛатССР	73,2	77,1	5,4	2,9
КирССР	435,0	479,9	10,3	11,2
ТССР	373,2	393,0	5,3	7,7
АрССР	198,5	127,0	-36,0	3,9
Турк ССР	73,4	114,8	56,4	3,2
ЭССР	40,0	38,0	-5,1	2,4

По формальным показателям в 1989 г. любителей книги в СССР числилось больше, чем коммунистов³. Рекордные показатели, однако, по-прежнему в основном достигались за счет привлечения учащейся молодежи: среди членов организации 53 % были учащимися общеобразовательных школ и профтехучилищ, 9,5 % – студентами высших учебных заведений и

¹ Устинова М.Я. Гражданское общество в Латвийской республике (1980-е гг. – начало XXI в.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 2003. – № 166. – С. 9.

² Сост. автором на основе стат. данных по: Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – С. 188; Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц по полу // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (дата обращения: 11.09.2021).

³ 19,65 млн членов ВОК против 19,48 млн членов и кандидатов в члены КПСС / Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. – М., 1989. – С. 691.

техникумов 37 % – рабочими, колхозниками и служащими¹. Для добровольной организации книголюбов Пермской области было характерно примерно такое же соотношение: из 139 тыс. членов региональной организации ВОК 53 % являлись студентами вузов и учащимися школ и училищ – 14 и 60 тыс. соответственно. В свою очередь, 46 % книголюбов, 65 тыс. человек, были рабочими, служащими и колхозниками².

Основные принципы работы книголюбов поначалу не претерпевали изменений. Поддержка со стороны учредителей, государства, сотрудничество на местах с библиотеками и книготоргами помогала оставаться ВОК одним из каналов получения книжного дефицита для граждан в условиях монопольного планового предложения. В свою очередь, Общество проводило мероприятия – лекции, тематические вечера, читательские конференции, презентации книг, писательские встречи, связанные с актуальной идеологической повесткой, важными юбилейными датами, текущими задачами государства и партии. Так, организации книголюбов в середине –второй половине 1980-х гг. включались в пропаганду здорового образа жизни в рамках антиалкогольной кампании, экономических новаций³, решений XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партконференции, празднования 70-летия Октябрьской революции и 65-летия Советского Союза и т.д.

Тем не менее, перестроечные изменения стали поводом к трансформации Общества. Организация книголюбов поддержала новый политический порядок, который был обозначен в ходе XIX партийной конференции летом 1988 г. Он подразумевал восстановление двухуровневой системы представительных органов – Съезда народных депутатов: на основе его состава формировался Верховный совет. Треть мест, согласно закону, закреплялась за общественными организациями – Коммунистической

¹ Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989. – С. 188.

² ПермГАСПИ. Ф. 105 Оп. 342 Д. 389. Л. 4.

³ К примеру: Книги о радикальной экономической реформе. Методические рекомендации и библиографии в помощь активистам и организациям книголюбов. – Киев, 1988.

партией, профсоюзами, Комсомолом, объединениями женщин, ветеранов войны и труда, научных работников, творческих союзов и другими структурами, созданными «в установленном законом порядке и имеющих общесоюзные органы»¹. Массовые добровольные советские общества получили 75 мест. Больше всех депутатов могло выбрать ДОСААФ – 15, по 10 представителей определяли Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и Всесоюзное общество «Знание». Общество книголюбов получило право делегировать только одного депутата, подобно другим организациям, в которых членская база была существенно ниже: Всесоюзным обществом борьбы за трезвость, Всесоюзным музыкальным обществом и Всесоюзным обществом филателистов². Депутатом от ВОК стал фактический глава Общества, первый заместитель председателя Центрального правления организации книголюбов С.Г. Шувалов³.

Что касается экономических аспектов, то с 1 января 1988 г. организации книголюбов перешли на хозяйственный расчет. Он стал мощным стимулом к росту экономической активности номенклатуры любителей книги на региональном уровне. Пример добровольной организации любителей книги Пермской области в этом отношении является показательным.

¹ Закон СССР о выборах народных депутатов СССР от 01.12.1988 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14#027881667553520717> (дата обращения: 11.09.2021).

² Избрание народных депутатов СССР в 1989 году от общественных организаций // URL: <http://www.cikrf.ru/activity/relevant/detail/30663/> (дата обращения: 11.09.2021).

³ Шувалов Сергей Гаврилович (1932-2003) работал в Обществе книголюбов с 1984 г. Уроженец Москвы, во время ВОВ он находился в эвакуации в Магнитогорске. Позже служил военным музыкантом (1949-1966), окончил исторический факультет МГУ в 1961 г. и с 1966 г. перешел на работу в московские городские органы КПСС. С 1968 г. был инструктором отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. В 1981 г. защитил диссертацию на звание кандидата исторических наук, заслуженный работник культуры РСФСР. Будучи народным депутатом (1989-1991) выполнял обязанности заместителя председателя комитета по вопросам культуры, языка, национальных и международных традиций и сохранения исторического наследия Совета Национальностей Верховного Совета СССР. С 1992 по 2003 гг. – председатель исполкома Международного союза книголюбов / Сост. автором по: Шувалов Сергей Гаврилович // URL: http://chelportal.ru/enc/Shuvalov_Sergey_Gavrilovich (дата обращения: 11.09.2021); Прощай, наш дорогой товарищ и друг // URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2003/36/article-411/> (дата обращения: 11.09.2021).

Прежде основу доходов Общества составляли членские взносы от рядовых книголюбов. В 1985–1988 гг. движение любителей книги в Прикамье выполняло план по доходам – заранее закладывались показатели по взносам от книголюбов, а также доходам от платных мероприятий по пропаганде книги. Переход с начала 1988 г. всех отделений Общества любителей книги на хозяйственный расчет вместе с другими предприятиями и организациями по всей стране¹ в случае Общества книголюбов Пермской области позволил увеличить входящий денежный поток более чем в полтора раза (табл. 25).

Таблица 25. Финансовые показатели Пермской областной организации любителей книги (тыс. руб.) в 1985-1988 гг.²

	Доходы	1985		1986		1987		1988	
		план	факт	план	факт	план	факт	план	факт
1.	Платные мероприятия по пропаганде книги	10,0	13,9	10,3	12,2	19,5	20,5	20,0	26,0
2.	Членские взносы	58,2	62,3	61,0	62,4	69,5	68,7	69,5	76,0
3.	Прочие доходы, хозрасчет. клубы и т.д.	-	-	-	-	-	-	-	63,8
	Всего		76,2		74,6		89,2		165,8

Прикамские книголюбы смогли увеличить доход в условиях внедрения хозяйственного расчета благодаря нескольким факторам. К ним, в частности, относится деятельность кооператива «Мастер и Маргарита» при областной библиотеке имени А.М. Горького. Его коллектив занимался переплетом книг и журналов, организацией свободного книгообмена. На базе кооператива действовала платная библиотека. Кроме того, в Пермской области салоны по переплету и ремонту книг были созданы первичными организациями Кудымкара, Чусового и Березников, а книгообмен за премию в адрес Общества обеспечивали шесть пунктов по всей области.

¹ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР № 665 от 11.06.1987 «О переводе объединений, предприятий и организаций отраслей народного хозяйства на полный хозяйственный расчет и самофинансирование» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=896#007842646435791178> (дата обращения: 11.09.2021).

² ПермГАСПИ. Ф. 105 Оп. 342 Д. 389. Л. 11.

Ещё одним выгодным для книголюбов форматом стали пункты первого чтения: такие существовали не только в Прикамье, но и в Днепропетровске¹. Также доход Пермской региональной организации принес выпуск 50-тысячным тиражом книги «Мастер и Маргарита», который был напечатан на договорных началах на базе Пермского книжного издательства. Распространялось издание среди активистов Общества².

Приток денег вместе с выполнением планов по доходам от взносов и платных мероприятий позволил Пермской областной добровольной организации любителей книги, помимо исправного выполнения финансовых обязательств по отношению к Российскому обществу любителей книги, более интенсивного расходования средств на уставную деятельность, инициировать несколько затратных проектов. Заработанные с помощью применения хозрасчета средства с 1988 г. откладывались правлением книголюбов в фонд производственного и социального развития, часть которого в размере 20 тыс. руб. была перечислена на создание в Перми литературного музея, а 30 тыс. руб. – на приобретение основных средств, в том числе видеоаппаратуры для литературных гостиных и кафе³. Первое такое кафе было открыто в 1989 г. в селе Фоки Чайковского района Пермской области, а в 1991 г. – в г. Кудымкаре. В 1989 г. по инициативе областной организации любителей книги был снят фильм про клуб «Светоч», открыт редакционно-издательский кооператив «Альфа» и оплачены 50 тыс. экземпляров публицистической книги «Автограф». Всего на эти цели было израсходовано 53,6 тыс. руб.⁴.

Внедрение хозрасчета стало поводом к возрастанию финансовой и организационной самостоятельности отделений книголюбов на уровне регионов и советских республик. Однако ситуация не была везде одинаковой. В особом положении находились организации книголюбов, где

¹ ГАПК. Ф. Р-1804. Оп. 1. Д. 678 Л. 32.

² ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 342 Д. 389. Л. 5.

³ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 342. Д. 389. Л. 5.

⁴ ПермГАСПИ. Ф. 305. Оп. 349. Д. 338. Л. 5.

располагались уже существующие производственные мощности ВОК, которые позволяли использовать их в новых экономических условиях.

Возросшая активность средней и низовой номенклатуры Общества мало влияла на основные принципы работы организации. Исключением и важным новшеством в этом отношении стала реализация всесоюзной благотворительной акции «Милосердие». В июне 1988 г. Центральное правление Общества отправило организациям книголюбов советских республик предложения по проведению Всесоюзной акции «Милосердие». Обращение к книголюбам было одновременно опубликовано в «Книжном обозрении». Им предлагалось заняться сбором и распространением книг среди социально незащищённых категорий населения. Авторы призывали: «Сделаем же так, чтобы прикованные к постели инвалиды детства, войны и труда, воины-интернационалисты были в числе первых читателей всех книжных новинок»¹.

Всесоюзная акция появилась вследствие, как минимум, двух факторов. Во-первых, для многих организаций ВОК к этому времени помощь пенсионерам, людям с ограниченными возможностями, детским домам, советам ветеранов и т.д. являлась частью их деятельности. Во-вторых, политика гласности привела к тому, что многие болевые точки, происшествия, последствия катастроф стали предметом открытого обсуждения. Одним из механизмов устранения проблем для государства стало более широкое привлечение населения к их решению. Благотворительность и волонтерство в этом контексте получали статус важных форм социальной активности.

Акция «Милосердие» стала одним из главных направлений работы Общества в поздние 1980-е – начале 1990-х гг. Все прежние и новые благотворительные начинания внутри ВОК проводились теперь под её эгидой. Центральное правление книголюбов в этом случае не выступало с

¹ Книжное обозрение. – 1988. – № 24. – С. 14.

разверткой плановых показателей по нижестоящим организациям – реализация инициативы зависела от активности республиканских и региональных добровольных обществ. Поэтому «Милосердие» складывалось из множества локальных действий.

«Милосердие» – это пример трансформации дискурса обобществления, который был актуален в пространстве ВОК в период «длинных» семидесятых. В отличие от проекта открытия домашних библиотек, данное начинание являлось делом местных читательских сообществ, а не отдельных книголюбов. Идея пожертвования была более реализуемой, чем призывы к обобществлению книжных собраний. В результате рядовые книголюбы активно вовлекались в это начинание: благодаря их поддержке в подшефные организации поступали популярные издания. К примеру, летом 1988 г. Кемеровский дом инвалидов получил комплект из 456 книг, которые были собраны книголюбями объединения «Облкемеровоуголь», анилиноокрасочного завода и областного статистического управления. Среди переданных изданий были романы, произведения А. Платонова, М. Булгакова, других известных писателей, детективы, фантастика. Один из новых читателей инвалидов I группы Н. Ляпутин заметил: «Все книги очень хорошие, в магазине их не купить <...> Мы все ценим помощь книголюбов, потому что понимаем, как иногда нелегко расстаться с хорошей книгой»¹. В конце 1990 г. аппарат объединения «Москнига» приобрел 26 наименований детских книг (334 экземпляра) на однодневный заработок в 640 руб. и передал в ортопедо-хирургическую больницу № 19 города Москвы².

Помимо помощи в комплектовании библиотек для нуждающихся и пострадавших, книголюбы осуществляли кампании по сбору денежных средств. Так, в Пермской областной организации местные книголюбы за 1989 г. смогли «с помощью лотерей, литературных вечеров и книжных аукционов привлечь 7,5 тысячи рублей, которые были распределены в

¹ Книжное обозрение. – 1988. – № 46. – С. 14.

² Книжное обозрение. – 1990. – № 51. – С. 14.

Детский фонд им. В.И. Ленина (две тысячи рублей), на расчетные счета детских домов, домов-интернатов и престарелых, на открытие столовых для бедных в одном из районов г. Перми (полторы тысяч рублей), а также на строительство памятника воинам-интернационалистам (четыре тысяч рублей)»^{1,2}.

Денежные и книжные пожертвования осуществлялись и на всесоюзном уровне, а также для помощи пострадавшим в масштабных катастрофах. Так, Центральное правление ВОК перечислило один млн руб. на устранение последствий Спитакского землетрясения в декабре 1988 г. Добровольная организация книголюбов Украины перечислила на эти же цели 54 000 руб.³. Кроме того, общества любителей книги помогали жителям территорий, пострадавших в ходе Чернобыльской катастрофы: к примеру, Российская ДОК отправила 10 000 руб. для создания детских библиотек в Брянской области, а жители Курска Т.И. и Е.Я. Демичевы выслали пострадавшим библиотеку, состоящую из трёх сотен изданий⁴.

Рост активности республиканских и региональных организаций книголюбов усиливал их автономию от Центрального правления. Эти процессы обостряли противоречия между уставными, навязанными сверху функциями и ориентированными на спрос населения услугами. Среди таковых в этот период оказались востребованными выпуск популярной

¹ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 349. Д. 338. Л. 7.

² Благотворительные инициативы Пермского областного общества книголюбов, судя по откликам читателей «Книжного обозрения», включали и менее масштабные начинания, что в совокупности выделяло местную региональную организацию в черед прочих на уровне страны. По мнению коллег из других республик, Пермская ДОК могла себе это позволить в силу более высокого материального положения. Так, житель Ташкента А. Ложкин писал в адрес редакции весной 1991 г.: «Когда я прочитал в "КО" об инициативе Пермского областного общества «Книга», помогающего малообеспеченным подписчикам газеты ее выписать, подумал: нет, это не для нас, ташкентцев... Но лукавое любопытство не оставило меня, и я позвонил в республиканское общество «Книга». Узнав, чем я интересуюсь, меня вежливо переадресовали в городское - а там буквально заявили следующее: "Пермское областное богатое, а мы бедные. Мы смогли позволить себе подписать на "КО" только четырех своих работников!» / Книжное обозрение. – 1991. – № 17. – С. 14.

³ Книжное обозрение. – 1989. – № 41. – С. 14.

⁴ Книжное обозрение. – 1989. – № 47. – С. 14.

литературы, малых печатных форм, обеспечение приоритетного доступа новинкам книжного рынка, открытие видеосалонов под видом литературных гостиных и т.д. Подобные формы активности почти не отражались на низовых организациях: они по-прежнему были обязаны платить взносы, но не имели ни финансовых прав, ни каких-либо официально закрепленных преференций.

Дискуссия на страницах «Книжного обозрения» накануне IV съезда ВОК (1989) обозначила болевые точки, пункты критики со стороны рядовых книголюбов и низовой номенклатуры, выявила их запросы к организации. Адресанты писем обращали внимание на несправедливость структуры финансовых потоков внутри Общества, расхождения между идеологической и распределительной ролью ВОК и на другие противоречия в ее деятельности.

Большинство публикуемых реплик относились к возможностям получения дефицитной литературы через ВОК. Одна часть любителей книги полагала, что такую функцию Общества необходимо публично признать и зафиксировать в Уставе. Типичной в этом отношении являлась реплика книголюбца В. Кукушкиной: «Единственно, что может быть стимулом, – это книга. Член общества книголюбов должен иметь преимущественные права на приобретение книги, а в самом обществе преимущественным правом должны пользоваться активисты...»¹.

Другие книголюбы выступали против закрепления за Обществом функции книжного распределения. Они настаивали на том, что ВОК должно оставаться пропагандистской и просветительской организацией. Так, Н. Сычева из Камчатской области сетовала: «...большинство "членов" этого общества ждут от него только одного – возможности приобрести книги! И сколько бы я не объясняла, что задача и стремление – пропагандировать книгу, или, по-другому говоря, "заражать" своей любовью к книге других

¹ Книжное обозрение. – 1989. – № 8. – С. 14.

людей, мои страстные речи воспринимались или воспринимаются скептически...»¹. Компромиссным требованием на этом фоне было признание за всесоюзной организацией издательских прав, что позволило бы Обществу создать собственное издательство и выпускать книги исключительно для книголюбов.

По итогам съезда ВОК такие права получило. В 1990 г. Общество стало учредителем издательства «Книголюб»². Кроме того, обновилось также и название Общества. Теперь оно называлось Всесоюзное общество «Книга». Руководство организации продекларировало курс на переоформление ВОК в русле разрабатываемого в тот период закона об общественных объединениях³. Кроме того, библиофилы обрели право на создание собственной организации внутри Общества: они сделали это на рубеже 1989–1990 гг.

С другой стороны, в ходе съезда не была обозначена четкая позиция по участию ВОК в процессах распределения литературы, порядок финансирования низовых организаций не изменился. В этом контексте многие делегаты разочаровывались в организации, уповая на прежние методы работы и язык общения Центрального аппарата⁴. Судьбу структуры книголюбов в тот момент ярко определил один из делегатов съезда,

¹ Книжное обозрение. – 1989. – № 8. – С. 14.

² Книжное обозрение. – 1991. – № 3. – С. 14.

³ Закон был подписан президентом СССР М.С. Горбачевым 9 октября 1990 г.

⁴ Ярким событием перестройки стал V съезд Союза кинематографистов СССР, который состоялся в 1986 году. Изначально пошедший не по сценарию партийных кураторов, – в ходе выборов, начиная с секции кинокритиков Союза, участники предвыборных собраний стали предлагать альтернативные согласованным ранее сверху кандидатуры, которые, в итоге, и становились делегатами. Съезд привел к полной смене руководства киноструктуры, стал открытым проявлением противоречий между властью и обществом. На этом фоне IV съезд ВОК, проходивший на более позднем этапе перестроечных реформ, мог по праву восприниматься членами Общества книголюбов в качестве инструмента изменения положения в организации, что демонстрирует доверие любителей книги к формальной советской процедуре, которую возможно в новых условиях использовать для себя. Однако этого не произошло. «Фасадные» изменения, вроде обновления названия, были характерны и для других массовых организаций: к примеру, в ходе VI съезда (1989) Всесоюзное общество филателистов было переименовано в Союз филателистов СССР / Филателия СССР. – 1989. – № 11. – С. 1.

журналист из Кемерово А.В. Сорокин: «Что будет с нашим обществом, если завтра исчезнет книжный дефицит? <...> Я думаю, что оно этого момента не переживёт и умрёт на следующий день в том виде, в каком существует сейчас. <...> Зачем же мы лукавим, записывая в проект постановления: «В центре внимания общества находилась литература, способствовавшая более глубокому пониманию перестроечных процессов...». Кого мы водим за нос? В центре внимания стоят "Королева Марго", "Анжелика», Булгаков, Цветаева. <...> Эдак завтра можно организовывать Всесоюзное общество любителей копченой колбасы. <...> Так к ним полстраны запишется. Какие там 19 миллионов. Будет полтора ста миллионов!»¹.

Формально независимое Общество любителей книги находилось в зоне влияния власти. Участие в воспроизведении идеологии обменивалось чиновниками от книголюбов и самими членами организации на содействие в получении необходимых ресурсов, культурную автономию. Изменения режима в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стали поводом для появления новых модификаций отношений власти и общества в границах ВОК. Конфликт между пропагандистскими, просветительскими и распределительными функциями, благодаря «Книжному обозрению» накануне IV съезда вышел в публичное поле и продемонстрировал неопределенность приоритетов организации. С ухудшением социально-экономической обстановки, внедрением принципов свободного ценообразования в книжный рынок, несмотря на успешные локальные попытки использования организациями возможностей коммерциализации деятельности, почва под благополучием ВОК становилась зыбкой.

Вместе с распадом СССР вся поддержка от государства исчезла, вместе с ней пропали ресурсные преференции, идеологический контроль, рыночные ограничения и т.д. Произошло то, что Б.В. Дубин обозначил как

¹ Книжное обозрение. – 1989. – № 45. – С. 6.

«разгосударствление культуры»¹. Всесоюзное общество книголюбов прекратило своё существование в советском формате вскоре за СССР – в январе 1992 г. Примечательно, что ни один из участников интервью не выделил прекращение деятельности организации как особое событие. Так, по мнению одного из респондентов, Общество книголюбов «распалось очень незаметно»².

Вместо ВОК был образован «Международный Союз книголюбов», который представлял собой конгломерат региональных российских и бывших союзных республиканских объединений любителей книги. Он был зарегистрирован летом 1992 г. Министерством юстиции РФ. К основным целям организации учредители теперь относили: «содействие с помощью книги утверждению общечеловеческих ценностей, идеалов свободы, равенства, справедливости, единого духовного пространства»; «проведение общезначимых для Сообщества научных, культурных, информационных и других мероприятий, направленных на подъём национальных культур, усиление связи между книголюбями»³ и т.д.

В течение 1990-х гг. большинство российских областных/краевых/республиканских организаций, которые по инерции продолжили деятельность после сворачивания ВОК, прекратили своё существование. На сегодняшний день существуют не более десятка организаций в регионах России, а также бывших странах СССР. Количество их участников сократилось с нескольких тысяч до десятков и сотен. Респонденты⁴ – руководители сохранившихся книголюбских объединений – выделили ряд причин сложившейся ситуации.

¹ Дубин Б.В. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. – М., 2007. – С. 222.

² Интервью с А.А. // Личный архив автора [инф. 5]. Информант родилась в г. Перми. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 07.10.2014. Продолжительность 44 минуты.

³ Положение о Международном сообществе книголюбов. – М., 1992. – С. 4.

⁴ Всего в рамках исследования удалось связаться с тремя представителями добровольных организаций книголюбов.

Во-первых, организации любителей книги на заре 1990-х гг. встали перед выбором, который был предметом обсуждения участников накануне и во время IV съезда ВОК: чему отдавать приоритет в работе – пропаганде и просвещению или сбыту печатной продукции? Многие главы бывшего ВОК на местах в этих условиях попытались включиться в развивающийся конкурентный книжный рынок на позициях издателей, перекупщиков и официальных дистрибьюторов книжных издательств.

Во-вторых, местные общества столкнулись с необходимостью выживания в условиях отсутствия государственной поддержки. Собственность ВОК, а также имущество во владении Общества становились предметом споров с муниципальной и региональной властью: при перерегистрации в первой половине 1990-х гг. часть организаций теряли права на помещения. Они оставались на улице, поскольку льготная аренда давалась ещё формально советским структурам книголюбов. С тем же обстоятельством встретились представители Всероссийской организации в середине 1990-х гг. Одна из респонденток отметила масштаб потери: «Общество Российской Федерации почило в бозе <...> Потеряв своё помещение на Таганке, они перешли на Текстильщики, там в эти три комнатки»¹. Вынужденное перемещение в спальный район стало одним из факторов прекращения деятельности всероссийской организации.

В-третьих, ведение книголюбской работы часто становилось личным делом руководителя региональной ячейки. Отход от дел в силу усталости, возраста или болезни приводил к тому, что активность организации спадала и сводилась на нет.

Четвертой причиной являлся советский, часто партийный бэкграунд руководства региональных книголюбов. Непонимание рыночных принципов

¹ Интервью с Н.К. // Личный архив автора [инф. 15]. Информант родилась в 1956 г. в г. Иваново. Интервью записано в г. Перми с помощью дистанционных технологий. Запись 24.08.2018. Продолжительность интервью 71 минута.

новой книжной культуры представителями бывшей советской номенклатуры не позволяло им действовать в новых условиях.

В качестве пятого фактора представляется возможным выделить неизбежное изменение читательской среды, отношения к книге. Социологи в 1990-е г. фиксировали падение интереса и доверия к печати, снижение интереса к чтению на фоне роста доступности альтернативных досуговых форматов, прежде всего, экранных. Происходила «демобилизация литературы»¹. Следствием этого стало сокращение числа домашних книжных собраний с количеством экземпляров свыше 300 изданий в два раза². Книга теряла значение вещного символа престижа и достатка наряду с другими материальными «маяками» советской эпохи: стенкой, коврами, хрусталем³.

На этом фоне стремительно сокращался актив Общества. Сокращение «культурного слоя», падение активности интеллигенции было равносильно распаду костяка организаций, который был ответственен за культурную повестку низовых организаций. Иначе говоря, перестали быть деятельными те, кто вёл основную книголюбскую просветительскую работу.

В этом отношении примером неудавшегося старта в постсоветский период стала история Пермской областной организации добровольного общества любителей книги. Архивные данные позволяют увидеть численную деградацию местной книголюбской структуры: если в конце 1980-х в областном обществе состояло 46 районных и городских, а также одна окружная организация, то в 1994 можно было зафиксировать работу только 11 объединений⁴.

¹ Дубин Б.В. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. – М., 2007. – С. 226.

² Дубин Б.В. Указ. соч. – С. 229.

³ Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: сборник статей. – Новосибирск, 2005. – С. 48.

⁴ ПермГАСПИ Ф. 1924. Оп. 1. Д. 1144. Л. 10.

Глава Пермской областной организации, Г. Бородулина, которая была лидером местных книголюбов с 1986 г., отмечала, что в новых условиях Пермская областная организация столкнулась с трудным выбором: «Сознавая, что коммерциализация деятельности, погоня за прибылью путем наращивания цен – равнозначны потере авторитета общества, а значит, и гибели книголюбского движения. В то же время необходимо было найти источник финансирования своей деятельности в условиях беспрецедентного роста практически всех расходов...»¹. В итоге книголюбы региона на конференции 19 января 1994 г. решили совместить несколько направлений и постановили:

«Сохранить статус Общества как организации, преследующей культурно-просветительские цели. Обеспечить приоритетное, при более низких, чем в торговой сети, ценах, распространение литературы среди членов Общества через первичные организации. Найти источники финансирования деятельности Общества и улучшения материального стимулирования как сотрудников, так и активистов. Сохранить кадровый состав».

К этому времени книжный рынок Перми и области уже успел сформироваться и легализоваться, а «книжный» голод постепенно шёл на спад². Кроме того, Устав общества не соответствовал времени, был построен на основе позднесоветских подходов, хотя и содержал в себе возможность ведения предпринимательской деятельности, был лишен идеологических моментов. Согласно этому документу, сохранялись территориально-производственный принцип формирования первичных организаций, жесткая

¹ ПермГАСПИ Ф. 1924. Оп. 1. Д. 1144. Л. 2.

² Он сошёл на нет по оценкам интервьюируемых ближе к концу 1990 г. Такую тенденцию возможно проследить на примере падения тиражей и прекращения выпуска серии книг Майн Рида, которые являлись визитной карточкой Пермского книжного издательства / Баталина Ю. Приключения Майн Рида в Перми. История одного пермского издательского феномена // URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-4698929.html> (дата обращения: 11.09.2021).

внутренняя структура, возможность принятия коллективных членов, практика вручения членских билетов, значков, взносов, и т.д.

Каких-либо документальных подтверждений активной деятельности Пермской ДОК в последующем найти не удалось, кроме самого факта проведения конференции в 1999 г., в рамках которой обсуждался формальный вопрос о необходимости аннулирования Устава областной организации. С 2002 по 2007 г. Министерство Юстиции Пермской области (затем – края) фиксировало отсутствие какой-либо отчетности со стороны пермских книголюбов. Это стало предлогом для обращения в судебные органы. Решением суда Ленинского района города Перми организация прекратила свое существование¹.

Секрет выживаемости существующих региональных российских организаций книголюбов в 1990-е гг. заключался в компромиссном сочетании коммерческого направления, понимании новых реалий читательской культуры, просветительской работы и сотрудничества с местными властями. Первое выражалось в «умеренном» партнёрстве с центральными и местными издательствами. Так, одной из организаций удалось раньше других дистрибьюторов привезти в регион книги по программированию, что позволило им зарабатывать деньги для проведения своих мероприятий². Нахождение правильного языка с региональной и муниципальной властью помогало без препятствий зарегистрировать Устав регионального Общества и продлить льготную аренду помещения, быть включенными в программы развития местных территорий, которые были инициированы властью.

Работа Всесоюзной организации книголюбов с началом перестроечных реформ претерпевала ограниченные изменения. Гарантии государства в обмен на лояльность книголюбов к идеологии обеспечивали прочное

¹ ПермГАСПИ. Ф.1924. Оп. 1. Д.1144. Л. 57.

² Интервью с Н.К. // Личный архив автора [инф. 15]. Информант родилась в 1956 г. в г. Иваново. Интервью записано в г. Перми с помощью дистанционных технологий. Запись 24.08.2018. Продолжительность 71 минута.

положение ВОК в дефицитарной читательской культуре середины – второй половины 1980-х гг. Наибольшую гибкость в условиях возрастания частной инициативы проявили представители бюрократического аппарата Общества на уровне советских республик и регионов. Участие отделений книголюбов в хозрасчетной деятельности, создание кооперативов могли приносить средства, эквивалентные сборам членских взносов и деньгам от плановых мероприятий. Отсутствие свободного книжного рынка вместе с отложенным спросом делали положение ВОК в новых условиях еще более выгодным.

Всесоюзное общество книголюбов прекратило своё существование в начале 1992 г. в качестве единой организации. Республиканские и региональные отделения были предоставлены сами себе. Падение режима, исчезновение протекции со стороны властных институтов вместе с наступлением рынка явились главными вызовами для книголюбов. Большинство организаций не выжили в новых условиях и исчезли в течение 1990-х – 2000-х гг. Редкая успешная адаптация проходила во многом на фоне сознательного отказа от принципов и форматов, характерных для советских добровольных организаций: массовости, тотальной представленности на местах, большого штата и системы добровольных взносов и т.д. Это позволило существующим ныне региональным отделениям эволюционировать из буферного пространства между государством и обществом в один из элементов современного некоммерческого сектора.

* * *

Общество любителей книги с самого начала существования стало выстраивать коммуникации с зарубежными организациями, связанными с читательской культурой. В основном круг этих контактов был ограничен клубами при издательствах и общественными объединениями из стран социализма. В отношениях с ними ВОК выступало проводником советской культуры. На этом фоне практики, которые, как правило, были связаны со стимулированием сбыта книжной продукции, не находили поддержки со стороны членов делегаций Общества книголюбов. В это же время любые

попытки построить работу по схожим с советской организацией принципам получали одобрение представителей любителей книги СССР. Поэтому наиболее тесные отношения у руководства ВОК сложились с Культурным союзом – Восточногерманской массовой организацией, которая объединяла инициативы в сфере ГДР, обладала разветвленной структурой, системой членства и т.д.

В период перестройки деятельность Общества претерпела частичную трансформацию. С одной стороны, организации ВОК проявляли гибкость и реагировали на новые веяния. Это касалось, к примеру, хозрасчетной деятельности, которая позволила стать Обществу еще более финансово независимым. С другой стороны, ВОК оставалась организацией с жесткой иерархией, косными внутренними коммуникациями и т.д. Отсутствие коренных изменений в деятельности Общества вместе с распадом СССР привело к слому прежней институциональной среды и расформированию единой организации в 1992 г. Потеря прежних преференций со стороны органов власти, столкновение с новыми реалиями рыночных отношений в сфере книгоиздания в начале 1990-х, изменения читательской культуры привели к тому, что многие организации не смогли адаптироваться к новым условиям и прекратили свою работу в течение 1990-х – 2000-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В поздний советский период отношения государства и общества трансформировались под воздействием ряда факторов. Начиная с оттепели, советское правительство в тесной связи с коммунистической партией реализовывало социально-экономическую политику, которая приводила к изменениям в повседневности широких слоев населения. В это время строилось массовое жилье, росло количество выпускников средних и высших учебных заведений, увеличивались реальные доходы населения и количество его свободного времени, развивалось производство товаров народного потребления, бытовых приборов и т.д. Эти и другие меры повышали качество жизни, расширяли автономию советского человека. В первую очередь это касалось горожан, численность которых с середины 1950-х гг. преобладала в структуре населения и продолжала расти в течение 1960-х–1980-х гг.

Тем не менее принципы функционирования советских политических, экономических институтов менялись менее стремительно. Так, растущий спрос населения на товары и услуги не совпадал с запланированным заранее и спущенным сверху предложением, а также возможностями промышленности: Книжный дефицит и нехватка ресурсов, отсутствие редакторской и издательской свободы и, как следствие, ограниченность выбора, становились в этих условиях родовыми чертами читательской культуры середины 1960-х – середины 1980-х гг.

Сфера чтения являлась важной для государства – в рамках демонстрации преимуществ социализма внутри страны и за рубежом советская читательская культура времен позднего социализма преподносилась как передовая, а книга объявлялась всеобщим благом и достоинством, доступным широким слоям населения. Одновременно литература оценивалась властью как средство воспитания советского человека, способ распространения идеологии, репрезентации режима в обществе, инструмента влияния и

контроля. Центральное место в этой системе занимали библиотеки: государственные, ведомственные, школьные и т.д. – с предписанной номенклатурой дозволенных изданий.

С одной стороны, объем выпуска разных направлений литературы неуклонно рос. Однако структура издаваемого репертуара не соответствовала потребностям читателей. Будучи дефицитом, книга становилась символом моды, предметом накопления, обмена и теневого распределения.

Ситуация обострялась из-за изменения поведения читателей. Советские люди всё чаще воспринимали чтение как досуг, развлечение и путь к культурному саморазвитию, а не источник воспитания, политической грамотности и способ инкорпорирования в социальные пространства, обусловленные официальными практиками. Они реже пользовались услугами общественных библиотек и уделяли больше внимания своим домашним собраниям. Чтение становилось не столько коллективной, контролируемой практикой, сколько индивидуализирующей и автономной. Обладание книгой и чтение актуальной литературы в условиях подавления рыночных механизмов ложилось в основу культурного капитала советского человека. Это не только отличало его от других читателей, но и объединяло с близкими по духу людьми, что становилось причиной появления и развития клубов любителей книги – локальных объединений читателей. Будучи прежде элитарным занятием, уделом библиофилов и продвинутых книжников, клубы демократизировались как формат и стали получать массовое распространение в городах СССР с 1960-х гг.

Таким образом, читательская культура в начале 1970-х – накануне формирования Всесоюзной организации книголюбов становилась всё менее функциональной, удобной и предсказуемой для государства. Причиной этого в первую очередь признавались отнюдь не проблемы печатной индустрии, подходы к планированию, сложность и несбалансированность системы распределения или доминирование официальной культуры. Государство переносило ответственность за новые черты в сфере чтения на читателей: это

они «неправильно» относились к книгам и скупали их ради интерьера квартиры, отдавали предпочтение «не тем» изданиям, относили классиков в утиль за талоны на книги макулатурной серии и т.д.

Для коррекции положения власть воспользовалась испытанным временем форматом массовой добровольной организации. Создание новой большой структуры в сфере чтения в период «длинных» 1970-х гг. было реакцией государства и партии на низовые инициативы и постепенный отход читателей от официальных форматов, демонстрировало кризис формальных институтов, где сталкивались интересы государства и общества, неспособность режима адекватно реагировать на изменения читательских аудиторий.

Общество книголюбов было создано в короткие сроки в течение 1974–1975 гг. по инициативе политического руководства страны. Оно было встроено сверху в читательскую культуру и вобрало в себя уже существующие инициативы, объединения в сфере чтения: от библиофилов и собирателей экслибрисов до простых читателей в клубах при районных библиотеках. Ключевую роль в формировании структуры книголюбов, подборе кадров, а также рекрутировании первых членов сыграли компартия и государство в лице союзного и республиканских Госкомиздатов. Всю деятельность в центре и на местах книголюбы в дальнейшем вели в согласовании с партийными органами.

ВОК многое объединяло с другими массовыми обществами СССР: оно было представлено во всех советских республиках, большинстве городов, имело штатную бюрократию, иерархическую структуру, формальные процедуры, обладало финансовой самостоятельностью за счет регулярных платежей участников – граждан и учреждений, предприятий и т.д. Деятельность книголюбов зачастую пересекалась с активностью других организаций и объединений (библиотек, Всесоюзного общества «Знание» и др.). Однако на деле это не приводило к конкуренции: советские люди могли одновременно быть членами нескольких массовых объединений.

На организацию любителей книги возлагалась важная миссия: изменить ситуацию в сфере чтения. Главными функциями ВОК объявлялись содействие в пропаганде книги, более активном ее использовании, а также централизация самостоятельных инициатив. Через пропагандистские мероприятия, тексты Общества в методических изданиях, газетах и журналах представители ВОК продвигали модель чтения, отличную от той, что сложилась к середине 1970-х гг.

Она подразумевала более внимательное отношение к литературе, связанной с официальной идеологией, вовлечение «нового» читателя в коллективные практики: возвращение к пользованию массовой библиотекой, участие в лекционной программе, открытие собственного собрания для окружающих и т.д. Такие действия, согласно устроителям, а также руководителям ВОК, могли бы не только сократить разрыв между режимом и читающей публикой, но и решить проблему книжного дефицита.

Читатели присоединялись к организации по нескольким причинам.

Часть участников попадала туда без желания – в составе коллектива, за компанию или под внешним воздействием. Бюрократы-книголюбы были заинтересованы в постоянном притоке новых людей: это обеспечивало не только выполнение плана по численности, гарантированную явку на мероприятиях, но и больше денег в пользу организации. Рекордные показатели членства в итоге достигались за счет включения в состав ВОК крупных предприятий, а также учащейся молодежи. Иногда присоединение к Обществу происходило по распоряжению сверху, предписанию. В итоге такие книголюбы не проявляли активности, часто переставали платить взносы и могли быть исключены из организации.

Меньшая по масштабу группа членов ВОК вступала в Общество, поскольку была в нем заинтересована – интересы этих участников были связаны с книгой (коллекционирование изданий особого рода или увлечение фантастикой). Другие видели в движении книголюбов способ с пользой провести время: сходить на концерт, встретиться с писателем, поэтом и т.д.

То же относилось к членам клубов читателей, которые также попали в зону влияния Общества. Впоследствии формат клубов по книжным интересам, народных университетов стал одним из самых востребованных направлений работы в Обществе, – именно здесь концентрировался актив любителей книги, находились люди, которые проявляли свои организаторские способности. В их отношении организация книголюбов осуществляла функции идеологического надзора, методической поддержки и распространения опыта. Одновременно активные книголюбцы получали автономию. Ее гарантией в рамках ВОК выступал неформальный компромисс, который заключался в том, что книголюбцы выполняли предписанные действия и формальные требования, с одной стороны, и реализовывали собственные идеи, если они не противоречили официальным установкам, с другой.

Еще одна часть любителей книги вовлекалась в деятельность Общества, постольку, поскольку видела в этом дополнительную возможность получить доступ к дефицитным изданиям. Официально Общество находилось в стороне от книгораспространения. Более того, опыт клубов при издательствах социалистических стран, которые предусматривали систему бонусов для покупателей, оценивался представителями ВОК как неподходящий для советских условий.

Однако с первых лет существования Общество книголюбов заняло место в системе распределения и обмена книг: при содействии партийных и государственных органов на местах или на основе личных договоренностей структуры любителей книги могли получать преференции в приобретении дефицитных изданий.

Реальная деятельность ВОК выходила за рамки изначально предписанного функционала. Из инструмента реформировки «нового» читателя и регулирования сферы чтения организация книголюбов трансформировалась в гибридный институт, новую среду читательской коммуникации, которая: не имела четких границ с другими читательскими

институциями, а также общественными организациями, что приводило к пересечениям в деятельности, высокой степени заимствования практик, в том числе негативных, размытости образа организации; состояла из множества локальных, не связанных друг с другом читательских сообществ, групп по интересам, ситуативных потребительских объединений, объединенных общей бюрократией; вмещала зоны формальных и неформальных, легальных и полуправильных, коллективных, полуприватных и приватных практик.

Общество как массовая структура выступало не только пространством формальных ритуалов, центром по сбору взносов, генерации отчетов и предписаний, оценки и контроля действий книголюбов. Институциональная специфика ВОК заключалась в том, что, несмотря на официальные установки, направленные на унификацию читательских практик, Общество стало новой организационной средой для низовых инициатив, масштабировало разные форматы работы с книгой, выступило ресурсным и методическим центром для книголюбов-активистов, катализатором индивидуализации читателей, эволюции и автономизации читательской культуры. Вне позднесоветского контекста подходы к работе Общества книголюбов оказывались неактуальными и невостребованными.

То же относилось и к деятельности ВОК за рубежом. Общество любителей книги взаимодействовало с общественными объединениями и организациями в сфере чтения стран социализма. Большинство практик, с которыми сталкивались представители советской стороны, были связаны со стимулированием сбыта. Это противоречило принципам организации книголюбов. Наоборот, стремление к централизации низовых инициатив оценивалось представителями ВОК положительно.

Период перестройки обострил противоречия внутри организации. IV съезд ВОК (1989) стал центральным событием второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. Он ярко продемонстрировал одновременно и жизнеспособность позднесоветских порядков, и их абсурдность, и готовность советских людей к изменениям, к участию в старых социальных форматах,

но на новых, более прозрачных и выгодных для себя условиях. Рядовые книголюбцы поверили в возможность трансформации массовой организации. На то были причины: ВОК активно включилось в хозяйственную деятельность, изменило риторику в отношении личных библиотек книголюбцев, перейдя от идей обобществления к теме благотворительности, и т.д.

Любители книги и раньше пытались пересмотреть сложившееся положение, закрепить или, наоборот, отказаться от некоторых практик. В канун съезда эта работа активизировалась. Делали это книголюбцы в рамках формальных процедур и мероприятий, которые оставались неизменными с середины 1970-х гг. и были характерны для массовых советских организаций еще с 1920-х гг. Активисты, которые пользовались благами автономии в рамках ВОК, хотели избавиться от забюрократизированности, закрепить свое положение, к примеру, выделиться в отдельную организацию в рамках Общества, добиться более справедливого распределения финансов и т.д.

Те, кто видел в объединении любителей книги участника системы книгораспределения, требовали официального закрепления этой роли, собственного издательства, гарантированного обеспечения книгами. Были и те, кто настаивал на исключительно пропагандистской миссии Общества. Большинство членов организации объединяло то, что в своих намерениях по отношению к ВОК они не выходили за его пределы и границы режима. В итоге официально работа объединения почти не претерпела изменений. Это было проявлением не только косности бюрократии организации, но и острого кризиса формата массового советского добровольного общества в целом.

Дальнейшее развитие событий показало, что деятельность Всесоюзного общества книголюбцев в том виде, в котором оно было создано в период «длинных» семидесятых, была невозможна вне советского официального контекста и дефицитарной социалистической экономики. Распад СССР привел к исчезновению поддержки государства и партии, роспуску общей организации и постепенному угасанию большинства местных обществ.

Пропала массовость, а вместе с ней возможность содержать штат. Исчезло и привилегированное положение в системе распределения книжной продукции.

В условиях новой читательской культуры те бывшие организации книголюбов, что попытались включиться в книжный рынок в 1990-е гг., зачастую проигрывали в конкурентной борьбе. В то же время до сих пор существуют региональные общества книголюбов, связывающие свою нынешнюю работу с историей ВОК. Как правило, в постсоветское время они выживали за счет активистов, а также энтузиазма бывших бюрократов ВОК, стали некоммерческими организациями. Сегодня они занимаются просветительской активностью. Также до настоящего момента продолжают организованную деятельность обособленные сообщества, прежде включенные в состав ВОК (библиофилы, любители фантастики, собиратели экслибрисов).

Таким образом, институциональная история Всесоюзного общества любителей книги демонстрирует, что в 1970-е –1980-е гг. возникновение автономий и теневых зон в границах поддерживаемых и создаваемых советской властью институтов в период позднего социализма было способом самосохранения и залогом стабильности режима, компромиссом и предметом негласного договора государства и партии, с одной стороны, и общества с другой.

Советские люди всё чаще воспринимали чтение как досуг, развлечение и путь к культурному саморазвитию, а не источник воспитания, политической грамотности и способ инкорпорирования в социальные пространства, обусловленные официальными практиками. Чтение становилось не столько коллективной, контролируемой практикой, сколько индивидуализирующей и автономной.

Советские люди становились обладателями ограниченной свободы действий и социальных бонусов при условии принятия доминирующих в СССР принципов идеологии, политэкономии и администрирования. Режим, в

свою очередь, получал возможность опираться на эти принципы без их радикальной трансформации.

В поздний советский период меняющаяся читательская культура характеризовалась нарастающей самостоятельностью аудиторий читателей, что не согласовывалось с властными ориентирами регулирования и контроля, предписанными сверху сценариями и алгоритмами социализации. На этом фоне форматы родом из довоенного периода, такие как институт массового добровольного общества, все менее отвечали реалиям новой эпохи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. Р-9650 – Всесоюзное добровольное общество любителей книги
Оп. 1. – Д. 1, 7, 17, 21, 22, 25, 27, 28, 29, 30, 37, 68, 78, 79, 122, 133, 142, 146, 184, 199, 207, 209, 246, 278, 280, 281, 341, 368, 403, 431, 432, 472, 495, 496, 530, 558, 560, 653, 669, 734.
Оп. 2. – Д. 10, 164.
2. Ф. А-259 – Совет министров РСФСР.
Оп. 46. – Д. 4652.
Оп. 48. – Д. 2117.
3. Ф. Р-5446. Совет министров СССР.
Оп. 109. – Д. 1108.
4. Ф. Р-9527 – Комитет народного контроля СССР. Контрольная палата СССР.
Оп. 1. – Д. 8684.
5. Ф. Р-9604 – Государственный комитет СССР по печати. Министерство информации и печати СССР.
Оп. 2. – Д. 2022.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

6. Ф. 3 – Политбюро ЦК КПСС (1952–1990 гг.).
Оп. 63. – Д. 853.
7. Ф. 5 – Аппарат ЦК КПСС (1949–1991 гг.).
Оп. 69. – Д. 412.
Оп. 75. – Д. 293.
Оп. 76. – Д. 141.
Оп. 90. – Д. 140.

Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ)

8. Ф. 1 – Пермский горком КПСС.
Оп. 92. – Д. 73.
9. Ф. 105 – Пермский обком КПСС.
Оп. 354. – Д. 3149.
Оп. 305. – Д. 90.
Оп. 306. – Д. 112.
Оп. 332. – Д. 84.
10. Ф. 1924 – Коллекция документов общественных организаций, прекративших свою деятельность
Оп. 1. – Д. 1144.

Государственный архив Пермского края (ГАПК)

11. Ф. 1804 – Отдел ценовой политики администрации Пермской области /г. Пермь/.
Оп. 1. – Д. 678.

Законодательные и другие нормативные акты

12. Постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС № 199 «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями» [принято 7 марта 1967 года]. — URL : <https://base.garant.ru/70262914/#friends> (дата обращения: 15.10.2021). – Режим доступа: Портал правовой информации «Гарант.ру». – Текст : электронный.
13. Постановление Совета Министров РСФСР № 369 «Об организации Всероссийского добровольного общества любителей книги» [принято 24 июня 1974 года]. — URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2083> (дата обращения: 15.10.2021). – Режим доступа: Портал правовой информации «Консультант Плюс». – Текст : электронный.
14. Постановление Совета Министров РСФСР № 109 «О работе Всероссийского добровольного общества любителей книги» [принято

- 4 марта 1983 года]. — URL :
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2093#038431004134269175> (дата обращения: 15.10.2021). – Режим доступа: Портал правовой информации «Консультант Плюс». – Текст : электронный.
15. Постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР № 665 «О переводе объединений, предприятий и организаций отраслей народного хозяйства на полный хозяйственный расчет и самофинансирование» [принято 11 июня 1987 года]. — URL :
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=896#007842646435791178> (дата обращения: 15.10.2021). – Режим доступа: Портал правовой информации «Консультант Плюс». – Текст : электронный.
16. Закон СССР о выборах народных депутатов СССР от 01.12.1988 [принят Верховным Советом СССР 1 декабря 1988 года] — URL :
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14#027881667553520717> (дата обращения: 15.10.2021). – Режим доступа: Портал правовой информации «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

Устно-источники личного происхождения

17. Интервью с О.К. // Личный архив автора [инф. 1]. Информант родилась в 1965 г. в г. Соликамске (Пермская область). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Соликамске (Пермский край). Запись 08.08.2014. Продолжительность 70 минут.
18. Интервью с А.Г. // Личный архив автора [инф. 2]. Информант родился в 1937 г. в г. Одессе. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 25.08.2014. Продолжительность 44 минуты.
19. Интервью с Л.К. // Личный архив автора [инф. 3]. Информант родилась в 1947 г. в г. Чусовом (Пермская область). Интервью записано

- Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 29.08.2014. Продолжительность 42 минуты.
20. Интервью с Е.К. // Личный архив автора [инф. 4]. Информант родилась в Пермской области. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 29.09.2014. Продолжительность 25 минут.
 21. Интервью с А.А. // Личный архив автора [инф. 5]. Информант родилась в г. Перми. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 07.10.2014. Продолжительность 44 минуты.
 22. Интервью с Т.Б. // Личный архив автора [инф. 6]. Информант родилась в 1963 г. в г. Перми. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 09.12.2014. Продолжительность 64 минуты.
 23. Интервью с Н.А. // Личный архив автора [инф. 7]. Информант родилась в 1935 г. в п. Ильинский (Пермский край). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми с помощью дистанционных технологий. Запись 15.01.2015. Продолжительность 120 минут.
 24. Интервью с Л.Ш. // Личный архив автора [инф. 8]. Информант родилась в 1946 г. в г. Рыбинске (Ярославская область). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 27.02.2015. Продолжительность 59 минут.
 25. Интервью с Н.Г. // Личный архив автора [инф. 9]. Информант родилась в 1962 г. в Краснокамском районе Пермской области. Интервью записано в г. Перми. Интервью записано Е.В. Матвеевым. Запись 09.12.2015. Продолжительность 56 минут.
 26. Интервью с И.С. // Личный архив автора [инф. 10]. Информант родилась в 1951 г. в г. Перми. Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 14.02.2015. Продолжительность 84 минуты.
 27. Интервью с С.И. // Личный архив автора [инф. 11]. Информант родилась в 1961 г. в г. Верещагино (Пермская область). Интервью записано Е.В. Матвеевым в г. Перми. Запись 25.12.2015. Продолжительность 67 минут.

28. Интервью с Ж.М. // Личный архив автора [инф. 12]. Информант родилась в 1946 г. в г. Соликамске (Пермский край). Интервью записано в г. Соликамске. Запись 18.11.2017. Продолжительность 109 минут.
29. Интервью с Т.П. // Личный архив автора [инф. 13]. Информант родилась в 1942 г. в д. Тумаши (Арбажский район, Кировская область). Интервью записано в г. Соликамске. Запись 18.11.2017. Продолжительность 20 минут.
30. Интервью с Л.С. // Личный архив автора [инф. 14]. Информант родилась в 1947 г. в г. Перми. Интервью записано в г. Перми. Запись 17.12.2017. Продолжительность 74 минуты.
31. Интервью с Н.К. // Личный архив автора [инф. 15]. Информант родилась в 1956 г. в г. Иваново. Интервью записано в г. Перми с помощью дистанционных технологий. Запись 24.08.2018. Продолжительность 71 минута.
32. Интервью с Н.Ш. // Личный архив автора [инф. 16]. Информант родилась в 1957 г. в г. Нальчик. Интервью записано в г. Перми с помощью дистанционных технологий. Запись 08.10.2018. Продолжительность 57 минут.
33. Интервью с Т.Р. // Личный архив автора [инф. 17]. Информант родилась в 1957 г. в г. Нальчик. Интервью записано в г. Перми с помощью дистанционных технологий. Запись 08.10.2018. Продолжительность 57 минут.
34. Интервью с В.В. // Личный архив автора [инф. 18]. Информант родился в 1945 г. в г. Ленинграде. Интервью записано в г. Москве. Запись 24.06.2019. Продолжительность 22 минуты.
35. Интервью с И.О. // Личный архив автора [инф. 19]. Информант родилась в 1941 г. в г. Перми. Интервью записано в г. Перми. Запись 11.02.2020. Продолжительность 62 минуты.

36. Интервью с А.К. // Личный архив автора [инф. 20]. Информант родилась в 1927 г. в г. Уфе. Интервью записано в г. Перми. Запись 19.02.2020. Продолжительность 101 минута.
37. Интервью с Ю.Г. // Личный архив автора [инф. 21]. Информант родился в 1944 г. в г. Москве. Интервью записано в г. Перми с помощью дистанционных технологий. Запись 22.03.2021.
38. Интервью с О.Л. // Личный архив автора [инф. 22]. Информант родилась в 1953 г. в г. Перми. Интервью записано в г. Перми. Запись 25.06.2021. Продолжительность 121 минута.

Статистические материалы, базы данных

39. Всесоюзная перепись населения 1959 года // — URL : http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 15.10.2021). – Текст : электронный.
40. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц по полу // — URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (дата обращения: 15.10.2021). – Текст : электронный.
41. Народное хозяйство Пермской области в девятой пятилетке / сост. В. М. Аксиньина, Л. М. Баранцева, М. А. Ковина [и др.] ; Статистическое управление Пермской области. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1976. – 215 с. – Текст : непосредственный.
42. Народное хозяйство Пермской области в XI пятилетке / сост. В. М. Васильева [и др.] ; Центральное статистическое управление РСФСР ; Статистическое управление Пермской области. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1986. – 190 с. – Текст : непосредственный.
43. Народное хозяйство Пермской области за годы советской власти / Центральное статистическое управление РСФСР, Статистическое

- управление Пермской области. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1977. – 136 с. – Текст : непосредственный.
44. Народное хозяйство РСФСР в 1965 году / Центральное статистическое управление РСФСР. – Москва: Статистика, 1966. – 616 с. – Текст : непосредственный.
45. Народное хозяйство РСФСР в 1975 году / Центральное статистическое управление при Совете Министров РСФСР. – Москва: Статистика, 1976. – 520 с. – Текст : непосредственный.
46. Народное хозяйство СССР 1922-1972. Юбилейный статистический ежегодник / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. – Москва: Статистика, 1972. – 848 с. – Текст : непосредственный.
47. Народное хозяйство СССР в 1956 году / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. – Москва: Главное статистическое издательство, 1957. – 262 с. – Текст : непосредственный.
48. Народное хозяйство СССР в 1960 году / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. – Москва: Госстатиздат Центрального статистического управления СССР, 1961. – 417 с. – Текст : непосредственный.
49. Народное хозяйство СССР в 1965 году / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. – Москва: Госстандарт, 1966. – 910 с. – Текст : непосредственный.
50. Народное хозяйство СССР в 1970 году / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. – Москва: Статистика, 1971. – 824 с. – Текст : непосредственный.
51. Народное хозяйство СССР в 1975 году / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. – Москва: Статистика, 1976. – 846 с. – Текст : непосредственный.

52. Народное хозяйство СССР в 1980 году / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. – Москва: Статистика, 1981. – 583 с. – Текст : непосредственный.
53. Народное хозяйство СССР в 1985 году / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. – Москва: Финансы и статистика, 1986. – 654 с. – Текст : непосредственный.
54. Народное хозяйство СССР в 1989 году / Государственный комитет СССР по статистике. – Москва: Финансы и статистика, 1990. – 766 с. – ISBN 5-279-00379-4. – Текст : непосредственный.
55. Народное хозяйство СССР в 1990 году / Госкомстат СССР. – Москва: Финансы и статистика, 1991. – 752 с. – ISBN 5-279-00603-3. – Текст : непосредственный.
56. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник / Государственный комитет СССР по статистике. – Москва: Финансы и статистика, 1988. – 772 с. – Текст : непосредственный.
57. Печать в СССР в 1971 году / Всесоюзная книжная палата. – Москва: Книга, 1972. – 200 с. – Текст : непосредственный.
58. Печать в СССР в 1976 году / Всесоюзная книжная палата. – Москва: Статистика, 1977. – 206 с. – Текст : непосредственный.
59. Печать в СССР в 1980 году / Всесоюзная книжная палата. – Москва: Финансы и статистика, 1981. – 255 с. – Текст : непосредственный.
60. Печать в СССР в 1981 году / Всесоюзная книжная палата. – Москва: Финансы и статистика, 1982. – 255 с. – Текст : непосредственный.
61. Печать в СССР в 1985 году / Всесоюзная Ордена «Знак почета» книжная палата. – Москва: Финансы и статистика, 1986. – 311 с. – Текст : непосредственный.
62. Печать в СССР в 1990 году / Научно-производственное объединение «Всесоюзная книжная палата». – Москва: Финансы и статистика, 1991. – ISBN 5-279-00634-3. – Текст : непосредственный.

Справочные издания и материалы

63. Баранова, Л. Я. Потребности, доходы, потребление: Экономический словарь-справочник / Л. Я. Баранова, А. И. Левин. – Москва: Экономика, 1988. – 351 с. – ISBN 5-282-00584-0. – Текст : непосредственный.
64. Большая советская энциклопедия. Том 13: Конда-Кун / глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1973-. – 608 с. – Текст : непосредственный.
65. Валюты стран мира. Справочник / под. ред. С. М. Борисова. – Москва: Финансы и статистика, 1987. – 384 с. – Текст : непосредственный.
66. Заготовка вторичного сырья предприятиями системы Госснаба СССР / сост. Л. С. Залкинд, И. В. Царев, В. Г. Щербаков. – Москва: Госснаб СССР, 1985. – 71 с. – Текст : непосредственный.
67. Книговедение. Энциклопедический словарь / под ред. И.М. Сикорского. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. – 664 с. – Текст : непосредственный.
68. Краткий справочник книголюбца / под ред. А. Э. Мильчина. – Москва: Книга, 1976. – 192 с. – Текст : непосредственный.
69. Краткий справочник книголюбца / под ред. А. Э. Мильчина. – 3-е изд. перераб. и доп. – Москва: Книга, 1984. – 480 с. – Текст : непосредственный.
70. Осипов, В. О. Что нужно знать каждому о домашней библиотеке / В. О. Осипов, Н. И. Довгоборец, Е. Ю. Иванова [и др.] ; под ред. В. О. Осипова. – М: Книга, 1976. – 48 с. – Текст : непосредственный.
71. Педагогическая энциклопедия. Том 3. Н-См. / редкол.: И. А. Каиров, Ф. Н. Петрова [и др.]. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 880 с. – Текст : непосредственный.
72. Советская интеллигенция. Словарь-справочник. / ред. Л. В. Иванова. – Москва: Политиздат, 1987. – 222 с. – Текст : непосредственный.

73. Справочник партийного работника. Выпуск 5. / редкол.: В.П. Малин [и др.]. – Москва: Госполитиздат, 1964. – 446 с. – Текст : непосредственный.
74. Страницы истории КПСС: факты, проблемы, уроки / Под ред. В. И. Купцова. – Москва : Высшая школа, 1988. – 703 с. – ISBN 5-06-001971-3. – Текст : непосредственный.
75. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, 30 марта – 9 апр. 1971 г.: стенографический отчет. – Москва: Политиздат, 1971. – Том 1. – 598 с. – Текст : непосредственный.

Опубликованные материалы съездов Общества книголюбов

76. Учредительный съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы / сост. А. Н. Костаков, И. А. Котомкин, Е. И. Осетров [и др.] А. Н. Чирва. – Москва: Книга, 1975. – 160 с. – Текст : непосредственный.
77. Материалы к отчету Центрального правления ВОК II съезду Всесоюзного добровольного общества книги / Центральное правление Всесоюзного общества любителей книги. – Москва: ВОК, 1979. – 23 с.
78. Материалы II съезда Всесоюзного общества любителей книги / сост. А. Н. Костаков, Г. Ф. Гарин. – Москва: Книга, 1980. – 175 с. – Текст : непосредственный.
79. Материалы III съезда Всесоюзного общества любителей книги / сост. С. Г. Шувалов, Г. Ф. Гарин. – Москва: Книга, 1985. – 160 с. – Текст : непосредственный.

Информационные и методические издания Всесоюзного общества книголюбов

80. Домашняя библиотека книголюбца: Комплектование и хранение : Методическое пособие / Общество любителей книги ЭССР. – Таллин : [б. и.], 1977. – 20 с.

81. Домашняя библиотека. Методические рекомендации в помощь организациям Общества и библиотекам по привлечению книг из личных собраний трудящихся в общественное пользование. – Киев: б.и., 1988. – 27 с.
82. Инструктивно-методические рекомендации по лекционной пропаганде книги / Сост. А. А. Комаровский ; Добровольное общество любителей книги БССР. – Минск : [б. и.], 1979. – 35 с.
83. Книга в нашей жизни / Добровольное общество любителей книги РСФСР. – Москва : Советская Россия, 1983. – 31 с. – Текст : непосредственный.
84. Книга работает на пятилетку. Информационное письмо о работе первичной организации Общества книголюбов / Добровольное общество любителей книги Украинской ССР. – Киев, 1985. – 32 с. – Текст : непосредственный.
85. Книги о радикальной экономической реформе. Методические рекомендации и библиографии в помощь активистам и организациям книголюбов. Киев.,1988. Книги о радикальной экономической реформе : методические рекомендации и библиография в помощь активистам и организаторам Общества книголюбов / Добровольное общество любителей книг УССР. – Киев : Добровольное общество любителей книг УССР, 1988. – 28 с. – Текст : непосредственный.
86. Костаков, А. Н. Всесоюзное общество любителей книги и его роль в повышении эффективности использования книжных фондов: Тезисы доклада / Академия наук СССР ; Научный совет по истории мировой культуры. Министерство культуры СССР; Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина [и др.]. – Москва : Книга, 1977. – 13 с. – Текст : непосредственный.
87. Народное достояние. Из опыта работы Всесоюзного добровольного общества любителей книги по эффективному использованию книжных фондов / К. И. Аштаменко, Г. Ф. Гарин ; Центральное правление

- Всесоюзного общества книголюбов. – Москва: Всесоюзное общество книголюбов, 1985. – 39 с. – Текст : непосредственный.
88. От съезда к съезду : материалы к отчету Центрального правления ВОК III съезду Всесоюзного добровольного общества любителей книги / Центральное правление Всесоюзного добровольного общества любителей книги. – Москва: [б. и.], 1984. – 48 с. – Текст : непосредственный.
89. Положение о Международном сообществе книголюбов. – Москва: Издательский центр «Книголюб», 1992. – 15 с. – Текст : непосредственный.
90. Работа первичной организации ВОК. Справочник / ред. Н. А. Тишкова. – Москва: Книга, 1979. – 82 с. – Текст : непосредственный.
91. Разделенная радость : Очерки о личных библиотеках, открытых для общественного пользования / Сост. А. П. Марин, К. И. Аштаменко ; Всесоюзное добровольное общество любителей книги. – Москва : Книга, 1985. – 112 с. – Текст : непосредственный.
92. Сборник постановлений и положений ВОК / Всесоюзное добровольное общество любителей книги, Центральное правление. – Москва: Книга, 1982. – 191 с. – Текст : непосредственный.
93. Словарь юного книголюбца / под ред. И. Линкова – Изд. 2-е, доп. – Москва: Книга, 1987. – 303 с. – Текст : непосредственный.

Периодическая печать

Газеты

94. Искра. Газета Кунгурского городского комитета КПСС. – 1975. – Еженед.— Текст : непосредственный.
95. Книжное обозрение. Печатный орган Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Всесоюзного добровольного общества любителей книги. – 1970-1991. — Еженед.— Текст : непосредственный.

96. Звезда. Газета Пермского областного комитета КПСС. – 1973-1984. – Ежеднев.— Текст : непосредственный.
97. Смена. Печатный орган Ленинградского областного и городского комитета ВЛКСМ. – 1986. – Ежеднев.— Текст : непосредственный.
98. Советская культура. Газета Центрального комитета КПСС. – 1973. – Ежеднев.— Текст : непосредственный.

Журналы, альманахи

99. Альманах библиофила. Выпуск второй / редкол.: Осетров Е. И. [и др.]. – Москва : Книга, 1975. – 304 с. – Текст : непосредственный.
100. Альманах библиофила. Выпуск пятый / редкол.: Осетров Е. И. [и др.]. – Москва : Книга, 1978. – 316 с. – Текст : непосредственный.
101. Альманах библиофила. Выпуск восьмой. / редкол.: Осетров Е. И. [и др.]. – Москва : Книга, 1980. – 256 с. – Текст : непосредственный.
102. Альманах библиофила. Выпуск семнадцатый. / редкол.: Осетров Е. И. [и др.]. – Москва : Книга, 1985. – 312 с. – Текст : непосредственный.
103. Вечерняя Пермь. Газета Пермского городского комитета КПСС. – 1974-1983. — Ежеднев.— Текст : непосредственный.
104. В мире книг. Журнал Государственного комитета по печати при Совете Министров СССР. – 1976. – Ежемесячн. – Текст: непосредственный.
105. Знание – сила. Научно-популярный журнал. – 1993. – Ежемесячн. – Текст: непосредственный.
106. Книжная торговля. Обзорная информация. Выпуск 3 (25) / К.И. Аштаменко, Н.П. Котов, А.Н. Чирва ; Всесоюзное общество книголюбов. – Москва: Книга, 1978. – 44 с.
107. Советская библиография. Журнал Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Всесоюзной книжной палаты. – 1987. – Ежемесячн. – Текст: непосредственный.
108. Советские профсоюзы. Общественно-политический журнал ВЦСПС. – 1969. – Ежемесячн. – Текст: непосредственный.

109. Филателия СССР. Научно-популярный иллюстрированный журнал Министерства связи СССР и Союза филателистов СССР. – 1989-1991. – Ежемесячн. – Текст: непосредственный.

ЛИТЕРАТУРА

Книги, брошюры

110. Аверина, Н. Ф. История пермской книги / Н. Ф. Аверина. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1989. – 222 с. – ISBN 5-7625-0145-0. – Текст : непосредственный.
111. Актуальные проблемы теории и истории библиофильства : тезисы докладов научно-практической конференции. – Ленинград: б. и., 1982. – 51 с. – Текст : непосредственный.
112. Андреева, О. В. История книги / О. В. Андреева, Л. Л. Волкова, А. А. Говоров. – Москва: Светотон, 2001. – 400 с. – ISBN 5-7419-0040-2. – Текст: электронный.
113. Архипова, А. С. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР / А. С. Архипова, А. А. Кирзюк. – Москва: Новое литературное обозрение, 2020. – 536 с. – ISBN 978-5-4448-1598-4. Текст : непосредственный.
114. Белошапка, Н. В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева / Н. В. Белошапка. – Ижевск: Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2012. – 320 с. – ISBN 978-5-4312-0101-1. – Текст : непосредственный.
115. Берков, П. Н. История советского библиофильства / П. Н. Берков. – Москва: Книга, 1983. – 282 с. – Текст : непосредственный.
116. Блюм, А. В. За кулисами министерства правды. Тайная история советской цензуры. 1917–1929 / А. В. Блюм. – Санкт-Петербург: Академический проект, 1994. – 320 с. – ISBN 5-7331-0027-3. – Текст : непосредственный.

117. Блюм, А. В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953-1991 / А. В. Блюм. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2005. – 296 с. – ISBN 5-7331-0329-9. – Текст : непосредственный.
118. Бойм, С. Общие места. Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – Москва: Новое литературное обозрение, 2002. – 220 с. – ISBN 5-86793-190-0. – Текст : непосредственный.
119. Васюнькин, Ю. Н. Спешите, пока горит свеча / Ю.Н. Васюнькин ; Добровольное общество любителей книги РСФСР. – Москва : Советская Россия, 1989. – 128 с. – Текст : непосредственный.
120. Время, вперед! Культурная политика в СССР / под. ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного – Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. – 270 с. – ISBN 978-5-7598-1082-7. – Текст : непосредственный.
121. Гарин, Г. Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы / Г. Ф. Гарин. – Москва: Книга, 1989. – 192 с. – Текст : непосредственный.
122. Говоров, А. А. История книжной торговли / А. А. Говоров. – Москва: Книга, 1966. – 264 с. – Текст : непосредственный.
123. Горбачевский, Б. С. В стране книголюбов / Б. С. Горбачевский. – Москва : Детская литература, 1979. – 159 с. – Текст : непосредственный.
124. Горяева, Т. М. Политическая цензура в СССР 1917–1991 гг. / Т. М. Горяева. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2009. – 408 с. – ISBN 978-5-8243-1179-2. – Текст : непосредственный.
125. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я) / Б. А. Грушин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с. – ISBN 5-89826-249-0. – Текст : непосредственный.
126. Гудков, Л. Д. Литература как социальный институт: монография / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин. – Москва: Новое литературное обозрение, 1994. – 352 с. – Текст : непосредственный.

127. Добренко, Е. А. Формовка советского читателя / Е. А. Добренко. – Санкт-Петербург: Академический проект, 1997. – 323 с. – ISBN 5-7331-0083-4. – Текст : непосредственный.
128. Добренко, Е. А. Политэкономия соцреализма / Е. А. Добренко. – Москва : Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с. – ISBN 5-86793-482-9. – Текст : непосредственный.
129. Дубин, Б. В. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки / Б. В. Дубин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2007. – 405 с. – ISBN 5-89826-216-4. – Текст : непосредственный.
130. Дубин, Б. В. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях / Б. В. Дубин, Л. Д. Гудков. – Санкт-Петербург: Издательский дом Ивана Лимбаха, 2009. – 304 с. – ISBN 978-5-89059-126-5. – Текст : непосредственный.
131. Дубин, Б. В. Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре / Б. В. Дубин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2013. – 345 с. ISBN 978-5-86793-811-6. – Текст : непосредственный.
132. Иванова, А. С. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР / А. С. Иванова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 304 с. ISBN 978-5-4448-0743-9. – Текст : непосредственный.
133. Ильина, И. Н. Общественные организации в России в 1920-е годы / И. Н. Ильина. – Москва: Институт российской истории Российской академии наук, 2000. – 216 с. – ISBN 5-8055-0047-7. – Текст : непосредственный.
134. История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: материалы III международной научной конференции, посвященной памяти А. В. Блюма, 27–28 мая 2014 г. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2015. – 367 с. – ISBN 978-5-8290-1517-6. – Текст : непосредственный.

135. Книга в культурной жизни Москвы / Сост. А. Ф. Залетный. Москва : Московский рабочий, 1987. – 191 с. – Текст : непосредственный.
136. Книга и чтение в жизни небольших городов / редколлегия: О. С. Чубарьян [и др.] ; Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. – Москва: Книга, 1973. – 328 с. – Текст : непосредственный.
137. Книга и чтение в жизни советского села. Проблемы и тенденции / редколлегия: Н. Н. Соловьева [и др.] ; Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. – Москва: Книга, 1973. – 181 с. – Текст : непосредственный.
138. Книга и чтение в зеркале социологии / под ред. В. Д. Стельмах, Н. К. Лобачева. – Москва: Изд-во «Книжная палата», 1990. – 207 с. ISBN 978-5-91566-021-1. – Текст : непосредственный.
139. Козлова, Н. Н. Советские люди. Сцены истории / Н. Н. Козлова. – Москва: Европа, 2005. – 544 с. – ISBN 5-9739-0017-7. – Текст : непосредственный.
140. Коржихина, Т. П. Извольте быть благонадежны! Об отношении власти к обществу / Т. П. Коржихина. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. – 371 с. – ISBN 5-7281-0204-2. – Текст : непосредственный.
141. Лебина, Н. Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917-1991 / Н. Б. Лебина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 584 с. – ISBN 978-5-4448-0948-8. – Текст : непосредственный.
142. Лебина, Н. Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки» / Н. Б. Лебина. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. – 444 с. – ISBN 978-5-86007-569-6. – Текст : непосредственный.
143. Левинсон, А. Г. Опыт социографии. Сборник статей / А. Г. Левинсон. – Москва: Новое литературное обозрение, 2004. – 664 с. – ISBN 978-5-86793-211-4. – Текст : непосредственный.

144. Нарский, И. В. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло / И. В. Нарский. – Москва: Новое литературное обозрение. – 2018. – 754 с. – ISBN 978-5-4448-0742-2. – Текст : непосредственный.
145. Нефедов, В. В. СЕПГ и культура ГДР / Нефедов В. В. — Москва: Научно-политическая книга, 2019 — 558 с. – ISBN 978-5-906594-32-7. – Текст : непосредственный.
146. Никонова, О. Ю. Воспитание патриотов: Осовиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.) / О. Ю. Никонова. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 488 с. – ISBN 978-5-94881-138-3. – Текст : непосредственный.
147. Оборин, В. А. Немые свидетели / В. А. Оборин. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1965. – 96 с. – Текст : непосредственный.
148. Остапенко, И. П. Рабочий класс СССР в управлении производством, 1956-1970 гг. / И. П. Остапенко. – Москва: Наука, 1976. – С. 483. – Текст : непосредственный.
149. Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / под ред. И. В. Кукулина, М. Л. Майофис, П. А. Сафронова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – 720 с. – ISBN 978-5-4448-0243-4. – Текст : непосредственный.
150. Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / под. ред. М. В. Лоскутовой. – Санкт-Петербург: Новое издательство, 2005. – 392 с. – ISBN 5-98379-050-1. – Текст : непосредственный.
151. Плаунов, В. Сбывшаяся мечта / В. Плаунов. – Москва: Издательство Перо, 2019. – 324 с. – ISBN 978-5-00150-590-7. – Текст : непосредственный.
152. Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. С. Дубиной, А. К. Сорокина [и др.]. – Москва

- : РОССПЭН, 2015. – 271 с. – ISBN 978-5-8243-1988-0. – Текст : непосредственный.
153. Рагозина, С. А. Дискурс политического ислама. На примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа / С. А. Рагозина. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 144 с. – ISBN 978-5-397-03548-4. – Текст : непосредственный.
154. Рейтблат, А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы / А. И. Рейтблат. – Москва, 2009. – 448 с. – ISBN 978-5-86793-684-6. – Текст : непосредственный.
155. Сарнов, Б. М. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма / Б. М. Сарнов. – Москва: Эксмо, 2005. – 768 с. – ISBN 5-699-12416-0. – Текст : непосредственный.
156. Сказкин, С.Д. История – увлекательная наука / С.Д. Сказкин. – Москва : Знание, 1961. – 72 с. – Текст : непосредственный.
157. Советский читатель: опыт конкретно-социологического исследования / под ред. Н. Е. Добрыниной, Е. Е. Троицкой ; Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. – Москва: Книга, 1968. – 343 с. – Текст : непосредственный.
158. Социология и психология чтения. Труды. Том 15 / под ред. Н. М. Сикорского ; Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.,. – Москва: Книга, 1979. – 230 с.– Текст : непосредственный.
159. Травин, Д. Я. Семидесятнудые – анализ поколения / Д.Я. Травин. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 36 с. – Текст : непосредственный.
160. Хархордин, О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности / О. В. Хархордин. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002. – 511 с. – ISBN 978-5-9438-0222-5. – Текст : непосредственный.

161. Щеглова, Т. К. Устная история / Т.К. Щеглова. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2011. – 364 с. – ISBN 978-5-88210-570-8. – Текст : непосредственный.
162. Щиглик, А. И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. Политико-правовое исследование / А. И. Щиглик. – Москва: Наука, 1977. – 253 с.– Текст : непосредственный.
163. Юрчак, А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. В. Юрчак. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с. – ISBN 978-5-4448-0190-1. – Текст : непосредственный.
164. Ямпольская, Ц. А. Общественные- организации и развитие советской социалистической государственности / Ц. А. Ямпольская. – Москва: Юридическая литература, 1965. – 197 с.– Текст : непосредственный.
165. 1956: незамеченный термидор: очерки провинциального быта / О. Л. Лейбович, А. В. Чашухин, В. В. Шабалин, [и др.] – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2012. – 248 с. – ISBN 978-5-9120-1115-3. – Текст : непосредственный.

Труды зарубежных авторов

166. Дюма, А. Граф Монте-Кристо. В 2 т.: Том 1 / А. Дюма. – Москва, 1977. – 654 с. – Текст : непосредственный.
167. Йоргенсен, М. В., Филлипс, Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс ; [пер. с англ. А. А. Киселевой] – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с. – ISBN 966-8324-06-4. – Текст : непосредственный.
168. Менцель, Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки / Б. Менцель ; [пер. с нем. Г. В. Снежинской]. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2006. – 400 с. – ISBN 5-7331-0348-5. – Текст : непосредственный.

169. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность / Д. Норт : [пер. с англ. А. Н. Нестеренко] – Москва : Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. – 180 с. - ISBN 5-88581-006-0. – Текст : непосредственный.
170. Рейли, Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране / Д. Рейли. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – 544 с. – ISBN 978-5-4448-0271-7. – Текст : непосредственный.
171. Кречмар, Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. / Д. Кречмар. – Москва: Аиро ХХ, 1997. – 320 с. – ISBN 5-88735-035-0. – Текст : непосредственный.
172. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон ; [пер. с англ. М. Коробочкин, Е. Криштоф]. – Москва: Весь мир, 2003. – 368 с. – ISBN 5-7777-0229-5. – Текст : непосредственный.
173. Урбан, Ф. Башня и коробка. Краткая история массового жилья / Ф. Урбан ; [пер. с англ. П. Фаворова]. Москва : Strelka Press, 2019. – 296 с. – ISBN 978-5-90626492-3. – Текст : непосредственный.
174. Эггелинг, В. Политика и культура при Хрущёве и Брежневе. 1953–1970 гг. / В. Эггелинг ; [пер. с нем. М. Молчанов]. – Москва: Аиро ХХ, 1999. – 312 с. – ISBN 5-88735-042-3. – Текст : непосредственный.
175. Brezhnev Reconsidered / под ред. Е. Bacon, М. Sandle. – London: Palgrave Macmillan, 2002. – 233 p. – ISBN 978-0-230-50108-9. Текст : непосредственный.
176. Brooks, J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917 / J. Brooks. – Princeton: Princeton university press, 1985. – 450 p. – ISBN 978-0810118973. – Текст : непосредственный.
177. Caplow, T. Recent Social Trends in the United States, 1960-1990 / T. Caplow, Н. Bahr. – Montreal.: McGill-Queen's University Press, 1994. – 608 p. – ISBN 978-0773512122. – Текст : непосредственный.

178. Chernyshova, N. Soviet consumer culture in the Brezhnev era / N. Chernyshova. – London: Routledge, 2013. – 280 p. ISBN 978-1-1381-8292-9. – Текст : непосредственный.
179. Fulbrook, M. The People's State: East German Society from Hitler to Honecker / M. Fullbrook. – Yale: Yale University Press, 2008. – 352 p. – ISBN 978-0-30010-884-2. – Текст : непосредственный.
180. Kotkin, S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization / S. Kotkin. – Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1995. – 639 p. – ISBN 978-0520208230. – Текст : непосредственный.
181. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. – London: Verso, 2001. – 240 p. – ISBN 978-1-8598-4330-7. – Текст : непосредственный.
182. Ledeneva, A. V. Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange / A. V. Ledeneva. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 256 p. – ISBN 978-0521627436. – Текст : непосредственный.
183. Lovell, S. The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras / S. Lovell. – London, 2000. – 215 p. – ISBN 0-333-77826-X. – Текст : непосредственный.
184. Odom, W. E. The Soviet Volunteers: Modernization and Bureaucracy in Public Mass Organization / W. E. Odom. – Princeton: Princeton University Press, 1973. – 360 p. – Текст : непосредственный.
185. Pristed, B. B. The New Russian Book: A Graphic Cultural History / B. B. Pristed. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – 343 p. – ISBN 978-3-3195-0707-1. – Текст : непосредственный.
186. Raleigh, J. D. Soviet Baby Boomers. An oral history of Russia's Col war generation / J. D. Raleigh. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 420 p. – ISBN 978-0-1993-1123-1. – Текст : непосредственный.

187. Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era Ideology and Exchange / под. ред. D. Fainberg, A.M. Kalinovsky. – Lanham: Lexington Books, 2016. – 198 p. – ISBN 978-1-4985-2994-5. – Текст : непосредственный.
188. Rojavin, M. Soviet Films of the 1970s and Early 1980s Conformity and Non-Conformity Amidst Stagnation Decay / M. Rojavin, T. Harte. – London: Routledge, 2021. – 190 p. – ISBN 978-0-36740-899-2. – Текст : непосредственный.
189. Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964-1985 / под. ред. N. Klumbyte, G. Sharafutdinova. – Lanham: Lexington Books, 2014. – 256 p. – ISBN 978-0739175835. – Текст : непосредственный.
190. Zhuk, S. I. Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dnepropetrovsk, 1960-1985 / S. I. Zhuk. Baltimore: Woodrow Wilson Center Press with Johns Hopkins University Press, 2010. – 464 p. – ISBN 978-0-8018-9550-0. – Текст : непосредственный.
191. Zimmer, A. Der Kulturbund in der SBZ und in der DDR. Eine ostdeutsche Kulturvereinigung im Wandel der Zeit zwischen 1945 und 1990 / A. Zimer. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2019. – 674 s. – ISBN 978-3-658-23552-9/ – Текст : непосредственный.

Статьи

192. Белькова, А. А. Исторический институционализм - новое направление в исторических исследованиях / А. А. Белькова. – Текст: непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 7–1. – С. 117–121.
193. Бородулина, С. Ф. Организационный период становления Удмуртского республиканского отделения добровольного общества любителей книги РСФСР / С. Ф. Бородулина. – Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. — URL : <http://www.science-education.ru/118-14304> (дата обращения: 15.10.2021).

194. Бородулина, С. Ф. Формы общественного книгораспространения как способ продвижения и пропаганды книжной продукции в Удмуртской АССР в 1974–1984 гг. / С. Ф. Бородулина. – Текст: непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2015. – №4 – С. 132–140.
195. Бородулина, С. Ф. Деятельность общества любителей книги в условиях перестройки (на материалах Удмуртии) / С. Ф. Бородулина. – Текст: непосредственный // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 17–24.
196. Бородулина, С. Ф. Особенности издательской деятельности общества любителей книги в советский период (на примере Удмуртии) / С. Ф. Бородулина. – Текст: непосредственный // Вестник Вятского государственного университета. – 2016. – №1. – С. 53–57.
197. Бочкарева, Н. С. Диалог с читателями на страницах пермской детской книги «Оляпка» / Н. С. Бочкарева, И. А. Табункина. – Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – №5. – С. 194–201.
198. Власов В. А. Народный университет имени Шанявского / В. А. Власов – Текст: электронный // Известия Пензенского государственного университета имени В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnyy-universitet-imeni-shanyavskogo> (дата обращения: 15.10.2021).
199. Волков, В. В. Концепция культурности, 1935–1938. Советская цивилизация и повседневность сталинского времени / В. В. Волков. – Текст: непосредственный // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2. – С. 194–212.
200. Гайсин, О. Д. Магазин «Букинист» на Шоссе Космонавтов, 112 / О. Д. Гайсин – Текст: непосредственный // Пермский дом в истории и культуре края : материалы седьмой научно-практической конференции /

- Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева) ; ред. Т. И. Быстрых. – Пермь, 2014. – С. 123–125.
201. Горлов, В. Н. Н. С. Хрущев и переход к массовому жилищному строительству в Советском Союзе / В. Н. Горлов – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 1. – С. 71–81.
202. Горшков, Ю. А. Анализ развития малого предпринимательства в советском книгоиздании / Ю. А. Горшков – Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2005. – № 1. – С. 204–213.
203. Гурова, О. А. Идеология потребления в советском обществе / О. А. Гурова – Текст: непосредственный // Социологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 117–131.
204. Деннингхаус, В. На встречах курсах: политическая коадаптация власти и общества в брежневскую эру / В. Дённингхаус, А. И. Савин – Текст: непосредственный // Диалог со временем. – 2015. – №53. – С. 279–293.
205. Деннингхаус, В. Генеральный политрук: языковые особенности рабочих дневников Л. И. Брежнева / В. Дённингхаус, А.И. Савин, Т.В. Савина – Текст: непосредственный // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2 (32). – С. 92–101.
206. Дубин, Б. В. Читатель в обществе зрителей / Б.В. Дубин. – Текст: электронный // Журнал «Знамя» : [сайт]. – 2004. — URL : <http://znamlit.ru/publication.php?id=2338> (дата обращения: 15.10.2021).
207. Келли, К. «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми / К. Келли, С. С. Сиротинина – Текст: непосредственный // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 258–299.
208. Коржихина, Т. П. Из истории борьбы советских государственных и общественных организаций за новый быт в 20-е гг. / Т. П. Коржихина –

- Текст: непосредственный // Из истории партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР / редкол.: Л. В. Иванова [и др.]. – Москва: Институт истории СССР, 1983. – С. 126–147.
209. Коржихина, Т. П. История добровольных обществ и союзов СССР в советской историографии / Т. П. Коржихина – Текст: непосредственный // Вопросы истории. – 1981. – № 3. – С. 114–123.
210. Кукулин, И. В. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции / И. В. Кукулин. – Текст: непосредственный // Вестник культурологии. – 2018. – №2 (85). – С. 175–179.
211. Кустарёв, А. Золотые 1970-е — ностальгия и реабилитация / А. Кустарёв – Текст: непосредственный // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2007. – № 2. – С. 6–12.
212. Леденева, А. В. Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост)советская корпоративность? / А. В. Леденева – Текст: непосредственный // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. № 4. – С. 113–124.
213. Миронов, Б. Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет. X–XX вв. / Б. Н. Миронов . – Текст : непосредственный // Studia humanistica 1996: исследования по истории и филологии / Г. Н. Нурышев [и др.]; Редкол. Ю. Н. Беспятых [и др.]. – Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1996. – 206 с. – ISBN 5-86789-026-0.
214. Николаев, В. Г. Советская очередь: прошлое как настоящее / В. Г. Николаев – Текст: непосредственный // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 5 (43). – С. 55–61.
215. Сидорова, Г. П. Советская массовая литература 1960-1980-х гг.: читательские предпочтения / Г. П. Сидорова – Текст: непосредственный // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2010. – № 3. – С. 65–69.
216. Смирнова, М. А. Краеведческое движение 1920-1930-х гг. на европейском Севере России в исторических источниках /

- М. А. Смирнова. – Текст: электронный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kraevedcheskoe-dvizhenie-1920-1930-h-godov-na-evropeyskom-severe-rossii-v-istoricheskikh-istochnikah> (дата обращения: 15.10.2021).
217. Устинова, М. Я. Гражданское общество в Латвийской республике (1980-е гг. – начало XXI в.) / М. Я. Устинова. – Текст: непосредственный // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 2003. – № 166. – С. 1-28.
218. Утехин, И. В. Особенности неуклонного роста в условиях зрелости / И. В. Утехин – Текст: электронный // Неприкосновенный запас. – 2004. № 4 (54). — URL : <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/ut7.html> (дата обращения: 15.10.2021).
219. Фортунатов, В. В. Как произошло огосударствление общественных организаций в СССР / В. В. Фортунатов – Текст: непосредственный // В поисках исторической истины. – Ленинград: Лениздат, 1990. – С. 28–47.
220. Хоскинг, Дж. Структуры доверия в последние десятилетия Советского Союза / Дж. Хоскинг – Текст: непосредственный // Неприкосновенный запас. – 2004. № 4 (54). — URL : <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/ho5-pr.html> (дата обращения: 15.10.2021).
221. Чушкина, С. Е. О подходах к определению понятия «Читательская культура» / С. Е. Чушкина. – Текст: непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2015. – №2. – С. 600–605.
222. Штолер, А. В. Развитие издательского дела на Урале в 60-80-е гг. XX в. / А. В. Штолер – Текст: непосредственный // Известия Уральского государственного университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 3. – С. 99–107.
223. Menzel, V. From print to pixel: reading in the Perestrojka, post-soviet, and present eras, 1986-2017 / V. Menzel – Текст: непосредственный // Reading

- Russia. A history of reading in modern Russia. – 2020. – vol. 3. – PP. 323–365.
224. Millar, J. R. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism / J. R. Millar – Текст: непосредственный // Slavic Review. – 1985. – № 44. – PP. 694-706.
225. Paretskaya, A. The Soviet Communist Party and the Other Spirit of Capitalism / A. Paretskaya. – Текст: непосредственный // Sociological Theory. – 2010. – vol. 28, no. 4. – PP. 377-401.
226. Pristed, B. B. Reading and Recycling: The Soviet Paper Debate and Makulatura Books, 1974–91 / B. B. Pristed – Текст: непосредственный // The Russian Review. – 2019. – vol. 78, Issue 1. – PP. 120–140.

Публикации в сети Интернет

227. Баталина, Ю. Приключения Майн Рида в Перми. История одного пермского издательского феномена / Ю. Баталина. — URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-4698929.html> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст : электронный.
228. Васильева, Т. Проверено цензурой: что такое Главлит. / Т. Васильева – Текст электронный // Информационно-дискуссионный портал «Newsland»: [сайт]. — URL : <http://newsland.com/news/detail/id/972469/> (дата обращения: 15.10.2021).
229. Говоров, А. А. Книга в СССР в послевоенный период и в 1960-1980-е годы / А. А. Говоров – Текст: электронный // История книги : [сайт]. — URL : <http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/22-3.htm> (дата обращения: 15.10.2021).
230. Горлов, В. Н. Жилищное строительство в СССР / В.Н. Горлов – Текст: электронный // — URL : <https://prometej.info/zhilishnoe-stroitelstvo-v-sssr/> (дата обращения: 15.10.2021).

231. Дубин, А. Валерия Стельмах: «Отношение к книге сильно изменилось» / А. Дубин. — URL : <http://www.urokiistorii.ru/memory/arc/51818> (дата обращения: 15.10.2021). — Текст : электронный.
232. Дубин, Б. В. Границы и проблемы социологии культуры в современной России / Б. В. Дубин. — Текст: электронный // — URL : http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiу/5024-boris-dubin-granicy-i-problemy-sociologii-kultury-v-sovremennoj-rossii-k-vozmozhnostyam-opisaniya.html (дата обращения: 15.10.2021).
233. Дубин, Б. В. Литературная культура сегодня / Б. В. Дубин. — Текст: электронный // — URL : https://bookscafe.net/read/dubin_boris-literaturnaya_kultura_segodnya-23681.html#p1 (дата обращения: 15.10.2021).
234. Жирнов, Е. Записки из-под полы / Е. Жирнов. — Текст: электронный // Газета «Коммерсант» : [сайт]. — 2005. — 24 января. — URL : <http://www.kommersant.ru/doc/540986> (дата обращения: 01.06.2021).
235. Избрание народных депутатов СССР в 1989 году от общественных организаций / Центральная избирательная комиссия РФ : [сайт]. — Текст: электронный // — URL : <http://gaspiko.ru/html/vremya> (дата обращения: 15.10.2021).
236. История НП «Всероссийское хоровое общество» / Всероссийское хоровое общество. — Текст: электронный // — URL : <http://npvho.ru/istoriya> (дата обращения: 15.10.2021).
237. Калинин, С. И. Чтение как образ жизни / С. И. Калинин. — Текст: электронный // URL: https://ridero.ru/books/chtenie_kak_obraz_zhizni/freeText (дата обращения: 15.10.2021).
238. Краеведческий четверг / Кировская ордена Почёта государственная универсальная областная научная библиотека им. А. И. Герцена : [сайт]. — URL : http://herzenlib.ru/k4g/club_history/ (дата обращения: 15.10.2021). — Текст: электронный.

239. Нагорничных, Г. В. Время собирать книги / Г.В. Нагорничных. – Текст: электронный // Государственный архив социально-политической истории Кировской области : [сайт]. — URL : <http://gaspiko.ru/html/vremya> (дата обращения: 15.10.2021).
240. Нефедов, В. В. СЕПГ и культура ГДР / В. В. Нефедов. – Текст: электронный // — URL : <http://belinskij.kupec.cz/Default.aspx?pg=acf51ebd-9cd0-4a64-9e2f-5a360aea0382&detail=466fbe16-b742-419c-a08b-c86fcc35536b> (дата обращения: 15.10.2021).
241. О том, как работали книжные магазины Перми / Страница проекта «1 к 20» в социальной сети Вконтакте. – Текст: электронный // — URL : https://vk.com/ugbook?w=wall-142943544_164%2Fall (дата обращения: 15.10.2021).
242. Пермская Лениниана : [сайт] / Государственный архив Пермского края. – Пермь. — URL : <http://www.archive.perm.ru/projects/weeklyphoto/perm-leniniana/> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
243. Самохин, А. Любовь к родному пепелищу. Интервью с Артемом Демидовым, председателем Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) / А. Самохин – Текст: электронный // Газета «Культура» : [сайт]. – 2019. – 17 мая. — URL : http://voorik.ru/news/detail.php?SECTION_ID=8&ELEMENT_ID=219502 (дата обращения: 15.10.2021).
244. Шувалов Сергей Гаврилович / Челябинская область : [сайт]. – Текст: электронный // — URL: http://chel-portal.ru/enc/Shuvalov_Sergey_Gavrilovich (дата обращения: 15.10.2021).
245. Юрчак, А. В. Идеология наизнанку. Этика и поэтика. Поздний СССР: воспроизводство идеологии и публики своих / А. В. Юрчак. – Текст: электронный // Портал «Гефтер» : [сайт]. — URL : <http://gefter.ru/archive/14639> (дата обращения: 15.10.2021).

Диссертации и авторефераты

246. Веникова, М.С. Народные университеты России в начале XX века: институционализация и образовательная деятельность: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Веникова Марина Сергеевна; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – Белгород, 2018. – 240 с. Текст : непосредственный.
247. Збаровская, Н. В. Формирование культуры чтения в общедоступных библиотеках: специальность 05.25.03 «Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Збаровская Наталья Владиславовна; Санкт-Петербургская государственная академия культуры. – Санкт-Петербург, 1998. – 16 с. Текст : непосредственный.
248. Никонова, С. И. Государственная политика в области идеологии и культуры в контексте советской действительности: середина 60-х - середина 80-х годов XX века: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Никонова Светлана Игоревна ; Казанский государственный архитектурно-строительный университет. – Казань, 2009. – 44 с. Текст : непосредственный.
249. Новосельцев, Э. Н. Всесоюзное добровольное общество любителей книги и его роль в пропаганде и использовании советской книги: специальность 05.25.04 «Книговедение»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Новосельцев Эдуард Николаевич ; Московский Ордена Трудового Красного Знамени Государственный институт культуры. – Москва, 1986. – 216 с. Текст : непосредственный.
250. Первинова, С. В. Формирование и воспитательная деятельность клубов любителей книги: специальность 13.00.05 «Теория, методика и

организация социально-культурной деятельности»: диссертация на соискание ученой степени. кандидата педагогических наук / Первинова Светлана Васильевна; Ленинградский государственный институт культуры имени Н. К. Крупской. – Ленинград, 1986. – 258 с. Текст : непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список вопросов для устного интервьюирования бывших членов и функционеров Всесоюзного общества любителей книги

Блок А: первичный опыт чтения, образование и трудовая карьера:

1. Где и когда вы родились?

2. Расскажите о своём детстве и юности:

3.1. Кем и где работали Ваши родители? Какое образование они получили?

3.2. Где жила Ваша семья?

3.3. Была ли в вашей семье домашняя библиотека? Сколько примерно там было книг? Какие это были книги?

3.4. Во сколько лет вы научились читать? Какую книгу Вы прочли впервые (с родителями, самостоятельно)?

3.5. Обменивались книгами с соседями, друзьями? Кто был Вашим главным советчиком / образцом? Кто влиял больше: семья / знакомые / школа?

3.6. Вели ли Вы литературные дневники? Переписывали ли стихи и афоризмы в рукописные альбомы?

3.7. Какая книга / персонаж книги были Вашими любимыми в детстве и юности?

4. Какое образование Вы получили?

5. Расскажите о Вашей дальнейшей карьере: где и когда Вы работали после учёбы?

Блок Б: Читательская культура позднего социализма

6. Что значила книга для советского человека? Где она располагалась в системе ценностей? С чем по значимости можно сравнить книгу?

7. Что читали советские люди? Какие книги и авторы были востребованы, а какие не пользовались спросом?

8. Кто был главным литературным героем вашего поколения и персонально ваш?

9. Где покупали книги? Сколько они стоили? Как много книг Вы могли позволить себе купить с одной зарплаты? Куда Вы и другие советские люди шли за книгами (магазин, книжный толчок, букинистический магазин)?

10. Сталкивались ли Вы с незаконными способами обмена книгами? Есть ли такая книга, которую Вам не удалось достать?

11. Кто советовал: какую книгу стоит прочитать? Обменивались ли Вы книгами с коллегами и друзьями?

12. Пользовались ли публичными библиотеками?
13. Участвовали ли Вы в сборе макулатуры? Сколько книг Вам удалось приобрести таким образом?
14. Какую роль играла домашняя библиотека? Какую книгу, на Ваш взгляд, хотел бы приобрести каждый советский человек?
15. Чтение было отдыхом или работой?
16. Какую роль во всей описанной Вами ситуации играло государство?
17. Что Вы думаете о популярном тезисе: «Советский народ – самый читающий народ в мире»?

Блок В: Общество любителей книги

18. ПЕРЕХОДНЫЙ ВОПРОС: Вы являлись членом Общества книголюбов. Членом каких других массовых обществ и организаций Вы являлись?
19. Почему / под воздействием каких факторов люди вступали в массовые организации?
20. Где и когда Вы вступили в Общество?
21. Что побудило вступить Вас в его ряды?
22. Зачем люди становились книголюбам?
23. Что Вы знали заранее об Обществе?
24. Что представлял собой процесс вступления? Был ли какой-либо утвержденный ритуал?
25. Были ли у книголюбов какие-либо формальные атрибуты: членский билет? Значок? Сохранились ли у Вас вещи, связанные с Обществом?
26. Исправно ли Вы платили взносы? Помните ли, насколько он был большим?
27. Чем занималось Общество любителей книги? Чем отличалась его работа от прочих массовых организаций?
28. Чем Вы занимались в Обществе? Занимали ли Вы там какую-либо должность (штатную / на общественных началах)?
29. Какова была структура общества? Чем нормировалась деятельность книголюбов (документы, формальные предписания, негласные правила)?
30. Какие мероприятия Общества Вам запомнились?
31. Участвовали ли вы в работе клуба книголюбов?
32. Открывали ли вы свою библиотеку для других книголюбов?
33. Повлияло ли участие в обществе на Ваши читательские навыки, привычки?

34. Сотрудничали ли книголюбцы с другими массовыми обществами? Если да, то с какими и каким образом?

35. Какую роль играла официальная идеология, политическая доктрина государства на работу Общества?

36. Какие бы плюсы и минусы пребывания в Обществе Вы выделили? Что Общество дало конкретно Вам?

37. Какую роль, на ваш взгляд, играло Общество: в масштабах Перми, в рамках региона, в границах страны?

38. Зачем / почему, как Вам кажется, было создано общество любителей книги?

39. Если бы у Вас была возможность влиять на работу Общества, что бы Вы изменили?

40. Известно ли Вам, каким образом складывалась деятельность Общества после распада СССР?

41. Как с 1970-1980-х гг. изменилась читательская среда? Какие советские традиции чтения сохранились сегодня?

Выпуск книг и брошюр в 1950-1989 гг.

Таблица 26. Выпуск книг и брошюр по тематическим разделам в % от всего тиража по наименованиям в 1950-1989 гг.⁵³⁶

Год	Политическая, социально-экономическая литература	Естественнонаучная литература	Техническая литература	Сельскохозяйственная литература	Медицинская литература	Литература по физической культуре и спорту	Литература по культуре, культурному строительству, образованию	Литература по печати, книговедению и полиграфии	Литература по филологическим наукам	Художественная литература (включая детскую)	В том числе: русская литература	В том числе: литература других народов СССР	В том числе: литература зарубежных стран	Литература по искусству и искусствоведению
1950	19,1	6,0	29,1	11,0	4,5	1,2	10,6	3,0	1,8	10,9	6,4	3,7	0,8	2,1
1960	16,1	6,3	33,8	9,8	4,6	1,1	9,0	2,8	2,6	10,6	4,7	4,4	1,5	2,6
1970	16,2	8,1	38,1	7,2	4,2	0,8	7,8	3,5	2,8	8,7	3,6	4,2	1,0	2,1
1975	16,1	10,1	34,9	8,2	4,1	0,8	7,9	3,0	3,0	9,4	4,5	4,0	0,9	2,1
1980	16,4	11,6	31,0	7,5	4,1	1,3	8,7	2,6	3,3	11,0	4,9	4,9	1,2	2,1
1985	17,4	10,9	28,8	7,9	4,3	0,9	8,3	2,7	3,6	12,8	5,8	5,3	1,3	2,2
1989	17,1	10,9	26,8	7,6	4,3	1,0	8,9	2,5	4,0	13,7	6,4	5,6	1,7	2,4

⁵³⁶ Сост. автором на основе стат. данных по: Печать в СССР в 1980 году. – М., 1981; Печать в СССР в 1985 году. – М., 1986; Печать в СССР в 1990 году. – М., 1991.

Таблица 27. Выпуск книг и брошюр по тематическим разделам в % от всего тиража по тиражам в 1950-1989 гг.⁵³⁷

Год	Политическая, социально-экономическая литература	Естественнонаучная литература	Техническая литература	Сельскохозяйственная литература	Медицинская литература	Литература по физической культуре и спорту	Литература по культуре, культурному строительству, образованию	Литература по печати, книговедению и полиграфии	Литература по филологическим наукам	Художественная литература (включая детскую)	В том числе: русская литература	В том числе: литература других народов СССР	В том числе: литература зарубежных стран	Литература по искусству и искусствоведению
1950	26,2	3,1	10,2	5,0	2,4	0,7	25,9	0,6	1,5	21,8	16,6	3,1	2,0	0,7
1960	12,9	2,3	18,6	3,7	3,1	0,8	21,7	1,1	1,7	31,1	19,6	5,2	6,4	1,3
1970	15,8	3,3	11,1	2,7	1,8	0,7	27,4	0,7	1,7	31,8	21,9	6,9	3,0	1,4
1975	13,7	3,2	10,7	2,4	1,9	0,5	22,8	0,9	1,9	38,9	27,8	7,3	3,8	1,4
1980	12,5	2,9	9,3	2,1	1,8	1,1	21,2	0,8	1,8	43,1	30,5	7,1	6,1	1,1
1985	11,0	2,3	9,5	1,9	2,2	1,1	17,0	0,8	1,3	49,1	36,3	6,2	6,6	0,9
1989	10,3	2,5	8,3	2,2	2,6	1,0	17,2	0,8	1,7	49,7	33,0	6,5	10,2	1,4

⁵³⁷ Сост. автором на основе стат. данных по: Печать в СССР в 1980 году. – М., 1981; Печать в СССР в 1985 году. – М., 1986; Печать в СССР в 1990 году. – М., 1991.

Структура выпуска литературы по подразделам в 1971-1985 гг.

Таблица 28. Структура выпуска художественной и детской литературы по подразделу «Русская литература» в 1971-1985 гг.⁵³⁸

Год	Произведения дореволюционных писателей					
	Наименований	В % от доли художественной литературы	В % от всех книг и брошюр	Тираж, тыс.	В % от доли художественной литературы	В % от всего тиража книг и брошюр
1971	285	3,6	0,3	49612	9,6	3,1
1976	388	4,8	0,5	98039	14,1	5,6
1981	531	5,8	0,6	149518,7	18,2	7,9
1985	580	5,6	0,7	201816,5	19,1	9,4
Год	Произведения советских писателей					
	Наименований	В % от доли художественной литературы	В % от всех книг и брошюр	Тираж, тыс.	В % от доли художественной литературы	В % от всего тиража книг и брошюр
1971	3036	38,6	3,6	307924	59,8	19,5
1976	3308	41,0	3,9	373698	53,6	21,4
1981	3475	37,8	4,2	389076,4	47,3	20,5
1985	4106	39,6	4,9	528744,1	50,0	24,6

⁵³⁸ Сост. автором на основе стат. данных по: Печать в СССР в 1971 году. – М., 1972; Печать в СССР в 1976 году. – М., 1977; Печать в СССР в 1981 году. – М., 1982; Печать в СССР в 1985 году. – М., 1986.

Таблица 29. Структура выпуска художественной и детской литературы по подразделу «Зарубежная литература» в 1971-1985 гг.⁵³⁹

Год	Наименований	В % от доли художественной литературы	В % от всех книг и брошюр	Тираж, тыс.	В % от доли художественной литературы	В % от всего тиража книг и брошюр
1971	817	10,4	1,0	47941	9,3	3,0
1976	801	9,9	1,0	81585	11,7	4,7
1981	967	10,5	1,2	118238,4	14,4	6,2
1985	1082	10,4	1,3	143005,9	13,5	6,6

Таблица 30. Структура выпуска художественной и детской литературы по подразделу «Литература народов СССР» в 1971-1985 гг.⁵⁴⁰

Год	Произведения дореволюционных писателей					
	Наименований	В % от доли художественной литературы	В % от всех книг и брошюр	Тираж, тыс.	В % от доли художественной литературы	В % от всего тиража книг и брошюр
1971	197	2,5	0,2	9392	1,8	0,6
1976	153	1,9	0,2	8311	1,2	0,5
1981	207	2,3	0,2	14718,8	1,8	0,8
1985	230	2,2	0,3	12662,1	1,2	0,6
Год	Произведения советских писателей					
	Наименований	В % от доли художественной литературы	В % от всех книг и брошюр	Тираж, тыс.	В % от доли художественной литературы	В % от всего тиража книг и брошюр
1971	3268	41,6	3,8	77618	15,1	4,9
1976	3172	39,3	3,8	94033	13,5	5,4
1981	3690	40,2	4,4	102669	12,5	5,4
1985	3966	38,2	4,7	102831,1	9,7	4,8

⁵³⁹ Сост. автором на основе стат. данных по: Печать в СССР в 1971 году. – М., 1972; Печать в СССР в 1976 году. – М., 1977; Печать в СССР в 1981 году. – М., 1982; Печать в СССР в 1985 году. – М., 1986.

⁵⁴⁰ Сост. автором на основе стат. данных по Печать в СССР в 1971 году. – М., 1972; Печать в СССР в 1976 году. – М., 1977; Печать в СССР в 1981 году. – М., 1982; Печать в СССР в 1985 году. – М., 1986.

Постановление ЦК КПСС «Об организации Всесоюзного добровольного общества любителей книги»⁵⁴¹

В условиях научно-технической революции, в решении задач идейно-нравственного воспитания трудящихся неизмеримо возрастает значение книги как одного из важнейших средств формирования коммунистического общественного сознания, пропаганды политических, научных и технических знаний. В нашей стране высокий интерес к литературе, широкое развитие получило движение любителей книги. При многих домах культуры, библиотеках, книжных магазинах и некоторых творческих организациях образованы клубы и кружки любителей книги. Сотни тысяч общественных пропагандистов занимаются распространением книг на предприятиях, в колхозах и совхозах, учебных заведениях и учреждениях. Однако дальнейшее развитие в значительной степени сдерживается из-за разобщенности любителей книги, отсутствия единой добровольной организации, направляющей и координирующей их деятельность.

В целях улучшения пропаганды литературы, активного ее использования в коммунистическом воспитании трудящихся, широкого привлечения общественности к распространению литературы, а также объединения и координирования деятельности любителей книги ЦК КПСС постановляет:

1. Принять предложение Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Министерства культуры СССР, Министерства просвещения СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и Центросоюза о создании Всесоюзного добровольного общества любителей книги, действующего на общественных началах и на основе самокупаемости.

Поручить указанным организациям в месячный срок разработать устав Общества.

2. Разрешить Государственному комитету Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Министерства культуры СССР, Министерству просвещения СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Центросоюзу совместно с Союзом писателей СССР и другими заинтересованными организациями образовать Организационный комитет по созданию Всесоюзного добровольного общества любителей книги и провести в III квартале 1974 года в г. Москве Учредительный съезд Общества.

⁵⁴¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 853. Л. 13-14.

3. Поручить Отделам пропаганды и культуры ЦК КПСС, ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам КПСС оказать необходимую помощь в создании Общества и его местных организаций.

4. Поручить Министерству финансов СССР по представлению Оргкомитета Всесоюзного добровольного общества любителей книги рассмотреть и утвердить смету расходов по подготовке и проведению Учредительного съезда, имея ввиду, что эти расходы будут отнесены за счет сверхплановых прибылей, оставляемых в распоряжении Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, с последующим возмещением их Правлением общества.

Принято на заседании Секретариата ЦК

22.XI. 1973 г., пр. 104, п. 5с.

Секретари ЦК	т. Суслов М.А.	- за
	т. Демичев П.Н.	- за
	т. Капитонов И.В.	- за
	т. Катушев К.Ф.	- за
	т. Кириленко А.В.	- за
	т. Кулаков Ф.Д.	- за
	т. Пономарев Б.Н.	- за
	т. Устинов Д.Ф.	- за

Таблица 31. Председатели правлений добровольных обществ любителей книги союзных республик, кроме РСФСР⁵⁴²

Республика	ФИО, годы жизни	Статус накануне избрания	До какого ода занимали должность
УССР	Собко Вадим Николаевич (1912 – 1981)	Писатель, лауреат Государственной премии СССР и премии комсомола Украины, член СП СССР	1981
БССР	Коновалов Григорий Васильевич (1912 – 1979)	Председатель Госкомиздата БССР	1979
КазССР	Нусупбеков Акай Нусупбекович (1909 – 1983)	Вице-президент АН КазССР, д.и.н., профессор	1983
КирССР	Уметалиев Темиркул Уметалиевич (1908 – 1991)	Народный поэт Киргизии, член СП СССР	1988
УзССР	Сафаров Назир Сафарович (1905 – 1985)	Народный писатель УзССР, заслуженный деятель УзССР, член СП СССР	1984
ТаджССР	Масуми Носирджон Асадович (1915 – 1974)	Член-корреспондент АН ТаджССР, литературовед	1974, умер накануне съезда
ТуркССР	Поладова Огульджан Поладовна (н/д)	Кандидат исторических наук	н/д
ГрССР	Харадзе Евгений Кириллович (1907 – 2001)	Вице-президент АН ГрССР, д. ф.-м. н.	1978
АзССР	Багиров Закир Нариманович (1929 – 1989)	Министр культуры АзССР	1988
АрССР	Мергелян Сергей Никитович (1928 – 2008)	Академик АН АрмССР, член-корреспондент АН СССР, д. ф.-м. н., профессор	1978
МолССР	Заднипру Петра Ионович (1927 – 1976)	Поэт	1976
ЛатССР	Григулис Арвид Петрович (1906 – 1989)	Писатель, поэт, заслуженный деятель культуры ЛатССР, к. ф. н., профессор	1979
ЛитССР	Некрошюс Юозаус Повилович (1932 – 2020)	Журналист, поэт, председатель Госкомиздата ЛитССР	1989
ЭССР	Хинт Адольф Эдмунд (1910 – 1989)	Народный писатель ЭССР	1984

⁵⁴² Сост. автором по: Учредительный Съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Материалы. – М., 1975. – С. 58.

Приложение 6

Таблица 32. Численность индивидуальных членов Всесоюзного общества любителей книги, в том числе, по республикам СССР в 1975-1983 гг., тыс.⁵⁴³

Год	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1989
Всего	1901,2	4727,8	6825	8576,6	10846,4	12324,1	14212,4	15713,8	15616,29	19645,86
РСФСР	1311,3	2629,3	3494,5	4032,9	5185,0	5415,0	6110,7	6630,7	6705,9	7697,0
УкрССР	311,2	1066,1	1401,1	1496,6	1839,7	2102,3	2469,9	2653,5	2460,4	4741,8
БССР	44,5	196,4	351,6	497,5	604,9	740,1	830,4	956,7	937,6	887,5
УзССР	12,3	136,7	386,8	618,7	866,3	1068,7	1275,5	1498,9	1677,5	1957,5
КазССР	95,7	278,4	349,5	567,0	756,0	891,8	1050,3	1185,8	1075,6	1401,2
ГрССР	0,6	89,4	228,4	409,0	480,9	552,2	559,8	623,8	634,7	774,4
АзССР	9,0	59,9	162,4	270,0	309,8	349,2	484,7	546,4	610,2	471,6
ЛитССР	17,9	27,1	33,5	61,5	77,8	107,1	132,8	160,4	165,7	173,9
МолССР	14,3	60,5	80,1	123,5	172,8	198,4	230,4	255,2	155,4	311,2
ЛатССР	11,0	19,9	30,2	40,3	45,4	54,9	64,6	74,6	73,2	77,1
КирССР	32,2	64,9	118,7	151,1	118,3	343,6	382,5	411,1	435,0	479,9
ТССР	29,7	55,4	109,3	178,6	219,6	276,0	325,9	354,5	373,2	393,0
АрССР	1,7	13,7	31,2	65,1	81,7	90,4	131,9	177,4	198,5	127,0
ТуркССР	3,1	18,8	30,5	43,7	64,4	106,3	128,9	145,8	73,4	114,8
ЭССР	6,6	11,3	17,4	21,1	23,9	28,4	34,0	39,0	40,0	38,0

⁵⁴³ Сост. автором на основе стат. данных по: Материалы к отчету Центрального правления ВОК II съезду Всесоюзного добровольного общества книги. – М., 1979.; От съезда к съезду. Материалы к отчету Центрального правления ВОК III съезду Всесоюзного добровольного общества книги. – М., 1984; Гарин Г.Ф. ВОК: история, опыт работы, проблемы. – М., 1989.

Приложение 7

Доходы и расходы добровольных организаций любителей книги союзных республик по материалам смет Центрального правления в 1976-1984 гг., тыс. руб.⁵⁴⁴

Таблица 33. Добровольное общество книголюбов РСФСР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	3795,0	5400,0	5095,0	5063,2	5427,6	5700,0	6277,5	5165,7
1. Вступительные взносы	845,0	1200,0	300,0	370,0	450,0	430,0	360,0	199,0
а) индивидуальных членов	300,0	400,0	100,0	140,0	220,0	220,0	160,0	199,0
б) коллективных членов	545,0	800,0	200,0	230,0	230,0	210,0	200,0	0,0
2. Членские взносы:	2750,0	3800,0	4400,0	4140,0	4244,0	4480,0	5000,0	3506,0
а) индивидуальных членов	1200,0	1500,0	1400,0	920,0	1250,0	1480,0	1800,0	2410,0
б) коллективных членов	1550,0	2300,0	3000,0	3220,0	2994,0	3000,0	3200,0	1096,0
3. От реализации членских билетов	0,0	0,0	100,0	116,0	80,0	80,0	80,0	110,6
4. От реализации значков	0,0	0,0	130,0	150,0	100,0	100,0	100,0	115,4
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	50,0	110,0	80,0	150,0	220,0	230,0	280,0	630,0
6. Поступления от издательской деятельности	50,0	50,0	20,0	5,5	5,0	5,0	5,0	0,5
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	20,0	97,7	273,6	320,0	427,5	585,0
II Расходы	3364,3	4786,6	4721,3	4205,3	4440,2	5054,9	5497,6	5136,9
1 Административно-управленческие расходы	1705,3	1879,6	1837,8	1843,3	2077,4	2337,4	2616,6	2285,1
Из них: а) Зарплата штатного персонала	1338,0	1440,0	1400,0	1400,0	1619,6	1835,0	2056,0	1824,7
2. Отчисления ЦП	569,0	540,0	486,5	253,2	262,4	276,0	304,8	257,3
Разница	430,7	613,4	373,7	857,9	987,4	645,1	779,9	28,8

⁵⁴⁴ Сост. автором на основе стат. данных по: Сводная смета и сметы доходов и расходов республиканских правлений ДОК на [1976-1984 гг.] ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 122; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 184; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 246; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 341; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 403; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 472; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 530; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 669.

Таблица 34. Добровольное общество книголюбов Украинской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	1720,0	1900,0	2115,0	2007,0	2063,9	2280,0	2675,0	2267,1
1. Вступительные взносы	180,0	102,8	106,6	72,4	64,2	51,9	62,5	94,0
а) индивидуальных членов	90,0	50,4	52,6	33,0	33,2	29,9	38,0	94,0
б) коллективных членов	90,0	52,4	54,0	39,4	31,0	22,0	24,5	0,0
2. Членские взносы:	1390,0	1495,7	1560,8	1594,2	1606,5	1818,0	2111,0	1486,0
а) индивидуальных членов	600,0	622,7	615,0	626,0	662,4	853,0	1006,5	1486,0
б) коллективных членов	790,0	873,0	945,8	968,2	944,1	965,0	1104,5	0,0
3. От реализации членских билетов	150,0	149,0	41,0	32,1	30,2	29,8	41,6	59,5
4. От реализации значков	0,0	0,0	53,0	44,8	41,7	42,0	53,5	65,2
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	0,0	142,5	140,0	156,5	217,1	192,7	223,6	281,8
6. Поступления от издательской деятельности	0,0	10,0	10,0	10,0	10,6	10,3	10,0	10,0
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	203,0	97,0	93,6	124,7	163,2	270,1
II Расходы	1322,2	1848,3	2044,1	1748,7	1900,9	2202,0	2165,0	2203,4
1 Административно-управленческие расходы	467,2	728,4	775,7	762,3	880,1	992,5	1277,4	1081,6
Из них: а) Зарплата штатного персонала	356,0	549,4	590,0	584,4	693,1	781,0	1030,4	876,7
2. Отчисления ЦП	314,0	190,0	202,1	100,3	103,2	0,0	0,0	107,1
Разница	397,8	205,0	70,9	258,3	162,4	78,0	510,0	63,7

Таблица 35. Добровольное общество книголюбов Белорусской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	440,0	560,0	614,0	662,0	670,6	789,0	1046,0	752,0
1. Вступительные взносы	27,0	33,0	37,0	23,0	30,0	36,4	30,9	44,3
а) индивидуальных членов	10,0	30,0	37,0	23,0	30,0	36,4	30,9	44,3
б) коллективных членов	17,0	3,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
2. Членские взносы:	373,0	480,0	524,5	522,0	518,0	637,7	871,0	436,3
а) индивидуальных членов	170,0	270,0	276,5	275,0	275,0	324,4	379,0	392,3
б) коллективных членов	203,0	210,0	248,0	247,0	243,0	313,3	492,0	44,0
3. От реализации членских билетов	40,0	0,0	19,5	15,0	16,0	23,0	14,8	26,3
4. От реализации значков	0,0	0,0	21,0	19,0	19,0	30,0	19,9	39,1
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	0,0	32,0	12,0	35,0	35,0	355,0	55,6	128,6
6. Поступления от издательской деятельности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	0,0	48,0	25,6	26,9	53,8	77,4
II Расходы	372,0	496,1	557,2	586,0	62,2	967,4	1038,8	751,3
1 Административно-управленческие расходы	107,0	192,3	220,8	231,6	281,9	327,0	403,0	320,0
Из них: а) Зарплата штатного персонала	77,0	146,0	171,0	179,4	224,0	263,0	327,1	264,0
2. Отчисления ЦП	80,0	56,0	57,3	33,1	32,2	36,5	50,5	34,3
Разница	68,0	63,9	56,8	76,0	21,4	-178,4	7,2	0,7

Таблица 36. Добровольное общество книголюбов Узбекской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	314,0	700,3	781,4	792,2	839,6	854,0	1051,4	962,8
1. Вступительные взносы	39,0	78,8	91,7	85,9	77,9	75,3	59,0	62,4
а) индивидуальных членов	9,0	44,6	44,6	41,6	39,1	31,2	27,5	37,8
б) коллективных членов	30,0	34,2	47,1	44,3	38,8	44,1	31,5	24,6
2. Членские взносы:	245,0	515,0	596,1	595,4	653,9	702,1	873,2	764,8
а) индивидуальных членов	90,0	202,7	209,0	224,4	239,3	246,1	309,2	581,7
б) коллективных членов	155,0	312,3	387,1	371,0	414,6	456,0	564,0	183,1
3. От реализации членских билетов	9,0	35,4	31,8	31,8	30,8	22,6	20,4	27,4
4. От реализации значков	15,0	61,2	57,9	63,9	57,7	31,7	34,4	41,3
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	6,0	3,9	3,9	4,4	6,1	7,4	8,9	10,4
6. Поступления от издательской деятельности	0,0	6,0	0,0	5,0	5,5	0,0	10,0	4,5
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	0,0	5,8	7,7	14,9	0,0	52,0
II Расходы	283,2	579,6	640,3	602,7	626,0	694,4	867,6	927,2
1 Административно-управленческие расходы	127,4	257,4	291,9	294,5	310,4	371,1	484,7	422,1
Из них: а) Зарплата штатного персонала	96,0	196,0	224,8	230,0	240,6	290,6	370,4	345,4
2. Отчисления ЦП	58,0	70,0	69,2	39,6	42,0	40,0	49,8	44,6
Разница	30,8	120,7	141,1	189,5	213,6	159,8	183,8	35,6

Таблица 37. Добровольное общество книголюбов Казахской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	530,0	566,0	610,0	650,0	680,0	750,0	967,4	1026,0
1. Вступительные взносы	41,0	11,0	3,5	4,8	3,0	15,9	21,3	19,6
а) индивидуальных членов	11,0	4,0	1,5	1,8	3,0	8,3	11,3	19,6
б) коллективных членов	30,0	7,0	2,0	3,0	0,0	7,6	10,0	0,0
2. Членские взносы:	430,0	538,0	566,3	595,2	612,0	638,7	842,1	721,0
а) индивидуальных членов	170,0	178,0	179,5	182,0	211,0	219,8	304,7	410,0
б) коллективных членов	260,0	360,0	386,8	413,2	401,0	418,9	537,4	311,0
3. От реализации членских билетов	15,0	0,0	5,0	8,0	6,0	11,6	13,5	26,4
4. От реализации значков	15,0	0,0	5,0	10,0	18,0	23,8	22,2	26,7
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	14,0	12,0	26,9	32,0	41,0	60,0	68,3	96,9
6. Поступления от издательской деятельности	15,0	5,0	3,0	0,0	0,0	0,0	0,0	125,2
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	10,2
II Расходы	512,0	537,8	589,9	638,9	680,0	749,3	951,5	1026,0
1 Административно-управленческие расходы	217,1	312,6	369,6	11,1	416,8	469,8	605,3	492,5
Из них: а) Зарплата штатного персонала	157,0	222,0	281,2	386,4	308,4	356,4	466,4	395,5
2. Отчисления ЦП	100,0	56,6	60,0	290,0	32,8	35,7	46,6	48,0
Разница	18,0	28,2	20,1	11,1	0,0	0,7	15,9	0,0

Таблица 38. Добровольное общество книголюбов Грузинской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	117,3	215,0	375,0	324,5	367,4	400,0	449,0	423,0
1. Вступительные взносы	3,3	15,0	15,0	49,5	6,0	8,4	16,8	9,0
а) индивидуальных членов	3,0	5,0	10,0	31,5	6,0	6,1	16,5	9,0
б) коллективных членов	0,3	10,0	5,0	18,0	0,0	2,3	0,3	0,0
2. Членские взносы:	110,0	190,0	300,0	266,5	330,0	290,0	360,0	300,0
а) индивидуальных членов	10,0	80,0	160,0	130,0	192,0	210,0	260,0	300,0
б) коллективных членов	100,0	110,0	140,0	136,5	138,0	80,0	100,0	0,0
3. От реализации членских билетов	4,0	0,0	10,0	0,0	8,0	6,6	10,4	15,0
4. От реализации значков	0,0	0,0	15,0	0,0	4,0	7,0	10,0	5,0
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	0,0	3,0	3,0	3,5	3,4	4,0	7,5	20,0
6. Поступления от издательской деятельности	0,0	7,0	7,0	5,0	16,0	40,0	30,0	26,0
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	25,0	0,0	0,0	44,0	14,3	48,0
II Расходы	115,5	178,9	321,5	252,7	432,5	391,0	426,0	419,2
1 Административно-управленческие расходы	54,0	102,9	129,1	151,1	188,7	206,6	260,7	195,7
Из них: а) Зарплата штатного персонала	39,0	85,2	93,4	106,0	140,0	160,9	207,8	161,8
2. Отчисления ЦП	22,0	21,5	35,0	16,2	23,2	19,0	21,4	20,0
Разница	1,8	36,1	53,5	71,8	31,1	9,0	3,5	3,8

Таблица 39. Добровольное общество книголюбов Азербайджанской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	230,0	198,0	298,0	324,5	324,5	376,0	430,0	409,0
1. Вступительные взносы	26,0	22,6	29,0	49,5	49,5	80,4	92,7	6,5
а) индивидуальных членов	22,0	18,0	22,5	31,5	31,5	49,5	61,5	6,5
б) коллективных членов	4,0	4,6	6,5	18,0	18,0	30,9	31,2	0,0
2. Членские взносы:	170,0	170,0	256,0	266,5	266,5	289,0	336,0	304,1
а) индивидуальных членов	100,0	100,0	166,0	130,0	130,0	140,0	166,0	189,1
б) коллективных членов	70,0	70,0	90,0	136,5	136,5	149,0	170,0	115,0
3. От реализации членских билетов	18,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	12,0
4. От реализации значков	9,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	24,0
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	5,0	70,0	3,0	3,5	3,5	0,0	1,3	12,0
6. Поступления от издательской деятельности	2,0	2,4	0,0	5,0	5,0	3,0	0,0	10,0
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	10,0	0,0	0,0	0,0	0,0	40,4
II Расходы	167,0	192,2	233,6	252,7	297,7	313,8	381,0	405,9
1 Административно-управленческие расходы	56,0	112,6	119,5	151,1	185,6	180,0	227,1	192,7
Из них: а) Зарплата штатного персонала	40,0	88,0	88,0	106,0	120,6	138,6	177,4	156,2
2. Отчисления ЦП	40,0	19,8	29,8	16,2	16,2	18,8	21,5	18,6
Разница	63,0	5,8	64,4	71,8	27,2	62,2	49,0	3,1

Таблица 40. Добровольное общество книголюбов Литовской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	145,0	139,0	145,0	160,0	195,0	210,0	235,0	294,0
1. Вступительные взносы	24,0	4,7	3,0	2,8	4,2	3,5	4,5	2,8
а) индивидуальных членов	2,7	1,2	1,0	1,9	3,2	3,5	3,5	2,8
б) коллективных членов	21,3	3,5	2,0	0,9	1,0	0,0	1,0	0,0
2. Членские взносы:	115,0	134,3	140,0	153,2	183,0	194,0	209,0	187,2
а) индивидуальных членов	15,0	20,0	22,0	25,1	41,2	52,4	61,0	77,2
б) коллективных членов	100,0	114,3	118,0	128,1	141,8	141,6	148,0	110,0
3. От реализации членских билетов	3,0	0,0	0,5	1,0	1,8	2,5	2,5	4,0
4. От реализации значков	3,0	0,0	1,5	3,0	3,8	5,0	5,0	4,0
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	0,0	0,0	0,0	0,0	2,2	2,0	3,0	15,0
6. Поступления от издательской деятельности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0	3,0	77,0
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
II Расходы	127,1	132,8	142,0	155,8	191,6	209,5	233,0	294,0
1 Административно-управленческие расходы	52,1	81,1	93,2	97,2	121,0	139,1	159,8	136,3
Из них: а) Зарплата штатного персонала	34,0	57,0	73,8	75,6	92,0	108,0	129,7	108,3
2. Отчисления ЦП	27,0	13,9	14,3	8,0	9,7	10,1	11,4	14,1
Разница	17,9	6,2	3,0	23,8	3,4	0,5	2,0	0,0

Таблица 41. Добровольное общество книголюбов Молдавской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	106,0	177,0	198,0	200,0	200,0	215,0	225,0	220,0
1. Вступительные взносы	11,0	31,0	17,0	10,6	9,1	6,0	6,0	5,0
а) индивидуальных членов	7,0	18,0	11,2	10,6	9,1	6,0	6,0	5,0
б) коллективных членов	4,0	13,0	5,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
2. Членские взносы:	77,0	135,0	160,0	166,8	173,1	281,2	202,2	159,0
а) индивидуальных членов	29,0	70,0	72,0	85,8	85,2	85,0	89,7	88,0
б) коллективных членов	48,0	65,0	88,0	81,0	87,9	196,2	112,5	71,0
3. От реализации членских билетов	10,0	0,0	6,1	7,6	7,1	7,1	6,1	8,6
4. От реализации значков	4,0	0,0	10,7	11,5	10,7	10,7	10,7	9,4
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	4,0	6,0	4,2	3,5	0,0	0,0	0,0	37,0
6. Поступления от издательской деятельности	0,0	3,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
7. От производственной деятельности	0,0	2,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
II Расходы	99,9	163,1	191,1	199,8	196,5	211,1	215,5	219,5
1 Административно-управленческие расходы	44,0	81,1	83,6	85,5	93,6	128,0	132,8	119,7
Из них: а) Зарплата штатного персонала	31,0	56,6	63,6	63,6	70,4	100,4	102,4	94,4
2. Отчисления ЦП	18,0	17,7	18,1	10,0	10,0	9,9	10,4	10,1
Разница	6,1	13,9	6,9	0,2	3,5	3,9	9,5	0,5

Таблица 42. Добровольное общество книголюбов Латвийской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	103,0	96,0	111,0	112,6	118,0	140,0	170,0	170,0
1. Вступительные взносы	18,0	6,0	9,7	9,7	4,0	3,9	7,0	7,9
а) индивидуальных членов	9,0	3,0	3,8	3,8	3,0	1,4	2,4	7,5
б) коллективных членов	9,0	3,0	5,9	5,9	1,0	2,5	4,6	0,4
2. Членские взносы:	70,0	90,0	99,4	99,4	111,0	125,2	140,7	107,6
а) индивидуальных членов	35,0	35,0	37,5	37,5	25,0	30,4	35,0	55,0
б) коллективных членов	35,0	55,0	61,9	61,9	86,0	94,8	105,7	52,6
3. От реализации членских билетов	7,5	0,0	0,4	1,0	0,6	0,8	1,5	1,1
4. От реализации значков	7,2	0,0	0,5	1,0	1,0	1,1	2,1	1,5
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	0,3	0,0	0,0	1,0	1,0	1,2	1,1	49,4
6. Поступления от издательской деятельности	0,0	0,0	0,5	0,5	0,4	0,4	0,2	2,5
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
II Расходы	101,0	88,6	105,0	106,8	115,0	139,0	167,7	170,0
1 Административно-управленческие расходы	43,5	55,3	71,9	75,8	85,2	92,8	109,0	88,0
Из них: а) Зарплата штатного персонала	31,0	43,2	58,2	60,8	67,0	76,0	88,0	71,0
2. Отчисления ЦП	17,0	9,6	11,0	5,6	5,9	6,9	8,3	8,2
Разница	2,0	7,4	6,0	5,8	2,4	1,0	2,3	0,0

Таблица 43. Добровольное общество книголюбов Киргизской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	276,0	364,0	400,0	406,1	410,0	420,0	425,0	337,0
1. Вступительные взносы	19,0	52,6	56,7	55,0	26,0	14,5	18,5	26,0
а) индивидуальных членов	6,0	17,0	15,1	24,8	6,0	6,0	10,0	26,0
б) коллективных членов	13,0	35,6	41,6	30,2	20,0	8,5	8,5	0,0
2. Членские взносы:	230,0	311,4	333,8	333,6	366,0	380,8	386,0	294,0
а) индивидуальных членов	20,0	73,8	83,2	115,0	60,0	112,6	99,5	164,0
б) коллективных членов	210,0	237,6	250,6	218,6	306,0	268,2	286,5	130,0
3. От реализации членских билетов	12,0	0,0	2,0	4,5	3,5	5,1	5,0	3,8
4. От реализации значков	15,0	0,0	1,5	6,0	5,5	10,0	13,0	5,2
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	0,0	0,0	6,0	4,0	5,0	2,6	1,0	8,0
6. Поступления от издательской деятельности	0,0	0,0	0,0	3,0	4,0	4,3	0,5	0,0
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
II Расходы	201,0	296,5	347,9	349,3	363,2	410,6	407,2	337,0
1 Административно-управленческие расходы	64,0	143,1	187,5	202,5	219,7	250,9	249,7	187,2
Из них: а) Зарплата штатного персонала	35,0	87,6	137,2	141,2	154,0	180,0	182,0	145,3
2. Отчисления ЦП	49,0	36,4	39,6	20,3	20,5	20,2	20,4	16,2
Разница	75,0	67,5	52,1	56,8	26,3	9,4	17,8	0,0

Таблица 44. Добровольное общество книголюбов Таджикской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	253,0	280,0	300,0	337,9	350,9	353,6	395,4	310,0
1. Вступительные взносы	54,0	40,0	47,0	50,0	5,0	6,0	7,5	5,5
а) индивидуальных членов	30,0	10,0	12,0	15,0	3,0	3,0	4,5	5,5
б) коллективных членов	24,0	30,0	35,0	35,0	2,0	3,0	3,0	0,0
2. Членские взносы:	182,0	233,0	241,0	258,0	313,0	305,0	322,0	231,0
а) индивидуальных членов	100,0	130,0	136,0	153,0	80,0	80,0	97,0	85,0
б) коллективных членов	82,0	103,0	105,0	105,0	233,0	225,0	225,0	146,0
3. От реализации членских билетов	10,0	0,0	2,0	2,0	5,0	6,0	7,5	5,5
4. От реализации значков	0,0	0,0	3,0	3,0	10,0	12,0	12,0	10,0
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	7,0	7,0	7,0	7,0	7,0	7,0	10,0	15,0
6. Поступления от издательской деятельности	0,0	0,0	0,0	0,0	10,9	0,0	0,0	1,0
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	0,0	17,9	7,0	17,6	36,4	42,0
II Расходы	164,0	260,6	288,0	286,0	327,9	334,9	366,6	113,7
1 Административно-управленческие расходы	66,5	130,7	168,5	173,6	185,4	206,2	221,8	172,4
Из них: а) Зарплата штатного персонала	43,0	102,8	131,4	135,0	144,0	162,0	173,0	137,0
2. Отчисления ЦП	48,0	28,0	29,0	16,9	17,5	16,8	18,8	14,7
Разница	88,5	19,4	12,0	51,9	23,0	18,7	28,8	-113,7

Таблица 45. Добровольное общество книголюбов Армянской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	183,0	152,0	120,0	125,0	175,0	180,0	195,5	187,3
1. Вступительные взносы	6,0	3,0	3,0	3,0	19,0	38,0	38,5	6,0
а) индивидуальных членов	1,0	0,5	0,5	0,5	4,0	4,0	4,5	6,0
б) коллективных членов	5,0	2,5	2,5	2,5	15,0	34,0	34,0	0,0
2. Членские взносы:	160,0	105,0	76,5	76,5	99,5	90,0	103,0	88,3
а) индивидуальных членов	50,0	25,0	15,5	15,5	28,5	12,0	16,0	33,3
б) коллективных членов	110,0	80,0	61,0	61,0	71,0	78,0	87,0	55,0
3. От реализации членских билетов	8,0	0,0	1,5	1,5	1,5	5,0	6,0	6,0
4. От реализации значков	0,0	0,0	1,7	1,7	1,7	5,0	6,0	6,0
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	0,0	3,0	5,3	5,3	8,3	5,0	5,0	0,0
6. Поступления от издательской деятельности	9,0	36,0	30,0	35,0	43,0	35,0	35,0	81,0
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
II Расходы	137,5	128,6	113,0	109,6	138,7	165,6	185,2	187,3
1 Административно-управленческие расходы	41,5	64,4	66,5	65,6	71,5	90,0	105,1	88,6
Из них: а) Зарплата штатного персонала	30,0	47,4	49,2	48,4	54,4	69,4	83,6	68,1
2. Отчисления ЦП	34,0	15,2	11,7	6,2	8,7	8,5	9,2	8,6
Разница	45,5	23,4	7,0	15,4	36,3	14,4	10,3	0,0

Таблица 46. Добровольное общество книголюбов Туркменской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	260,0	287,0	200,0	210,0	209,0	226,5	265,0	247,0
1. Вступительные взносы	53,0	30,0	20,0	19,8	14,4	14,7	20,2	18,5
а) индивидуальных членов	6,0	6,0	4,0	6,2	7,9	9,5	14,5	18,5
б) коллективных членов	47,0	24,0	16,0	13,6	6,5	5,2	5,7	0,0
2. Членские взносы:	200,0	250,0	172,0	182,2	192,6	210,8	243,8	199,6
а) индивидуальных членов	22,0	50,0	32,0	39,6	48,6	59,5	83,7	124,6
б) коллективных членов	178,0	200,0	140,0	142,6	144,0	151,3	160,1	75,0
3. От реализации членских билетов	3,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	11,5
4. От реализации значков	2,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	15,4
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	0,0	1,0	2,0	2,0	0,0	0,0	0,0	1,0
6. Поступления от издательской деятельности	2,0	6,0	6,0	6,0	0,0	1,0	1,0	1,0
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
II Расходы	184,9	250,0	196,1	183,7	189,6	224,5	253,9	245,8
1 Административно-управленческие расходы	56,9	118,4	113,9	118,7	120,0	146,7	180,0	141,9
Из них: а) Зарплата штатного персонала	36,0	84,2	88,0	92,0	91,7	114,7	142,6	115,9
2. Отчисления ЦП	50,0	28,7	20,0	10,5	10,4	11,3	13,2	11,0
Разница	75,1	37,0	3,9	26,3	19,8	2,0	11,1	1,2

Таблица 47. Добровольное общество книголюбов Эстонской ССР

Год	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1984
I Доходы	92,0	89,0	98,0	100,0	100,0	120,0	130,0	135,0
1. Вступительные взносы	12,0	3,9	3,0	3,0	2,9	3,0	4,0	2,0
а) индивидуальных членов	3,0	0,5	1,0	1,0	0,9	1,0	1,5	2,0
б) коллективных членов	9,0	3,4	2,0	2,0	2,0	2,0	2,5	0,0
2. Членские взносы:	70,0	76,5	86,0	87,0	87,1	93,0	99,0	100,5
а) индивидуальных членов	20,0	11,5	14,6	15,0	15,1	16,0	18,0	21,0
б) коллективных членов	50,0	65,0	71,4	72,0	72,0	77,0	81,0	79,5
3. От реализации членских билетов	2,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0	1,5
4. От реализации значков	2,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0	1,0
5. От публичных, платных лекций и других мероприятий	1,5	1,6	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	7,5
6. Поступления от издательской деятельности	3,5	7,0	7,0	8,0	0,0	20,0	20,0	22,5
7. От производственной деятельности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
II Расходы	88,7	87,4	95,1	94,4	99,2	117,0	120,4	135,0
1 Административно-управленческие расходы	39,7	52,6	54,5	56,4	64,9	73,3	78,4	61,8
Из них: а) Зарплата штатного персонала	27,0	39,2	41,0	42,0	51,0	58,4	62,2	50,5
2. Отчисления ЦП	16,0	8,9	9,8	5,0	5,0	6,0	6,4	6,5
Разница	3,3	1,6	2,9	5,6	0,8	3,0	9,6	0,0

**Примерная тематика лекционной пропаганды, рекомендуемая
Центральным правлением организациям Всесоюзного добровольного
общества любителей книги⁵⁴⁵**

Роль книги в жизни общества

1. Роль книги в формировании коммунистического мировоззрения трудящихся.
2. Книга—духовный воспитатель человека.
3. Книга и формирование эстетических идеалов.
4. Книга — острое идеологическое оружие.
5. Книга на службе мира и социального прогресса.
6. Книги по истории рабочего движения и распространения марксизма в России.
7. Книги серии «Пламенные революционеры».
8. Книги о выдающихся деятелях КПСС.
9. Реализуем решения XXVI съезда КПСС. (По страницам книг и периодической печати).
10. КПСС о, дальнейшем совершенствовании советского образа жизни. (Обзор литературы).
11. Произведения о нерушимом единстве и братской дружбе народов.
12. Защита социалистического отечества — священный долг каждого гражданина СССР. (По книгам советских авторов).
13. Литература о развитии промышленного производства в XI пятилетке.
14. Современная книга о достижениях науки и техники. (Обзор литературы по различным отраслям науки и техники).
15. Книга — труженикам села. (Обзор сельскохозяйственной литературы).
16. Писатель, современность и книга.
17. Лучшие книги года.
18. По страницам произведений, удостоенных Ленинской и Государственной премий.
19. Посланники мира и прогресса. (Советские книги за рубежом).

В. И. Ленин и книга

1. Книги Ленина — сокровищница великих идей коммунизма.
2. В. И. Ленин и победа культурной революции в нашей стране. (Обзор литературы).

⁵⁴⁵ Сборник постановлений и положений ВОК. — М., 1982. — С. 190.

3. Из истории издания произведений В. И. Ленина в России.
4. Ленина читает весь мир. (Издание произведений В. И. Ленина за рубежом).
5. Ленин о роли книги в обществе.
6. В. И. Ленин о пропаганде книги и роли библиотек.
7. Ленин. Книга. Молодежь.
8. Ленин и библиотечное дело страны.
9. Ленинские принципы книгоиздательства
10. Ленин — читатель библиотек.
11. Читательские интересы В. И. Ленина.
12. Как В. И. Ленин работал над книгой.
13. Книга в семье Ульяновых.
14. Библиотека В. И. Ленина в Кремле.
15. Книжная Лениниана.
16. Литературно-художественные образы в произведениях В. И. Ленина.
17. В. И. Ленин о Л. Н. Толстом.
18. Ленин и Горький.
19. Жизнь и деятельность В. И. Ленина в произведениях советских писателей.
20. Образ Ленина в поэзии.
21. Образ В. И. Ленина в многонациональной советской литературе.
22. Образ вождя революции в произведениях зарубежных писателей.

Жизнь и труд молодежи на страницах книг советских писателей

- 1.«Буревестники революции». (Книги о молодых революционерах России начала XX столетия).
2. Комсомол и молодежь в годы гражданской войны. (Обзор литературы).
3. Они были первыми. (Комсомол в годы первых пятилеток) .
4. Молодежь в боях за Родину. (Обзор литературы).
5. Произведения о молодом поколении. СССР в послевоенные годы
6. Герои комсомольских ударных. (Книги о героическом труде молодежи на стройках коммунизма).
7. Советская молодежь в борьбе за мир. (Обзор литературы).
8. Молодой герой в современной советской прозе.
9. Молодежь в науке, литературе и искусстве. (По страницам книг советских авторов).
10. Верный помощник партии. (Обзор книг о Ленинском комсомоле).

История книгопечатания

1. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о культуре полиграфического оформления книги.
2. Древняя рукописная книга.
3. Русские летописи и их авторы.
4. Искусство оформления древнерусской рукописной книги.
5. Рукописные и старопечатные книги.
6. Возникновение книгопечатания в нашей стране и за рубежом.
7. Иван Федоров — основатель книгопечатания на Руси.
8. Первые типографии на территории нашей страны.
9. Развитие издательского дела в России.
10. Издательская деятельность марксистских революционных организаций.
11. Революционная подпольная печать в России в конце XIX—начале XX в.
12. Выдающиеся издатели России XIX в.
13. У истоков советского книжного дела.
14. Современное состояние издательского дела в СССР и пути его развития.
15. Историческое развитие книги.
16. Книга как памятник культуры.
17. История отдельных книг.
18. Как рождается книга.
19. Книга обсуждается в рукописи.
20. История художественного оформления книги.
21. Выдающиеся русские художники-графики.
22. Проблемы и поиски современной книжной графики.
23. История книжного знака — экслибриса,
24. Мастера советского экслибриса.
25. Мастера зарубежного экслибриса.
26. Книга будущего.
27. Миниатюрная книга вчера, сегодня, завтра.

Библиотека и читатель

1. К. Маркс, Ф. Энгельс о библиотеке.
2. Русские книги в библиотеке К. Маркса и Ф. Энгельса.
3. В. И. Ленин о библиотечном деле.
4. История библиотечного дела.
5. Библиотека — сокровищница человеческих знаний.

6. Древнейшие библиотеки мира.
7. Крупнейшие книгохранилища у нас в стране и за рубежом.
8. Развитие библиотечного дела в СССР.
9. Редкие издания в библиотеках СССР и за рубежом.
10. История создания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
11. Проблемы сохранности библиотечных фондов.
12. Пути повышения использования книжных фондов страны.
13. Основные направления развития библиотечного дела на 1981—1985 гг.
14. Библиотека — в помощь производству.
15. Что надо знать о справочном аппарате библиотеки.
16. Обучение школьников основам библиотечного дела.
17. Практические советы начинающему заниматься библиографией.
18. Совместная работа библиотек с организациями ВОК.
19. Из опыта работы общественных библиотек.
20. Современные принципы изучения читательских интересов.
21. Социология чтения.

О книголюбях и книгособирателях

1. Личные библиотеки К. Маркса и Ф. Энгельса.
2. Личные библиотеки В. И. Ленина.
3. Из истории книжного собирательства.
4. Личные книжные коллекции выдающихся деятелей культуры.
5. Выдающиеся русские советские библиофилы.
6. Домашняя библиотека, принципы и методы ее комплектования.
7. Домашняя библиотека специалиста.
8. Книжные находки в букинистическом мире.
9. О книголюбях и книгособирателях.
10. Библиофилы наших дней.
11. Друзья мои книги.
12. Судьбы знаменитых книг.
13. Серийные издания в твоей библиотеке.

Массовые мероприятия — литературные вечера, устные журналы, встречи

1. СССР — самая читающая страна в мире.
2. Книга, рожденная Октябрем.

3. Книга и пятилетка.
4. Тема Родины в советской поэзии.
5. Дружба народов — дружба литератур. (К 60-летию образования СССР).
6. Поэзия братства и единства.
7. Советская поэзия в борьбе за мир.
8. Наш современник в произведениях советских писателей.
9. Хвала рукам, что пахнут хлебом. (Книга о трудовом крестьянстве).
10. Поэма о земле целинной.
11. Земля зовет молодых.
12. Герои книги в литературе и жизни.
13. Из жизни — в книги, из книг — в бессмертие.
14. Сражающаяся книга.
15. Строка, оборванная пулей. (Книги поэтов, погибших в годы Великой Отечественной войны)
16. Их имена забыть не должно.
17. От типографии Ивана Фёдорова до современного книжного издательства.
18. По следам литературных героев.
19. В мире интересных книг.
20. Искусство быть читателем.
21. Советские писатели — детям.
22. О спорт — ты мир!

Юбилейные вечера, посвященные жизни и творчеству выдающихся деятелей прошлого и настоящего, обзору советской и зарубежной литературы, встречи с писателями, поэтами, критиками, литературоведами».

Приложение 9

Отправка делегаций советских книголюбов, прием иностранных делегаций Всесоюзным обществом любителей книги в 1975-1983 гг.⁵⁴⁶

Год	1975		1976		1977		1978		1979		1980		1981		1982		1983		Итого:	
	Отправка	Прием	Отправка	Прием	Отправка	Прием	Отправка	Прием	Отправка	Прием	Отправка	Прием	Отправка	Прием	Отправка	Прием	Отправка	Прием	Отправка	Прием
ПНР		1	1	1			1	1		1	1						1	1	4	4
ЧССР					1			1	1	1					1				3	2
ВНР	1		1			1	1			1			1			1	1		5	3
НРБ			1	1		1			1	1	1	1	1		1	1	1		5	5
ГДР		1	1	2	1	1	1	1		1	1	1		1	1			1	5	8
СРР					1			1			1			1					2	2
МНР								1	1										1	1
Куба										1								1	-	2
СРВ												1							-	1
СФРЮ																	1		1	-
Финляндия													1			1	1		2	1
Итого:	1	2	4	4	3	3	3	5	3	6	4	3	3	3	3	2	4	3	28	29

⁵⁴⁶ Сост. автором на основе: Отчет о международных связях ВОК в [1975-1983 гг.]. ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 27; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 79; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 143; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 207; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 281; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 368; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 432; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 496; ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 558.

План приема делегации Народной республики Болгария⁵⁴⁷

1-ый день приезда:

11.45 – Встреча на аэродроме.

14.00-16.00 – Устройство в гостинице и обед.

16.00 – Свободное время.

2-ой день пребывания:

10.00-13.00 – Посещение ВДНХ.

13.00-15.00 – Время обеда.

15:30-17:30 – Беседа в Центральном правлении ВОК

19.00 – Московский Художественный театр им. М. Горького

3-ий день пребывания:

10.00-13.00 – Посещение Государственной библиотеки им. В.И. Ленина

13.00-15.00 – Время обеда.

15.30-17.30 – Свободное время.

19.00 – Московский клуб экслибристов.

4-ый день пребывания:

10.00-12.00 – Беседа в Москниге с Поливановским С.Е.

13.00-15.00 – Время обеда.

15.00-17.00 – Посещение Московского Дома книги.

19.00 – Государственный Большой театр Союза ССР.

5-ый день пребывания:

10.00-13.00 – Посещение Исторического музея.

13.00-15.00 – Время обеда.

15.00-17.00 – «Праздник книги» Центральный парк им. М. Горького.

19.00 – Кремлевский Дворец съездов.

6-ой день пребывания:

8.00-20.00 – Поездка в Суздаль.

7-ой день пребывания:

12.45 – Проводы на Шереметьевском аэродроме».

⁵⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-9650. Оп. 1. Д. 146. Л. 7-8.